

ISSN 2542-2332

2019 №4 (21)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №4 (21)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgaria, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Почекаев Р. Ю.</i> Расправа Чингисхана с Сача-бэки и начало эпохи ханского правосудия.....	7
<i>Радовский С. С., Серегин Н. Н.</i> Топография и планиграфия некрополей быстрианской культуры Алтая скифо-сакского времени.....	17
<i>Лихачева О. С.</i> Реконструкция комплекса вооружения знатного воина саргатской культуры (по материалам могильника Сидоровка)	34
<i>Табалдиев К. Ш., Акматов К. Т., Ашык А., Белек К.</i> Результаты археологических раскопок на мавзолее Кёк-Таш в полевом сезоне 2017–2018 годов в Кыргызстане.....	48
<i>Серегин Н. Н.</i> Тюркские оградки Монголии: основные этапы изучения и интерпретации	70
<i>Руденко К. А.</i> Знаки-тамги в культуре волжских булгар: новые открытия.....	88

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Сакович Е. Г.</i> Происхождение этнонима «половцы»: летописные сведения и мнения исследователей	99
--	----

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ильин В. Н.</i> Старообрядчество Алтая в контексте репрессивной политики имперских властей.....	105
<i>Матыцин К. С.</i> Исторические этапы легенды о Беловодье у старообрядцев Алтая: историографический аспект исследования	115
<i>Недзельюк Т. Г.</i> Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения	128
<i>Волоснов Р. Ю.</i> Паломничество к православным святыням в сельской местности Западной Сибири в конце XIX — начала XX в. как социокультурный феномен.....	140

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

<i>Коростиченко Е. И.</i> За пределами конфессий и атеизма: рецензия на сборник «Свободомыслие и атеизм: идеи и лица».....	150
--	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	157
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Pochekaev R. Yu.</i> The punishment of Sacha-Beki by Chinggis Khan and beginning of the epoch of khans' justice.....	7
<i>Radovskiy S. S., Seregin N. N.</i> Topography and planigraphy of necropolises of Bistryansk culture of Altai (Scythian-Saka time)	17
<i>Likhacheva O. S.</i> Reconstruction of a complex of arms of a noble warrior Sargatskaya culture (on materials of burial ground Sydorivka).....	34
<i>Tabaldyev K. Sh., Akmatov K. T., Ashyk A., Belek K.</i> Results of the archaeological excavations at the Kyok-Tash mausoleum in the 2017–2018 field season in Kyrgyzstan	48
<i>Seregin N. N.</i> Turkic enclosures of Mongolia: main stages of studying and interpretation	70
<i>Rudenko K. A.</i> Tamgi signs in the culture of Volga Bulgar: new opening.....	88

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sakovich E. G.</i> The origin of ethnonym “cumans”: data of chronicles and opinions of researchers	99
---	----

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Ilyin V. N.</i> Old Believers of Altai in the context of repressive policy of the Imperial authorities.....	105
<i>Matytsin K. S.</i> The historical stages of the legends about Belovodye of Old Believers of Altai: a historiographical aspect of research.....	115
<i>Nedzelyuk T. G.</i> Change of religious affiliation in the Russian Empire on the example of Western Siberia: potential, regulation, practice	128
<i>Volosnov R. U.</i> Pilgrimage to orthodox holy sites in rural areas of Western Siberia of the end of XIX — the beginnings of the XX th centuries as sociocultural Phenomenon.....	140

Section IV

BOOK REVIEWS

<i>Korostichenko E. I.</i> Beyond Denominations and Atheism: a review of a collective book “Freethought and atheism: concepts and personas”	150
---	-----

INFORMATION FOR THE AUTHORS	157
--	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 340; 94 (517)

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–01

Р. Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург (Россия)*

РАСПРАВА ЧИНГИСХАНА С САЧА-БЭКИ И НАЧАЛО ЭПОХИ ХАНСКОГО ПРАВОСУДИЯ¹

Расправа Чингисхана со своими влиятельными родственниками — Сача-бэки и Тайчу, предводителями рода кият-джуркин, нашла отражение в многочисленных источниках — монгольских, китайских, персидских. Анализ их сведений позволяет обнаружить в них расхождения не только фактического, но и в значительной степени идеологического характера, в результате чего в ранних источниках присутствует, можно сказать, завуалированное осуждение расправы Чингисхана над родичами, в сочинениях же имперского и пост-имперского периода поступок Чингисхана трактуется как расправа верховного правителя с изменниками. Современные исследователи также объясняют действия Чингисхана по-разному. Одни склонны приписывать расправу над вождями кият-джуркинов его кровожадности и стремлению избавиться от могущественных конкурентов в борьбе за трон. Другие полагают, что Сача-бэки и Тайчу возглавляли сторонников «старого строя», противостоявших имперским амбициям Чингисхана. Во многом эти разногласия исследователей объясняются именно разными оценками данного события в источниках. Автор полагает, что расправа Чингисхана с Сача-бэки и Тайчу фактически положила начало формированию судебной компе-

¹ Статья представляется собой расширенную и дополненную версию доклада, представленного на круглом столе «Тюрко-монгольский мир в рукописях и документах (V монголоведные чтения)» в рамках Международного форума «Россия и Восток. К 200-летию российского академического востоковедения» (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2018 г.).

тенции хана как носителя власти в условиях создания новой, имперской, государственной идеологии. Анализ сообщений позволяет сделать некоторые наблюдения по поводу начальной стадии развития суда и процесса в Монгольской империи, в котором сочетаются элементы традиционного (нашедшего отражение даже в степном фольклоре) и имперского права.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингисхан, право и суд кочевников Евразии, монгольские средневековые источники, китайские источники, персидские источники, традиционное право и процесс, имперская идеология, имперское законодательство.

R. Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg (Russia)

THE PUNISHMENT OF SACHA-BEKI BY CHINGGIS KHAN AND BEGINNING OF THE EPOCH OF KHANS' JUSTICE

The punishment of powerful leaders of Kiyat-Jurkin tribe Sacha-Beki and his brother Taychu by their relative Chinggis Khan was fixed in many sources (Mongolian, Chinese, Persian). Their analysis allows to find differences not only in factual, but also in ideological aspect. As a result, in earlier sources execution of relatives by Chinggis Khan is covertly blamed, whereas in works of imperial and post-imperial periods his decision is treated as a legal punishment of traitors by supreme ruler. Modern scholars also explain deed of Chinggis Khan in different ways. Some of them consider the punishment of Kiyat-Jurkin leaders as an example of his blood-thirstiness and intention to rid himself of powerful claimants to the throne. Others suppose that Sacha-Beki and Taychu were adherent of "old regime" who resisted imperial ambitions of Chinggis Khan. In many respects these differences caused by different appraisals of Chinggis Khan deed in the sources. To author's opinion, the punishment of Sacha-Beki and Taychu became a first step in forming of khan's judicial field as a possessor of power during the process of development of new, imperial state ideology. Analysis of sources allows to make some observations on initial stage of court and procedure in the Mongol Empire which combined elements of traditional and imperial law.

Key words: Mongol Empire, Chinggis Khan, law and justice of Eurasian nomads, Mongolian medieval sources, Chinese sources, Persian sources, traditional law and court procedure, imperial ideology, imperial legislation.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Адрес для контактов: rpochekaev@hse.ru

Конфликт Чингисхана со своим родственником Сача-бэки, приведший к разгрому и казни последнего¹, неоднократно привлекал внимание исследователей — благо, что сведения об этих событиях сохранились в большом количестве источников по ранней истории Монгольской империи. При этом одни авторы рассматривают их в контексте политической истории и политической антропологии, другие пытаются на их основе вывести некие личные черты и качества самого Чингисхана. В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть действия Чингисхана против Сача-бэки как одно из ранних проявлений (а возможно, и самое раннее) ханского правосудия, которое в дальнейшем стало неотъемлемой прерогативой монархов Монгольской империи.

Сача-бэки, глава родового подразделения кият-юркин, являлся старшим родственником Тэмуджина (его троюродным братом) [Скрынникова, 2013: 77], однако в 1180-е гг. принимал участие в его возведении на ханский трон под именем Чингисхана. Несмотря на то, что формально он поддержал кандидатуру младшего родственника, он всячески подчеркивал свое равенство с ним и не намеревался признавать его верховенство [Акимбеков, 2011: 150–151]². Неоднократно он демонстрировал это, когда шел на обострение отношений с Чингисханом. Сначала это была и подробно описанная в средневековых источниках ссора на пиру, начавшаяся из-за «местничества» членов правящего семейства³ и вылившаяся в драку между сторонниками Чингисхана и Сача-бэки (при этом последних довольно сильно поколотили), затем — отказ от участия в боевых действиях против общих врагов (татар, найманов и др.), наконец, нападение на кочевье Чингисхана и его разграбление, пока сам хан был в походе. Именно последние действия кият-юркинов вызвали быструю и решительную реакцию Чингисхана, который, вернувшись из похода, внезапно напал на Сача-бэки, разгромил его воинов, приказал казнить вместе с братом Тайчу, а все их владения присоединил к собственным.

Обоснованным представляется мнение Л. Н. Гумилева о том, что Сача-бэки, его родичи и подданные, нападая на кочевье Чингисхана, действовали в соответствии со старинными степными обычаями: так они решили посчитаться за то, что их поколотили во время ссоры на пиру [Гумилев, 1992: 299]⁴. Однако сам Чингисхан расценил их действия уже в соответствии с новыми, изменившимися условиями и воспринял как пре-

¹ Различные исследователи, опираясь на данные разных источников, датируют эти события от 1195 до 1201 г.

² По обоснованному мнению Т. Д. Скрынниковой, до избрания Тэмуджина в ханы именно Сача-бэки считался главным предводителем рода, на что указывает и его титул бэки [Крадин, Скрынникова, 2006: 346]. Рашид ад-Дин в уста одного из сторонников Чингисхана вложил слова о стремлении Сача-бэки самому стать ханом [Рашид ад-Дин, 1952а: 177].

³ Пристальное внимание к этому пиру во многом объясняется символической ролью таких мероприятий, на которых, во-первых, демонстрировалось единство правящего рода, во-вторых, происходило распределение должностей и обязанностей, именно поэтому и имела принципиальную важность рассадка гостей и очередность поднесения чаш [Крамаровский, 2012: 36–43; Скрынникова, 2005: 116–117].

⁴ Подобный способ «получения компенсации» за действительные или мнимые обиды путем набега на обидчика и похищения его скота или иного имущества еще в течение многих веков действовал в Великой Степи. Наиболее подробно освещен он в исследованиях по истории казахов, среди которых этот обычай носил название барымты (баранты) и долгое время считался способом внесудебного урегулирования конфликтов, лишь в XIX в., будучи признан российскими имперскими властями преступлением, влекшим уголовное наказание [Фукс, 2008: 420–465; Martin, 1997].

ступление, за которое должно было последовать суровое наказание. Именно это его решение и последовавшие решительные и жестокие действия в отношении Сача-бэки, по нашему мнению, и знаменуют начало ханского правосудия в Монгольской империи — суда хана как главы государства, а не как прежнего военного предводителя, действовавшего на основе степного обычного права.

Сами же монгольские авторы совершенно по-разному трактовали и оценивали действия Чингисхана в разные периоды времени. Так, в самом раннем источнике — «Сокровенном сказании», которое принято датировать 1240 г. (и, как считается, созданном современниками самого Чингисхана) расправа с Сача-бэки описывается с некоторой долей осуждения действия хана, который «знаменитых людей сокрушил», которые были «действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые» [Козин, 1941: 114–116; Палладий, 1866: 67–68; Rachewiltz, 2004: 58–59]. Исследователи на основании этой трактовки высказывают мнение, что Чингисхан в данных событиях проявил жестокость, коварство, зависть к старшим родственникам и намерение избавиться от всех конкурентов на престол [Барфилд, 2009: 298; Кычанов, 1995: 103; Хартог, 2007: 32; Хоанг, 1997: 123–124].

Придворный историограф персидских ильханов Рашид ад-Дин на рубеже XIII–XIV вв. интерпретирует события иначе, чем автор «Сокровенного сказания»: по его версии, Чингисхан до последнего старался «снизить расположение племени юркин», предпринимая попытки примирения с ним и раздела военной добычи (захваченной даже в тех походах, в которых кият-юркины не участвовали)¹. А когда те своим поведением вынудили его на ответные действия, он постарался обосновать их тем, что... действовал в интересах своего союзника Ван-хана — правителя кераитов, с которым вместе и ходил в поход против татар, когда Сача-бэки напал на его кочевья [Рашид ад-Дин, 1952б: 93]. Французский исследователь Р. Груссе полагал, что эта ссылка на интересы Ван-хана должна была придать легитимный характер действиям Чингисхана, которые действительно сильно отличались от прежней реакции на подобные степные набеги [Grousset, 2000: 204]. Именно у Рашид ад-Дина впервые появляется сообщение о том, что Чингисхан совершил против Сача-бэки не один, а два похода: во время первого он их только разгромил, а во время второго (уже вместе с Ван-ханом) настиг, схватил и приказал казнить [Рашид ад-Дин, 1952б: 110–111].

Аналогичным образом трактуются анализируемые события и в другом образце монгольской «имперской» историографии — династийной истории «Юань ши», составленной в 1369 г.: ее составители упоминают, что Сача-бэки и его сторонники не только совершили все вышеперечисленные действия против Чингисхана, но и посягнули на его посланцев, убив десятерых, а остальных ограбив и прогнав [Бичурин, 1829: 13; Золотая Орда, 2009: 131]². С точки зрения имперского права, такие посланцы не только были неприкосновенны, но и следовало неукоснительно выполнить переданное ими приказание, так что Сача-бэки в такой интерпретации был виновен в серьезном государ-

¹ В связи с этим нельзя не отметить предположение Р.П. Храпачевского о том, что «терпеливость» Чингисхана к кият-юркинам после столь откровенных проявлений их враждебности объясняется тем, что хану было необходимо собраться с силами после недавней междоусобицы [Храпачевский, 2005: 93–94; ср.: Крадин, Скрынникова, 2006: 346–347].

² Аналогичная трактовка присутствует и в поздней маньчжурской версии истории Чингисхана и его потомков [История, 2011: 27–28]. См. также: [Howorth, 1876: 54].

ственном преступлении. Примечательно, что число жертв, упомянутых в «Юань ши», в принципе соответствует числу пострадавших сторонников Чингисхана, упомянутому в «Сокровенном сказании», но — при набеге Сача-бэки на его кочевье: автор, писавший в 1240 г., еще не проникся имперской правовой идеологией, и для него расправа именно с ханскими посланцами не была таким принципиальным моментом, как для «имперских» историков. Как и Рашид ад-Дин, составители «Юань ши» упоминают о двух походах Чингисхана против Сача-бэки [Золотая Орда, 2009: 131–132; История, 2011: 28].

Обращаясь к более поздней интерпретации этих событий в монгольских сочинениях, можно выделить среди них два направления. Первое, представленное, в частности, автором первой половины XIX в. Джамбадорджи, в принципе следует ранее заданной имперской традиции [Джамбадорджи, 2005: 79]. Гораздо больший интерес представляют образцы «монгольской буддийской историографии», в которых действия Чингисхана трактуются и, соответственно, одобряются уже даже не столько с имперской, сколько с религиозной точки зрения. В трактовке таких авторов он является чакравартином, «перерождением Хормусты-тэнгри», стремившимся установить верховную власть с целью распространения «истинной веры», а те, с кем он сражался, характеризовались как «плохие, чужие ханы». В их число оказался включен и Сача-бэки [Желтая история, 2017: 81, 114; Лубсан Данзан, 1973: 245], чье близкое родство с Чингисханом по вполне понятным причинам в таких сочинениях не упоминается.

Таким образом, анализ различных источников, по нашему мнению, достаточно последовательно отражает эволюцию взглядов монгольской элиты (к каковой относились и составители исторических сочинений) на действия Чингисхана в отношении своего родственника: от осуждения излишней жестокости и мести за действия, в общем-то не считавшиеся преступными в ранних источниках до полного одобрения действий монарха, стремившегося поддерживать единство и законность в своих владениях. Кроме того, сведения о расправе Чингисхана с Сача-бэки дают возможность пролить свет на некоторые особенности судебного процесса в ранней Монгольской империи.

Теперь обратимся к историческим сочинениям как источнику сведений о судебном процессе в ранней Монгольской империи. На первый взгляд никакого суда над Сача-бэки, его братом Тайчу и другими сторонниками не было: хан сначала озвучил перед своими сторонниками причины, по которым намеревался предпринять действия против кият-юркинов, а затем, схватив их, быстро отдал приказ об умерщвлении. Однако, как представляется, с формально-юридической точки зрения эти сведения можно трактовать несколько иначе.

Во-первых, сам факт «перечисления обид» Чингисханом в известной степени можно признать как своего рода «обвинительное заключение» против Сача-бэки: монарх объявляет преступными те действия, которые прежде к таковым не относились, и обвиняет кият-юркинов не просто в продолжении практики степных междоусобиц, а в посягательстве на его власть и на порядок государственного управления³. Отсюда — столь

³ Р.П. Храпачевский считает, что Чингисхан нашел возможность «в соответствии с традициями отомстить чжурки» [Храпачевский, 2005: 96]. Это, несомненно, заблуждение: в соответствии с традициями он совершил бы ответный грабительский набег, а не взял бы курс на последовательное наказание своих соперников как государственных изменников.

подробное перечисление всех тех деяний, которые совершили Сача-бэки и его подданные (этот перечень содержат практически все проанализированные источники [Джамбадорджи, 2005: 79; Золотая Орда, 2009: 131; Козин, 1941: 114; Рашид ад-Дин, 1952б: 93]; см. также: [Акимбеков, 2011: 157]): «по совокупности дел» они и заслужили быстрого, неотвратимого и сурового наказания. Таким образом, по сути, слова Чингисхана являются результатом своего рода «заочного разбирательства», завершившегося вынесением «обвинительного заключения», исполнителем наказания по которому он также стал сам.

В связи с этим следует придать формально-юридическое толкование и содержащемуся в имперской историографии сообщению о двух походах Чингисхана против Сача-бэки. Первый поход, таким образом, являлся наказанием за совершенные преступления против хана и государства. Второй же последовал по той причине, что преступники не образумились, не явились с повинной, а бежали, тем самым усугубив свою вину, за что и заплатились жизнью.

Описание самой расправы с Сача-бэки и его братом Тайчу также представляет интерес с точки зрения монгольского судебного процесса. В «Сокровенном сказании» этот эпизод излагается следующим образом: «После поимки он сказал Сача и Тайчу: «О чем вы согласились прежде?» В ответ Сача и Тайчу сказали: «Мы не соблюдали слова, которые говорили. Теперь поступай с нами в соответствии с ними!» И, соблюдая клятву, вытянули шеи для меча. Заставив их признать их клятву, он казнил их и бросил их тела там и тогда» [Rachewiltz, 2004: 59]. Весьма примечательно, что в данном случае достаточно четко воспроизведена процедура «судебных прений», которая широко использовалась у монголов и в имперскую эпоху, и в более поздние времена. Речь идет о своеобразном состязательном процессе, в ходе которого выдвигались обвинения, и обвиняемому давался шанс опровергнуть их собственными показаниями. Таким образом, Чингисхан не просто приказал казнить схваченных противников, а устроил судебное заседание, предоставив им возможность защищаться. В результате Чингисхану удалось доказать свои обвинения, а Сача-бэки и Тайчу были вынуждены признать, что действительно нарушили клятву, данную хану при его возведении на трон, и отдаться на его волю. Учитывая серьезность обвинений (вот зачем понадобилось «обвинительное заключение!»), Чингисхан имел все основания приговорить их к смерти, что он и сделал, одновременно проявив себя в качестве сурового, но справедливо-го верховного судьи в своем государстве и избавившись от действительно сильного соперника в борьбе за власть.

Тот факт, что Сача-бэки и Тайчу были казнены именно как государственные преступники, подчеркивается упоминанием о форме их казни. Большинство источников упоминает лишь о том, что Чингисхан «покончил с ними», «истребил», «уничтожил их» и т. п.¹ Однако, на наш взгляд, наиболее ценным является вышеприведенное сообщение «Сокровенного сказания» о том, что он «бросил их тела там и тогда»: и в дальней-

¹ М. Хоанг вообще утверждает, что Сача-бэки и Тайчу «обезглавили», хотя таких сведений ни в одном источнике не содержится [Хоанг, 1997: 124].

шем в Монгольской империи и ханствах Чингизидов государственных преступников запрещалось хоронить, их тела долгое время лежали на всеобщем обозрении.

Проведенный анализ, как представляется, позволяет датировать начало ханского правосудия в тюрко-монгольском мире именно данным делом: впервые хан стал вершить суд не на основе прежних степных обычаев (как старший среди равных родоплеменных предводителей), а как носитель верховной власти, истолковывая действия, направленные против него как посягательство на государственное управление и нарушение закона². Столь радикальный отход от прежних степных обычно-правовых традиций заставил Чингисхана прибегнуть к созданию собственной системы правовых норм, нашедших отражение, в частности, в записи вынесенных судебных решений в специальный реестр «Коко Дефтер-бичик» («Синяя роспись»), который должен был служить источником для последующих судей [Козин, 1941: 160]. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые процессуальные действия, осуществлявшиеся в данном случае, имели традиционное происхождение. В частности, «перечисление обид» вовсе не было изобретением Чингисхана: подобные обвинения своим противникам оглашали и его предшественники, и он сам перед походами. Аналогичным образом процедура вопросов и ответов, на основе которых и принималось решение в спорных ситуациях, упоминается не только в сочинениях имперского периода (см., напр.: [Рашид ад-Дин, 1952а: 95–96]), но даже и в монгольском народном фольклоре [Носов, 2015].

Таким образом, Чингисхан создал прецедент ханского правосудия, отдельные направления подсудности и пределы компетенции которого еще предстояло определить ему самому и его ближайшим преемникам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акимбеков С. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы, 2011. 640 с.

Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб., 2009. 488 с.

Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. XVI + 440 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. 512 с.

Джамбадорджи. Хрустальное зеркало // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 62–154.

Желтая история (Шара туджи). М., 2017. 406 с.

Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. III. 335 с.

История Небесной империи. Новосибирск, 2011. Т. I. 220 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 620 с.

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М., 2006. 557 с.

² Т. Д. Скрынникова в принципе связывает возникновением монгольского судопроизводства с деятельностью Чингисхана в начале XIII в. [Скрынникова, 2002: 164]. По мнению С. Акимбекова, это событие стало поворотным моментом и в истории монгольской государственности [Акимбеков, 2011: 157–158].

Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. 496 с.

Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингисхан. Личность и эпоха. М., 1995. 272 с.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. 440 с.

Носов Д. А. Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.

Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. IV. С. 1–260.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1. 221 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. 315 с.

Скрынникова Т. Д. Монголы и тайджиуты — братья-соперники? // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2. С. 110–126.

Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // *Altaica*. М., 2002. VII. С. 163–174.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. СПб., 2013. 384 с.

Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008. 816 с.

Хартог Л. де. Чингисхан. Завоеватель мира. М., 2007. 285 с.

Хоанг М. Чингисхан. Ростов-на-Дону, 1997. 352 с.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. 557 с.

Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick; New Jersey; London, 2000. XXX + 687 p. (на англ. яз.).

Howorth H. H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Pt. I. London, 1876. XXVIII + 743 p. (на англ. яз.).

Martin V. *Barymta: Nomadic Custom, Imperial Crime // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1750–1917*. Bloomington, 1997. P. 249–270 (на англ. яз.).

Rachewiltz I. de (transl.). *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden-Boston, 2004. Vol. I. CXXVII + 642 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Akimbekov S. *Istoriya stepey: fenomen gosudarstva Chingiskhana v istorii Evrazii* [History of Steppes: a phenomenon of the state of Chinggis Khan in the history of Eurasia]. Almaty, 2011. 640 s. (in Russian).

Barfild T. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n. e. — 1757 g. n. e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757] St. Petersburg, 2009. 488 s. (in Russian).

Bichurin N. (o. Iakinf). *Istoriya pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova* [History of the first four khans from the lineage of Chinggis Khan]. St. Petersburg, 1829, XVI + 440 s. (in Russian).

Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'* [The Ancient Rus' and the Great Steppe]. М., 1992. 512 s. (in Russian).

Dzhambadordzhi. *Khrustal'noe zerkalo* [Crystal mirror]. *Istoriya v trudakh uchenykh lam* [History in the works of learned lamas]. Moscow, 2005. S. 62–154 (in Russian).

Tsendina A. D. (transl.) *Zheltaya istoriya (Shara tudzhi)* [The Yellow History]. Moscow, 2017. 406 s. (in Russian).

Khrapachevskiy (comp.). *Zolotaya Orda v istochnikakh*. [The Golden Horde in the sources]. Moscow, 2009. Vol. 3. 335 s. (in Russian).

Tyuryumina L. V., Kamenskiy P. I. (transl.). *Istoriya Nebesnoy imperii* [The history of the Celestial Empire]. Novosibirsk, 2011. Vol. I. 220 s. (in Russian).

Kozin S. A. (transl.) *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [The Secret History. Mongolian chronicle of 1240]. Moscow; Leningrad, 1941. 620 s. (in Russian).

Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. M., 2006. 557 s. (in Russian).

Kramarovskiy M. G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy. Zolotaya Orda. Vizantiya. Italiya* [The man of medieval street. Golden Horde. Byzantium. Italy]. St. Petersburg, 2012. 496 s. (in Russian).

Kychanov E. I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir: Chingis-khan. Lichnost' i epokha* [The life of Temuchin who intended to conquer the world. The person and epoch]. Moscow, 1995. 272 s. (in Russian).

Lubsan Danzan. *Altan Tobchi ("Zolotoe skazanie")* [The Golden Story]. Moscow, 1973. 440 s. (in Russian).

Nosov D. A. *Rukopis' mongol'skoy skazki "O starike Borontai" iz sobraniya IVR RAN* [Manuscript of Mongolian folktale "A tale of the old man Borontai" from IOM of RAS]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of Orient], 2015, no.1 (22). S. 5–11 (in Russian).

Palladiy. *Starinnoe mongol'skoe skazanie o Chingiskhane* [Old Mongolian story on Chinggis Khan]. *Trudy chlenov rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine* [Proceedings of members of the Russian ecclesiastical mission in Peking]. St. Petersburg, 1866, Vol. 4. S. 1–260 (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow; Leningrad, 1952. Vol. 1. Pt. 1. 221 s. (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow; Leningrad, 1952. Vol. 1. Pt. 2. 315 s. (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Mongoly i taydzhauty — brat'ya-soperniki?* [Mongols and Taichiuts — brothers-rivals?]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [Mongol Empire and nomadic world]. Ulan-Ude, 2005. Vol. 2. S. 110–126 (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Sudoproizvodstvo v Mongol'skoy imperii* [Legal procedure in the Mongol Empire]. *Altaica*, 2002. Vol. 7. S. 163–174 (in Russian).

Skrynnikova T. D. *Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana* [Charisma and power during the epoch of Chinggis Khan]. St. Petersburg, 2013. 384 s. (in Russian).

Fuks S. L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v.* [Essays on history of state and law of Kazakhs of 18th and first half of 19th c.]. Astana, 2008. 816 s. (in Russian).

Hartog L. de. *Chingiskhan. Zavoevatel' mira* [Genghis Khan: Conqueror of the World]. Moscow, 2007. 285 s. (in Russian).

Hoang M. *Genghiskhan* [Chingis Khan]. Rostov-na-Donu, 1997. 352 s. (in Russian).

Khrapachevskiy R. P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [Military state of Chinggis Khan]. Moscow, 2005. 557 s. (in Russian).

Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick; New Jersey; London, 2000, XXX + 687 s. (in English).

Howorth H. H. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century*. Pt. I. London, 1876, XXVIII + 743 s. (in English).

Martin V. Barymta: Nomadic Custom, Imperial Crime. In: D. Brower, E. J. Lazzerini (eds.). *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1750–1917*. Bloomington, 1997. S. 249–270 (in English).

Rachewiltz I. de (transl.). *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden \$ Boston, 2004. Vol. I. CXXVII + 642 p. (in English).

Цитирование статьи:

Почекаев Р. Ю. Расправа Чингисхана с Сача-бэки и начало эпохи ханского правосудия // Народы и религии Евразии. 2019. №4 (21). С. 7–16.

Citation:

Pochekaev R. Yu. The punishment of Sacha-Beki by Chinggis Khan and beginning of the epoch of khans' justice. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. №4 (21). P. 7–16.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–02

С. С. Радовский, Н. Н. Серегин*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИГРАФИЯ НЕКРОПОЛЕЙ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ¹

Статья посвящена систематизации и анализу сведений об особенностях топографии и планиграфии некрополей, представляющих собой важные элементы погребальной обрядности населения быстрианской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени. Установлено, что большая часть известных могильников устроена в долинах крупных рек. Выделены несколько групп некрополей, локализация которых также отражает особенности расположения поселенческих комплексов. В рамках характеристики планиграфии погребальных памятников быстрианской культуры учтены материалы исследований 19 могильников, сведения о которых достаточны для полноценного анализа. Выявлено, что население северных предгорий Алтая скифо-сакского времени в большинстве случаев формировало собственные отдельные комплексы, насчитывавшие до 100, а иногда и более курганов. Характерной чертой внутренней структуры некрополей является формирование объектов в цепочки от двух до восьми сооружений, реже в микрогруппы. При этом для большей части могильников отмечены несколько направлений в ориентировке цепочек курганов. Основным является меридиональное направление; отклонения от него, вероятно, зависят от сезонного движения солнца. Расширение сделанных наблюдений связано с проведением раскопок некрополей быстрианской культуры, а также детализацией хронологии изученных объектов.

Ключевые слова: быстрианская культура, Алтай, топография, планиграфия, некрополь, скифо-сакское время.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18–78–00083 «Социальные системы кочевников Алтая раннего железного века и Средневековья: статистический и контекстуальный анализ археологических материалов»).

S. S. Radovskiy, N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul (Russia)

TOPOGRAPHY AND PLANIGRAPHY OF NECROPOLES OF BISTRYANSK CULTURE OF ALTAI (SCYTHIAN-SAKA TIME)

The article presents systematization and analysis of information about the features of the topography and planigraphy of the necropolises, which were important elements of the funeral rites of the population of the Bystryansk culture of the northern foothills of the Altai in the Scythian-Sakian time. The authors establish that most of the burial grounds are located in the valleys of large rivers. Several groups of necropolises were distinguished, the localization of which also reflects the peculiarities of the location of settlements. In the framework of the characteristics of the planigraphy of burial complexes of Bystryansk culture, research materials of 19 sites are taken into account, information about which is sufficient for a full analysis. It was revealed that the population of the northern foothills of the Altai in the Scythian-Saka time in most cases formed their own separate grave fields, numbering up to 100, and sometimes even more, mounds. A characteristic feature of the internal structure of necropolises is the formation of objects in chains from two to eight structures, less often in microgroups. For most of the complexes several directions were noted in the orientation of the chains of barrows. The main is the meridional direction; deviations from it are probably related to the seasonal movement of the sun. The extension of the observations made is associated with the excavation of the necropolises of Bystryansk culture, as well as the refinement of the chronology of the studied objects.

Key words: Bystryansk culture, Altai, topography, planigraphy, necropolis, Scythian-Saka time.

Радовский Святослав Сергеевич, магистрант исторического факультета Алтайского государственного университета; Барнаул (Россия). Адрес для контактов: radovskiy1996@mail.ru.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; Барнаул (Россия). Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru.

Особенности расположения некрополей и специфика их внутренней структуры являются важными характеристиками погребальной практики древних и средневековых обществ. Очевидно, что варибельность данных черт обряда определялась многими факторами, среди которых большое значение имели религиозно-мифологические представления, природно-климатические условия, устройство социума и др. Нет сомнений в том, что изучение топографии и планиграфии погребальных ком-

плексов конкретных объединений прошлого предоставляет возможности для реконструкции целого ряда аспектов их истории.

Характеристики устройства могильных полей населения Алтая скифо-сакского времени традиционно привлекали внимание археологов. Критерии выбора места расположения кладбищ и размещения курганов на их площади наиболее подробно рассмотрены на материалах пазырыкской культуры [Кубарев, 1987: 6–10; Суразаков, 1988: 118–119; Шульга, 1989: 41–44; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003: 55–56]. Ряд важных заключений сделан при анализе комплексов каменной и староалейской культур Верхнего Приобья [Троицкая, Бородовский, 1994: 24; Шульга, 2003: 29–31; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005: 5; Фролов, 2008: 124–129, 133–136]. Менее подробно представлены особенности обозначенного элемента обрядовой практики у населения быстринской культуры.

А. С. Суразаков, автор первой обобщающей работы, включающей характеристику некрополей северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, подчеркнул, что основная масса погребений располагалась на площади памятников в основном без определённого порядка [Суразаков, 1988: 132]. В последующие годы археологами неоднократно отмечалась локализация могильников быстринской культуры на речных террасах и группировка курганов в цепочки, ориентированные преимущественно в меридиональном направлении [Киреев, 1992б: 54–58; Абдулганеев, Кунгуров А. Л., 1996: 143–155; Бородовский, Бородовская, 2013: 35–39, Шульга, 2015: 17–18]. Отсутствие специальных работ, посвященных анализу топографии и планиграфии некрополей быстринской культуры, определяет необходимость детального анализа данного компонента погребального обряда населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени.

Большая часть погребальных комплексов быстринской культуры устроена в долинах крупных рек: Катунь, Бий, Чумыша, Томи, Каменки, Песчаной. Как правило, некрополи расположены на берегах, мысах и террасах, что соответствует локализации поселений, находящихся, как правило, в относительной близости [Абдулганеев, Владимиров, 1997: 19]. В целом, топография могильников быстринской культуры типична не только для населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, но и для других древних обществ. Это может объясняться тем, что курганы сооружались неподалеку от «зимников» и маршрутов сезонных перекочёвок [Кубарев, 1987: 8–9; Шульга, 1989: 41–44; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003: 55–56].

Исходя из географического принципа представляется возможным обозначить несколько групп некрополей быстринской культуры (рис. 1), которые, судя по имеющимся сведениям, соответствуют особенностям распространения поселений. В отдельные комплексы выделяются некрополи, локализованные по Чумышу («Чумышская группа»), Бий («Бийская группа»), два скопления памятников по Катунь («северная Катунская группа», «южная Катунская группа») и массив памятников, изученных в бассейнах рек Песчаная и Каменка («Западная группа»). Принимая во внимание позицию ряда исследователей о проникновении «быстринцев» за Салаирский кряж, на территорию современной Кемеровской области [Абдулганеев, Владимиров, 1997: 63; Ширин, 2004: 39], предположим, что с получением новых материалов станет возможным выделение особой группы памятников в данном районе.

Рис. 1. Карта-схема распространения некрополей быстрианской культуры (Западная группа: 1 – Солоновка; 2 – Точилинский Елбан, Усть-Белакуриха-III; 3 – Каменка (Красный Яр); южная Катунская группа: 4 – Чултуков Лог-I; 5 – Майма-VI, VII, XIX; северная Катунская группа: 6 – Суртайка-I; 7 – Быстрианка-I; 8 – Березовка-I, XI; 9 – Сростки-II; Бийская группа: 10 – ЦРК; 11 – Бийск-I, II; 12 – Аэродромный; 13 – Боровое-V, VI; 14 – Енисейское-IV; 15 – Тесьпа; Чумышская группа: 16 – Маяцкие Бугры; 17 – Степной Чумыш-III; 18 – Юбилейный-II, III (Точка-I, II); 19 – Первомайский; 20 – Широкий Лог-II; Томская группа: 21 – Кузнецк-1/4, 1/5)

Особенности планиграфии могильников населения быстрианской культуры Алтая могут быть рассмотрены на материалах 19 некрополей, сведения о которых достаточны для полноценного анализа. Из них 15 комплексов имеют более или менее подробные планы расположения объектов: Майма-VI, VII, XIX [Киреев, 1992а: 39, 182, рис. 1; Киреев, 1992б: 55; Киреев, Чевалков, 2005: 86; Киреев и др., 2008: 30–32, с. 99, рис. 41; Бо-

родовский, Бородовская, 2013: 21–23 с. 123, рис. 30а), Чултуков Лог-I [Бородовский, Бородовская, 2013: 21–23, 38–40, с. 127, рис. 34], Суртайка-I [Абдулганеев, 2005: 42–44, рис. 1. — 1; Абдулганеев, 2007: 261, 270, рис. 4. — 2], Быстрянка-I [Завитухина, 1966б: 61–62; Абдулганеев, 2007: 262, 271, рис. 5. — 2], Березовка-I [Полторацкая, 1961: 74–75; Абдулганеев, 2000: 172; Абдулганеев, 2007: 263, 270, рис. 4. — 1], Бийск-I [Завитухина, 1961: 89–90; Абдулганеев, Кунгуров, 1996: 144, рис. 3. — 1], Аэродромный [Кунгуров, Кунгурова, 1982: 79, рис. 1], Енисейское-IV [Абдулганеев, Кунгуров, 1996: 152–154, рис. 3. — 2], Тесьпа [Абдулганеев, Кадиков, 1991: 64; Абдулганеев, 2007: 266, 272, рис. 6. — 1; Кунгурова, 2013: 188–189, с. 187, рис. 3. — 1–2], Маяцкие Бугры [Кунгуров, 1995: 114–117; Абдулганеев, Кунгуров, 1996: 154, рис. 8], Степной Чумыш-III [Кузнецов, 1994: 130–133, 136, рис. 2], Каменка (Красный Яр) [Абдулганеев, 1999: 101–104; Абдулганеев, Тишкин, 1999: 107, рис. 2. — 1; Абдулганеев, 2009: 376], Солоновка [Абдулганеев, 1996: 129–130; Кунгурова, 2013: 182–183, рис. 1. — 1]. Сведения об особенностях внутренней структуры остальных могильников (Юбилейный-II (Точка-I), Первомайский, Широкий Лог-II, Сростки-II) использовались по описаниям, приведенным в публикациях [Завитухина, 1966а: 51; Могильников, Уманский, 1981: 80; Абдулганеев, Кунгуров, 1996: 154–155; Ширин, 2007: 133; Лихачёва, 2014: 153–154].

Анализ систематизированных сведений позволил установить, что население северных предгорий Алтая скифо-сакского времени формировало собственные отдельные могильные поля. Возможное исключение составляют памятники Суртайка-I и Березовка-I, расположенные на площади более древних некрополей¹. Особая ситуация отмечена в ходе раскопок некрополя Чултуков Лог-1, на котором погребения быстрянской культуры локализуются в рамках одного могильного поля с объектами пазырыкской культуры — синхронными или чуть более поздними [Бородовский, Бородовская, 2013: 23–24, 39–40]. Данный комплекс, учитывая многокомпонентность образующих его групп населения, в целом является скорее исключением.

Следует отметить, что население более позднего времени весьма редко использовало некрополи быстрянской культуры. Лишь на нескольких комплексах скифо-сакского времени северных предгорий Алтая зафиксированы средневековые курганы: Степь-Чумыш-III, Солоновка, Суртайка-I [Кузнецов, 1994: 130–133; Абдулганеев, 1996: 129; Абдулганеев, 2007: 261]. Кроме того, на могильнике быстрянской культуры Майма-VII изучено одно погребение сяньбийско-жужанского времени [Бородовский, Бородовская, 2013: 56].

Рассмотренные планы памятников позволяют утверждать, что в большинстве случаев население северных предгорий Алтая скифо-сакского времени создавало довольно масштабные могильники, насчитывающие до 100, а иногда и более курганов. К примеру, на памятнике Тесьпа зафиксированы 120 объектов [Абдулганеев, 2007: 266, рис. 6. — 1], на некрополе Майма VII — 125 насыпей [Киреев, 1992б: 55; Киреев, Чевалков, 2005: 86] (рис. 2). Там, где материалы позволили проследить расположение, чаще всего цепочки насыпей находились вдоль берега, параллельно ему (Енисейское); иногда наблюдают-

¹ * Следует отметить, что не все исследователи относят данные комплексы к быстрянской культуре [Абдулганеев, 2007: 286–287].

ся варианты группировок вдоль и поперёк террасы (Бийск, Быстрянка), но не выявлено случаев выстраивания рядов только поперёк речного берега.

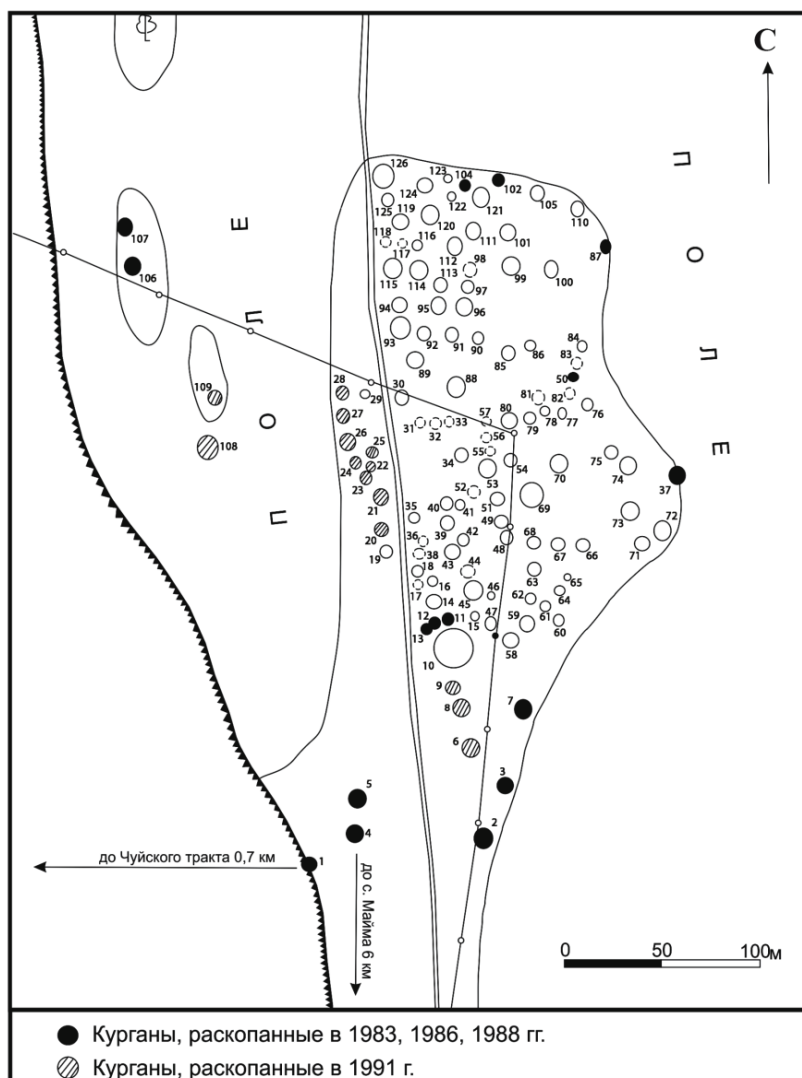

Рис. 2. План комплекса Майма-VII [Киреев и др., 2008: рис. 41]

Характерной чертой внутренней структуры некрополей быстрянской культуры является формирование объектов в цепочки от двух до восьми сооружений, реже в микрогруппы. В больших цепочках, где в ряд стоят более трёх курганов, зачастую наблюдается отклонение от основного направления. Данное обстоятельство, зафиксированное и на материалах пазырыкской культуры [Шульга, 2003: 32], позволяет пред-

положить, что зачастую в быстрианской культуре большие цепочки курганов состояли из малых (до трёх насыпей). Кроме того, отклонение от основного направления цепочки может быть связано с более поздней пристройкой объектов. Возможность проверки данного тезиса связана с целенаправленными раскопками комплексов быстрианской культуры. Одним из вариантов объяснения фиксирующихся отклонений в направлении цепочки является их обусловленность сезонным движением солнца, которое многие древние общества использовали как основной ориентир в погребальной практике [Подосинов, 1999: 581–583].

Для большей части проанализированных некрополей характерна фиксация нескольких направлений в ориентировке цепочек курганов в рамках одного могильного поля. Лишь на пяти памятниках все выявленные ряды сооружений ориентированы в одном направлении (Майма-VII, Майма-XIX и Сростки-II — по линии север — юг (рис. 3); Солоновка — северо-восток — юго-запад, Енисейское-IV — восток — северо-восток — запад — юго-запад (рис. 4)). На остальных комплексах сочетаются от двух до четырех различных ориентировок цепочек курганов.

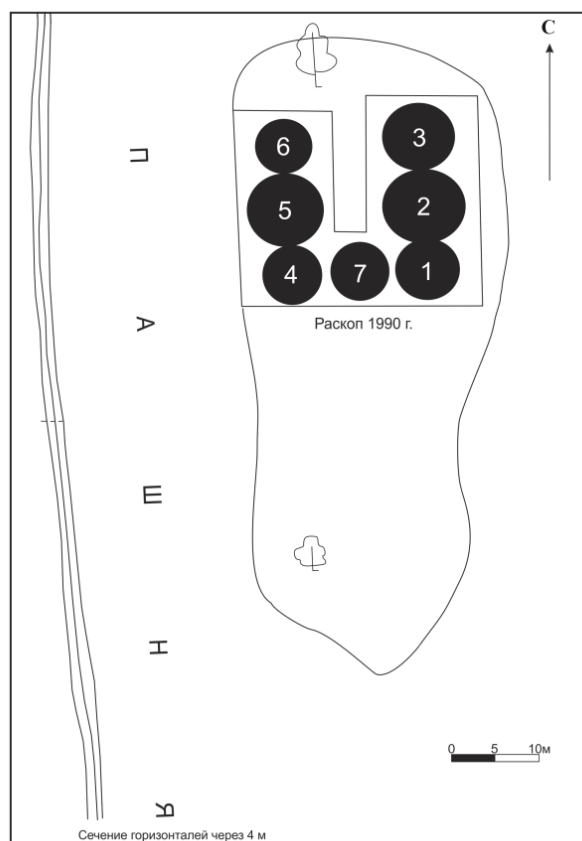

Рис. 3. План комплекса Майма-XIX [Киреев и др., 2008: рис. 49]

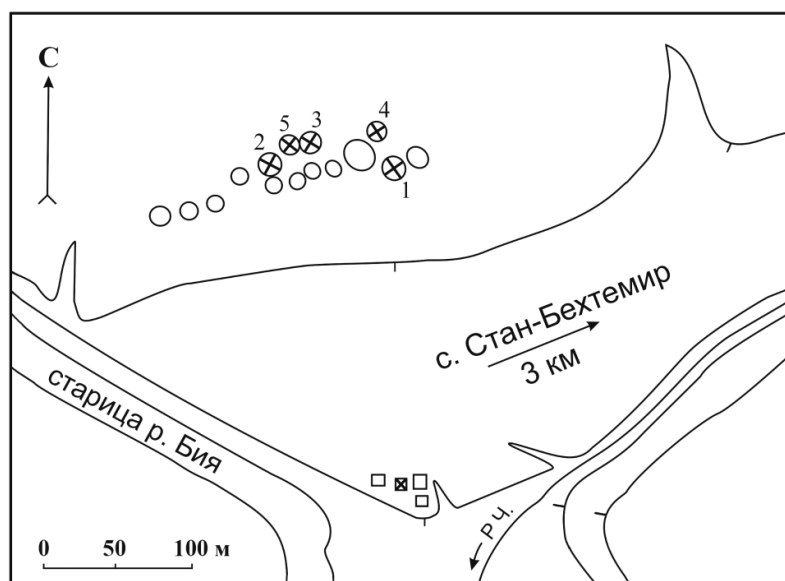

Рис. 4. План комплекса Енисейское-IV [Абдулганеев, Кунгуров, 1996: 147, рис. 3. – 2]

Наиболее часто на некрополях быстрянской культуры встречается ориентировка цепочек и групп объектов в направлении север — юг. Такая ситуация зафиксирована на 13 комплексах, относящихся практически ко всем обозначенным выше территориальным группам. Значительно реже выявлена ориентировка сооружений по линии северо-восток — юго-запад — семь некрополей (Маяцкие Бугры, Первомайский, Бийск, Аэродромный, Тесьпа, Каменка, Солоновка). Отметим, что такое расположение объектов не встречено на обеих «Катунских» группах. Материалы семи памятников (Каменка, Чултуков Лог, Майма-VI, Майма-VII, Березовка, Бийск, Быстрянка) отражают традицию ориентировки цепочек курганов в широтном направлении. Данная ситуация встречена в каждой из выделенных территориальных групп, кроме «Чумышской». Ориентировка сооружений по линии северо-запад — юго-восток фиксируется на пяти памятниках (Юбилейный, Степь-Чумыш, Березовка, Тесьпа, Быстрянка). Направление север — северо-запад — юг — юго-восток прослежено в материалах четырех комплексов (Бийск, Быстрянка, Суртайка, Майма-VII), большая часть которых относится к «северной Катунской группе». На двух могильниках «Бийской группы» (Енисейское, Тесьпа) встречена ориентировка рядов курганов по линии север — северо-восток — юг — юго-запад. Только однажды (Тесьпа) зафиксировано расположение ряда объектов по направлению север — северо-восток — юг — юго-запад.

Особый вариант расположения объекта демонстрирует единственный исследованный одиночный курган быстрянской культуры Широкий Лог-II. По мнению исследователей, имеются основания для предположения о большем распространении подобных комплексов [Абдулганеев, Кунгуров, 1996: 154; Кунгуров, 2005: 18–22]. Отметим, что традиция возведения одиночных курганов фиксируется в материалах пазырык-

ской (Ак-Алаха-III) и каменной культур (Телеутский Взвоз-II) [Тишкин, Дашковский, 2003: 160; Фролов, 2008: 401].

Выделяемые «промежуточные» направления цепочек курганов, вероятно, следует связывать с сезонным отклонением от наиболее распространенных традиций — меридиональной и широтной. В рамках анализа данного элемента погребального обряда населения быстрианской культуры нами был применен метод В. В. и В. Ф. Генингов [1985], основанный на тезисе о том, что основным ориентиром для древнего населения являлось солнце, а также предполагающий наибольшую смертность поздней осенью — ранней весной. Данный подход был неоднократно апробирован ранее на материалах других культур Алтая скифской эпохи при изучении ориентации погребенных в определенный сектор горизонта [Киришин, Тишкин, 1997: 49–54; Тишкин, Дашковский, 2003: 136–144; Дашковский, Шмидт, 2005: 82–83]. Известная условность результатов использования метода определяется отсутствием сведений о том, на что ориентировались кочевники — на восход или на заход солнца. По материалам быстрианской культуры Алтая более предпочтительным представляется последний вариант, учитывая его, установлено, что в весенне-осенний период были сооружены 13 анализируемых некрополей, зимой — 9 комплексов, летом — 8 могильников.

Отметим, что, по мнению ряда исследователей, ориентировка погребенных по заходу солнца характерна для населения каменной культуры [Дашковский, Шмидт, 2005: 83], в то время как для пазырыкской культуры более вероятной является противоположная ситуация [Тишкин, Дашковский, 2003: 138–142]. Вместе с тем, характеризуя традиции планиграфии некрополей, нельзя исключать также возможность интерпретации цепочек курганов как своего рода имитации аильной, или куренной системы расположения жилищ [Шульга, 1989: 41–43]. В таком случае ряды сооружений были возведены вдоль берега реки или перпендикулярно ему, в соответствии с традицией устройства поселений, а также учитывая особенности рельефа, направления ветра и другие условия конкретной местности. Следовательно, их ориентировка не была связана с положением солнца.

Традиция сооружения цепочек курганов, характерная для населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени, имеет многочисленные аналогии в материалах раскопок комплексов археологических культур скифской эпохи на сопредельных территориях — бийкенской [Тишкин, 1996: 45–46], большебереченской [Абдулганеев, Папин, 1999: 6–7], пазырыкской [Тишкин, Дашковский, 2003: 159–160], каменной [Могильников, 1997: 15].

Меридиональная ориентировка рядов объектов наиболее часто фиксируется у кочевников пазырыкской культуры [Суразаков, 1988: 118–119; Тишкин, Дашковский, 2003: 159]. Однако, как отмечают исследователи, для обозначенной общности характерны могильные поля, состоящие из одной-двух цепочек, в которых находятся от двух до 20 курганов [Суразаков, 1988: 118–119]. В материалах быстрианской культуры чаще прослеживаются большие комплексы, в которых фиксируются локальные группы с несколькими рядами курганов, включающими от двух до семи объектов. При условии расширения источниковой базы в ходе раскопок определенные перспективы имеют исследования, направленные на установление последовательности процесса формирования цепочек объектов населением северных предгорий Алтая скифо-сакского времени.

Меридиональное направление рядов курганов прослеживается в материалах каменной культуры [Могильников, 1997: 15]. Имеются также сведения о группировке объектов данной общности в направлении северо-восток — юго-запад [Шамшин, Дёмин, Навротский, 1992: 61] и восток — запад [Шульга, 2003: 30]. Отметим, что в быстрианской культуре довольно часто встречается расположение курганов по линии северо-восток — юго-запад. Такая ориентировка присуща рядам грунтовых захоронений староалейской культуры скифо-сакского времени [Фролов, 2008: 124–127] и цепочкам насыпей бийкенской культуры раннескифского периода [Тишкин, Дашковский, 2003: 152]. Последний факт заслуживает внимания в связи с тем, что именно бийкенская культура, согласно одной из гипотез, рассматривается в качестве компонента при формировании населения северных предгорий Алтая скифо-сакского времени [Тишкин, Горбунов, 2005: 157]. В то же время направление рядов объектов по линии северо-запад — юго-восток, характерное для цепочек курганов большереченской культуры [Абдулганеев, 2007: 270–272, рис. 4. — 1, 5. — 1, 6. — 2] и рядов грунтовых захоронений майэмирской культуры [Шульга, 2008: 193, рис. 2], в быстрианских некрополях прослеживается не так часто. В целом, вариабельность направлений в ориентировке цепочек курганов сближает некрополи быстрианской культуры с комплексами Средней Катунь скифо-сакского времени. Для последних также наиболее распространено меридиональное, иногда с отклонениями, построение рядов, также встречается широтное расположение объектов [Кирюшин, Степанова, 2004: 6–7]. Однако следует отметить, что в пазырыкской культуре, в отличие от быстрианской, довольно часто цепочки курганов формировались перпендикулярно берегу реки [Кирюшин, Степанова, 2004: 183, рис. 2. — 2–3].

Выявленные закономерности в топографии и планиграфии комплексов быстрианской культуры северных предгорий Алтая скифо-сакского времени требуют дальнейшего уточнения и детализации в ходе полевых работ. Значительные перспективы связаны с проведением раскопок, что позволит существенным образом конкретизировать сделанные наблюдения. Особое значение в этом плане имеют палеогенетические исследования, реализация которых будет способствовать определению степени родства погребенных в цепочках курганов. Не менее важным представляется ранее не предпринимавшееся радиоуглеродное датирование материалов из погребальных комплексов быстрианской культуры и решение на основе новых данных вопроса о последовательности формирования рядов насыпей. Определенные результаты могут быть получены в дальнейшем при сопоставлении особенностей локализации некрополей со сведениями о поселенческих комплексах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М. Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 128–134.

Абдулганеев М. Т. Могильник Красный Яр (по раскопкам 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 101–104.

Абдулганеев М. Т. Археологические памятники у села Березовка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 172–175.

Абдулганеев М. Т. Курганы скифского времени могильника Суртайка-I // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 42–47.

Абдулганеев М. Т. Материалы к своду памятников истории и культуры Красногорского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 237–304.

Абдулганеев М. Т. Археологические памятники Советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 365–386.

Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 147 с.

Абдулганеев М. Т., Кадиков Б. Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 64–67.

Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 143–155.

Абдулганеев М. Т., Папин Д. В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 5–13.

Абдулганеев М. Т., Тишкин А. А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. 4. Горно-Алтайск : изд. ГАГУ, 1999. С. 99–111.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2013. 220 с.

Генинг В. В., Генинг В. Ф. Метод определения традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев : Наукова думка, 1985. С. 136–152.

Дашковский П. К., Шмидт В. К. О некоторых особенностях погребального обряда каменной культуры Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005. Вып. 1. С. 79–85.

Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. Вып. 3. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 89–108.

Завитухина М. П. Курганный могильник Сростки — II на Алтае // СГЭ. Вып. XXVII. Л. ; М. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966а. С. 51–53.

Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. 8. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1966б. С. 61–77.

Киреев С. М. Курганы Майма — XIX // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1992а. С. 39–50, 181–185.

Киреев С. М. Погребения быстрианской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск : Изд-во ГАНИИЯЛ, 1992б. С. 54–58.

Киреев С. М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск : Изд-во ГАГУ, 1992 в. С. 55–56.

Киреев С. М., Акимова Т. А., Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск : АКИН, 2008. 144 с.

Киреев С. М., Чевалков С. Ю. Курган позднего этапа быстрианской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005. С. 86–91.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 150 с.

Кузнецов Н. А. Раскопки кургана конца I тысячелетия до н. э. на р. Чумыш // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. Вып. II. С. 130–139.

Кунгуров А. Л. Погребальные комплексы быстрианской культуры на Чумыше // Проблемы охраны и использования культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 114–117.

Кунгуров А. Л. Археологические памятники и находки Целинного района // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. С. 5–41.

Кунгуров А. Л., Кунгурова Н. Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1982. С. 77–89.

Кунгурова Н. Ю. К карте расположения курганов в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 181–191.

Лихачёва О. С. Разведка в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 150–154.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М. : Пушкинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Могильников В. А., Уманский А. П. Курганы раннего железного века на Чумыше // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 167. 1981. С. 80–86.

Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М. : Языки русской культуры, 1999. 720 с.

Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I // АСГЭ. Вып. 3. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 74–88.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1988. 214 с.

Тишкин А. А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 20–54.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука, 2008. 479 с.

Шамшин А. Б., Дёмин М. А., Навротский П. И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1992. С. 60–68, 195.

Ширин Ю. В. Погребальные памятники раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Вып. 6. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2004. С. 5–40.

Ширин Ю. В. Начало исследования курганной группы Первомайская // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XVI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 133–136.

Шульга П. И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово : Кузбассвузиздат, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул : Азбука, 2008. 276 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье. Ч. II. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2015. 322 с.

REFERENCES

Abdulganeev M. T. “*Neizvestnye*” *pamiatniki rannego zheleznogo veka v severnykh predgor'iaikh Altaia* [“Unknown” monuments of the early Iron Age in the northern foothills of Altai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996, Vol VIII. S. 128–134 (in Russian).

Abdulganeev M. T. *Mogil'nik Krasnyi Iar (po raskopkam 1930 g.)* [Burial ground Krasny Yar (excavated in 1930)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999, Vol X. S. 101–104 (in Russian).

Abdulganeev M. T. *Arkheologicheskie pamiatniki u sela Berezovka* [Archaeological sites near the village of Berezovka]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2000, Vol. XI. S. 172–175 (in Russian).

Abdulganeev M. T. *Kurgany skifskogo vremeni mogil'nika Surtayka-I* [Mounds of the Scythian time of the Surtayka-I burial ground]. *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. S. 42–47 (in Russian).

Abdulganeev M. T. *Materialy k svodu pamiatnikov istorii i kul'tury Krasnogorskogo raiona Altaiskogo kraia* [Materials for the set of historical and cultural monuments of the Krasnogorsk district of the Altai Territory]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007, Vol. XVI. S. 237–304 (in Russian).

Abdulganeev M. T. *Arkheologicheskie pamiatniki Sovetskogo raiona* [Archaeological sites of Sovetsky district]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009, Vol. XVII. S. 365–386 (in Russian).

Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. *Tipologii poselenii Altaia 6–2 vv. do n. e.* [Typology of Altai settlements 6–2 centuries. BC]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, 147 s. (in Russian).

Abdulganeev M. T., Kadikov B. Kh. *K arkheologicheskoi karte Krasnogorskogo raiona* [To the archaeological map of the Krasnogorsk region]. *Okhrana i issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov Altaia* [Protection and research of archaeological sites of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1991. S. 64–67 (in Russian).

Abdulganeev M. T., Kungurov A. L. *Kurgany bystryanskoi kul'tury v mezhdurech'e Bii i Chumysha* [Mounds of bystryansky culture between the rivers Biya and Chumysh]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. S. 143–155 (in Russian).

Abdulganeev M. T., Papin D. V. *Pamiatniki ranneskifskogo vremeni v mezhdurech'e Bii i Katuni* [Monuments of early Scythian time between the rivers Biya and Katun]. *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaia i sopredel'nykh territorii* [The results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999. S. 5–13 (in Russian).

Abdulganeev M. T., Tishkin A. A. *Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni levoberezh'ia nizov'ev Katuni* [Funeral complexes of the Scythian time on the left bank of the lower Katun]. *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii* [Antiquities of Altai. News of the Archeology Laboratory]. Gorno-Altaysk: GAGU, 1999, Vol. 4. S. 99–111 (in Russian).

Borodovskii A. P., Borodovskaia E. L. *Arkheologicheskie pamiatniki gornoj doliny Nizhnei Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites of the mountain valley of Lower Katun in the era of the paleometal]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2013, 220 s. (in Russian).

Gening V. V., Gening V. F. *Metod opredeleniia traditsii orientirovok pogrebennykh po storonam gorizonta* [Method for determining the orientations of orientations buried along the horizon]. *Arkheologiiia i metody istoricheskikh rekonstruktsii* [Archeology and methods of historical reconstruction]. Kiev: Naukova dumka, 1985. S. 136–152 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Shmidt V. K. *O nekotorykh osobennostiakh pogrebal'nogo obriada kamenskoi kul'tury Altaia* [About some features of the funeral rite of the Kamensk culture of Altai]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediiia narodov Iuzhnoi Sibiri* [Studying the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altaysk: AKIN, 2005. Vol. 3. S. 79–85 (in Russian).

Zavitukhina M. P. *Mogil'nik vremeni rannikh kochevnikov bliz g. Biiska* [The burial ground of the early nomads near Biysk]. ASGE. L: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1961, no 3. S. 89–108 (in Russian).

Zavitukhina M. P. *Kurgannyi mogil'nik Srostki — II na Altae* [Mound burial site Srostka — II in Altai]. SGE. L. — M: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1966a, Vol. XXVII. S. 51–53 (in Russian).

Zavitukhina M. P. *Kurgany u s. Bystrianskogo v Altaiskom krae (po raskopkam S. M. Sergeeva v 1930 g.)* [Mounds near the village Bystriansky in the Altai Territory (from the excavations of S. M. Sergeev in 1930)]. ASGE. L: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1966b, no 8. S. 61–77 (in Russian).

Kireev S. M. *Kurgany Maima — XIX* [Mounds of Mayma — XIX]. *Voprosy arkheologii Altaia i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla* [Archeology issues of Altai and Western Siberia of the metal era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1992a. S. 39–50, 181–185 (in Russian).

Kireev S. M. *Pogrebeniia bystrianskoi kul'tury* [Burials of Bystryansky culture]. *Problemy izucheniia istorii i kul'tury Altaia i sopredel'nykh territorii* [Problems of studying the history and culture of Altai and adjacent territories]. Gorno-Altaysk: Izd-vo GANIIaL, 1992b. S. 54–58 (in Russian).

Kireev S. M. *Raboty na Maiminskom komplekse v 1990–1991 gg.* [Work on the Maiminsky complex in 1990–1991]. *Problemy sokhraneniia, ispol'zovaniia i izucheniia pamiatnikov arkheologii* [Problems of conservation, use and study of archeological monuments]. Gorno-Altaysk: Izd-vo GAGU, 1992v. S. 55–56 (in Russian).

Kireev S. M., Akimova T. A., Borodovskii A. P., Borodovskaia E. L. *Arkheologicheskie pamiatniki i ob'ekty Maiminskogo raiona* [Archaeological sites and objects of the Maiminsky district. Gorno-Altaysk]. Gorno-Altaysk: AKIN, 2008, 144 s. (in Russian).

Kireev S. M., Chevalkov S. Iu. *Kurgan pozdnego etapa bystrianskoi kul'tury* [Barrow of the late stage of Bystryansky culture]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri* [Studying the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia]. Gorno-Altaysk: AKIN, 2005. S. 86–91 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Stepanova N. F. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. Chast' III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni* [Scythian era of Altai Mountains. Part III: Funeral complexes of the Scythian time of Middle Katun]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004, 292 s. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury* [Scythian era of Altai Mountains. Part II: Funeral and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 234 s. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Tishkin A. A. *Skifskaiia epokha Gornogo Altaia. Chast' I: Kul'tura naseleniia v ranneskifskoe vremia* [Scythian era of Altai Mountains. Part I: Early Scythian Culture]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1997, 232 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka* [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 150 s. (in Russian).

Kuznetsov N. A. *Raskopki kurgana kontsa I tysiacheletiia do n. e. na r. Chumysh* [Excavations of the mound at the end of the 1st millennium BC on the river Chumysh]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk old]. Novokuznetsk: Izd-vo „Kuznetskaia krepost'“, 1994, Vol. II. S. 130–139 (in Russian).

Kungurov A. L. *Pogrebal'nye komplekсы bystryanskoi kul'tury na Chumyshe* [Funeral complexes of Bystryansky culture on Chumysh]. *Problemy okhrany i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediiia Altaia* [Problems of protection and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1995. S. 114–117 (in Russian).

Kungurov A. L. *Arkheologicheskie pamiatniki i nakhodki Tselinnogo raiona* [Archaeological sites and finds of Tselinny district]. *Polevye issledovaniia v Verkhnem Priob'e i na Altae* [Field research in the Upper Ob and Altai]. Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005. S. 5–41 (in Russian).

Kungurov A. L., Kungurova N. Iu. *Raskopki mogil'nika Aerodromnyi v Biiske* [Excavations of the airfield burial ground in Biysk]. *Arkheologiiia i etnografiia Altaia* [Archeology and Ethnography of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1982. S. 77–89 (in Russian).

Kungurova N. Iu. *K karte raspolozheniia kurganov v severnykh predgor'iax Altaia* [To the map of the location of mounds in the northern foothills of Altai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013, Vol. XVIII–XIX. S. 181–191 (in Russian).

Likhacheva O. S. *Razvedka v Biiskom raione Altaiskogo kraia* [Exploration in Biysk district of Altai Territory]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014, Vol. XX. S. 150–154 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Naselenie Verkhnego Priob'ia v seredine — vtoroi polovine I tysiacheletiiia do n. e.* [The population of the Upper Ob in the middle — second half of the 1st millennium BC]. M.: Pushkinskii nauchnyi tsentr RAN, 1997, 196 s. (in Russian).

Mogil'nikov V. A., Umanskii A. P. *Kurgany rannego zheleznoogo veka na Chumyshe* [Early Iron Age Mounds in Chumysh]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications from the Institute of Archeology], 1981, Vol. 167. S. 80–86 (in Russian).

Podosinov A. V. *Ex oriente lux! Orientatsiia po stranam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation around the world in archaic cultures of Eurasia]. M.: Izd-vo Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 720 p (in Russian).

Poltoratskaia V. N. *Mogil'nik Berezovka I* [Burial ground Berezovka I]. ASGE. L.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1961, no 3. S. 74–88 (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornyi Altai i ego severnye predgor'ia v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniia* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Chronology and cultural distinctions]. Gorno-Altai: Gorno-Alt. otd. Alt. kn. izd-va, 1988, 214 s. (in Russian).

Tishkin A. A. *Pogrebal'nye sooruzheniia kurgannogo mogil'nika Biike v Gornom Altae i kul'tura naseleniia, ostavivshego ikh* [Funeral structures of the Bijke burial mound in Gorny Altai and the culture of the population that left them]. *Pogrebal'nyi obriad drevnikh plemen Altaia* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1996. S. 20–54 (in Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskii P. K. *Sotsial'naia struktura i sistema mirovozzrenii naseleniia Altaia skifskoi epokhi* [The social structure and worldview system of the population of Altai of the Scythian era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 430 s. (in Russian).

Troitskaia T. N., Borodovskii A. P. *Bol'sherechenskaia kul'tura lesostepnogo Priob'ia* [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Izd-vo "Nauka", 1994, 184 p (in Russian).

Umanskii A. P., Shamshin A. B., Shul'ga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-I na levoberezh'e Obi* [Burial ground of Scythian time Rogozikha-I on the left bank of the Ob]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005, 204 s. (in Russian).

Frolov Ia. V. *Pogrebal'nyi obriad naseleniia Barnaul'skogo Priob'ia v VI v. do n. e. — II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of Barnaul Ob in the VI century. BC. — II century AD (according to soil burial grounds)]. Barnaul: Azbuka, 2008, 479 s. (in Russian).

Shamshin A. B., Demin M. A., Navrotskii P. I. *Raskopki kurgannogo mogil'nika rannego zheleznogo veka Mikhailovskii-VI na iuge Kulundy* [Excavations of the burial mound of the early Iron Age Mikhailovsky-VI in the south of Kulunda]. *Voprosy arkheologii Altaia i Zapadnoi Sibiri epokhi metalla* [Archeology issues of Altai and Western Siberia of the metal era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1992. S. 60–68, 195 (in Russian).

Shirin Iu. V. *Pogrebal'nye pamiatniki rannego zheleza na iuge Kuznetskoi kotloviny* [Funeral monuments of early iron in the south of the Kuznetsk depression]. *Kuznetskaia starina* [Kuznetsk old]. Novokuznetsk: Izd-vo „Kuznetskaia krepost“, 2004, Vol. 6. S. 5–40 (in Russian).

Shirin Iu. V. *Nachalo issledovaniia kurgannoi gruppy Pervomaiskaia* [Beginning of the study of the Pervomaiskaya Kurgan group]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007, Vol. XVI. S. 133–136 (in Russian).

Shul'ga P. I. *K voprosu o planirovke mogil'nikov skifskogo vremeni na Altae* [On the layout of Scythian time cemeteries in Altai]. *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naiia struktura i obshchestvennye otnosheniia)* [Problems of archeology of the Scythian-Siberian world (social structure and social relations)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1989, Ch. II. S. 41–44 (in Russian).

Shul'ga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' — 4a* [Burial ground of Scythian time Lokot'-4a]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 204 s. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch. I.* [Riding horse equipment and military belts in Altai. Part I]. Barnaul: Azbuka, 2008, 276 s. (in Russian).

Shul'ga P. I. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i verkhnem Priob'e. Ch. II.* [Riding horse equipment in the Altai Mountains and the upper Ob. Part II]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2015, 322 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Радовский С. С., Серегин Н. Н. Топография и планиграфия некрополей быстрианской культуры Алтая скифо-сакского времени // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 17–33.

Citation:

Radovskiy S. S., Seregin N. N. Topography and planigraphy of necropoles of Bistryansk culture of Altai (Scythian-Saka time). *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 17–33.

УДК 902.3

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–03

О. С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ ЗНАТНОГО ВОИНА САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА СИДОРОВКА)

Целью статьи является воссоздание комплекта вооружения воина саргатской культуры по материалам могилы 2 кургана № 1 памятника Сидоровка в Омском Прииртышье. Хронологические рамки работы определяются III–IV вв. н.э. — временем, которым датируется рассматриваемый комплекс. Источниковой базой работы выступают вещественные материалы, происходящие из рассматриваемого погребения. Кроме того, для воссоздания отдельных элементов привлекаются изобразительные источники и аналогии из синхронных комплексов других археологических культур. В основе исследования лежит системный подход, а главными методами работы выступают сравнительно-описательный и метод реконструкции.

Могильник Сидоровка расположен в Нижнеомском районе Омской области. Наиболее богатым из изученных объектов на этом памятнике является могила 2 кургана № 1. Данное погребение содержало практически все виды наступательного вооружения, характерные для того периода, а также доспех. По всей вероятности, с погребенным был помещен максимально полный набор, по которому можно судить об использовавшихся носителями саргатской культуры видах оружия и возможных тактических приемах ведения боя. Также из рассматриваемого объекта происходят детали конского снаряжения, фиксируются остатки костюма и поясов. Все это позволяет наиболее полно воссоздать облик погребенного воина. Ранее подобная работа уже проводилась, но исследователями был сделан акцент на костюм. Особое внимание уделяется комплекту вооружения, в особенности его такому достаточно редкому виду, как доспех.

Ключевые слова: вооружение, военное дело, саргатская культура, ранний железный век, реконструкция.

O. S. Likhacheva

Altaysky State University, Barnaul (Russia)

RECONSTRUCTION OF A COMPLEX OF ARMS OF A NOBLE WARRIOR SARGATSKAYA CULTURE (ON MATERIALS OF BURIAL GROUND SYDORIVKA)

The aim of the article is the reconstruction of the set of weapons of a warrior sargatskaya culture according to the materials of the grave 2 of Kurgan No. 1 monument sydorivka in the Omsk region. The chronological framework of the work is determined by the III–IV centuries ad — the time, which dates from the considered complex. The source base of the work is the materials from the considered burial. To recreate the individual elements involved visual sources and analogies from other archaeological cultures. The study is based on a systematic approach. The main methods of work are the comparative-descriptive method and the method of reconstruction.

Burial ground Sidorovka is located in the Omsk region. The richest of the studied objects on this monument is the tomb-2 mound № 1. The burial contained almost all types of offensive weapons, as well as armor. The deceased was put the most complete set of weapons. On it it is possible to judge the types of weapon used by carriers of sargat culture and possible tactical receptions of conducting fight. In this tomb were also found parts of horse harness and the remains of the suit. This allows most fully to recreate the look of the buried warrior. Previously, this work has already been carried out, but the researchers focused on the costume. In our opinion, no less interesting and deserves special attention set of weapons, especially such a rare form of armor.

Key words: armament, military Affairs, sargat culture, early iron age, reconstruction.

Лихачева Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, хранитель фондов музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: lihaolga@yandex.ru.

Племена саргатской культуры являлись одними из наиболее крупных военно-политических образований раннего железного века, сложившихся за Уралом. О значительной роли военного дела в жизни этих племен свидетельствуют богатые воинские погребения под большими курганными насыпями, которые содержали несколько видов оружия, иногда доспех, а также другие категории погребального инвентаря, в том числе импортные изделия [Матвеева, 1993: 146–147]. В рамках данной работы нами проводится воссоздание облика знатного воина по материалам могильника Сидоровка, курган № 1, могила 2. На настоящий момент уже есть ряд графических реконструкций, воссозданных по материалам данной культуры, в том числе и самого Сидоровского комплекса [Соловьев, 2003: рис. 95; Матвеева, Потемкина, Соловьев,

2004; Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013]. В то же время они чаще всего либо затрагивают какой-то один аспект — костюм, либо представляют «сборный» образ саргатского воина [Соловьев, 2003: рис. 95; Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013]. Таким образом, наша работа не дублирует ранее опубликованные материалы, а дополняет уже имеющийся визуальный ряд и уточняет не рассматривавшиеся ранее моменты.

Могильник Сидоровка расположен в Нижнеомском районе Омской области, на поле в 5,5 км от правого берега Иртыша [Матющенко, Татаурова, 1997: 4]. Курган № 1 являлся крайней южной точкой памятника [Матющенко, Татаурова, 1997: 126]. Под его насыпью было зафиксировано два погребения. Рассматриваемая нами могила 2 занимала южный сектор кургана. Погребенный — мужчина 30–35 лет [Матющенко, Татаурова, 1997: 11]. Сопроводительный инвентарь включал следующие предметы вооружения: лук, представленный верхними концевыми и срединными накладками, стрелы и копье, от которых сохранились железные наконечники, меч, кинжал, топор и панцирь. В целом памятник Сидоровка датируется авторами раскопок II в. до н. э. — I/II вв. н. э., а дату рассматриваемого погребения они доводят до III–IV вв. до н. э. [Матющенко, Татаурова, 1997: 82]. Коротко остановимся на датировке наиболее интересующей нас категории погребального инвентаря — предметах вооружения. В целом, по материалам данного погребения очень хорошо прослеживается влияние двух традиций: восточной, связанной с племенами хунну и сяньби, и западной — сарматской. К первой традиции можно отнести оружие дальнего боя и доспех. Верхние концевые и срединные накладки от лука по своей морфологии абсолютно идентичны хуннским [Худяков, 1986: рис. 2; 3. — 1–8]. Подобные изделия, появившись во II в. до н. э., использовались вплоть до первой половины V в. н. э. [Горбунов, 2006: 23–24]. Из комплекта панцирных пластин наибольший интерес вызывают профилированные изделия, которые ранее трактовались как оплечья [Матющенко, Татаурова, 1997: 45]. На наш взгляд, они входили в состав основной части панциря. На это указывает наличие у них одного спрямленного края, не характерного для деталей оплечья, но встречающегося у сяньбийских образцов начала IV в. н. э. [Горбунов, 2005: 201, рис. 1. — 9].

Оружие средней дистанции и ближнего боя несет, в свою очередь, черты сарматского влияния. Меч без навершия и перекрестия и клинком килевидного абриса находит большое число аналогий в памятниках Восточной Европы II–IV вв. н. э. [Боталов, 2007: рис. 1. — 3–4, 125; Кривошеев, 2007: рис. 1. — 1–5]. Кинжал без навершия, с брусковидным перекрестием, происходящий из рассматриваемого погребения, также может быть датирован этим временем [Кривошеев, 2007: рис. 1. — 12–13]. Такие признаки наконечника копья, как форма пера и соотношение пера и втулки, находят аналогии среди сарматских изделий I в. — первой половины II в. н. э. [Симоненко, 2010: 79, рис. 49. — 1–2, 5]. Топоры являются нетипичным видом оружия для рассматриваемой эпохи. Отдельные экземпляры встречаются у сарматов со II в. до н. э. до IV в. н. э. [Хазанов, 2008: 120]. Таким образом, датировка комплекта вооружения, представленного в рассматриваемом погребении, укладывается в предложенную авторами раскопок дату и не противоречит ей.

Стрелковый комплект включал лук и стрелы. От лука сохранились концевые и срединные накладки, от стрел — железные наконечники. Концевые накладки по месту

крепления относятся к боковым. У изделий обломлена нижняя часть, но общая форма читается хорошо — они представляют собой тонкую узкую пластину, напоминающую запяную. Срединные накладки также являются боковыми и имеют дуговидный абрис (рис. 1. — 1) [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 31. — 6, 7].

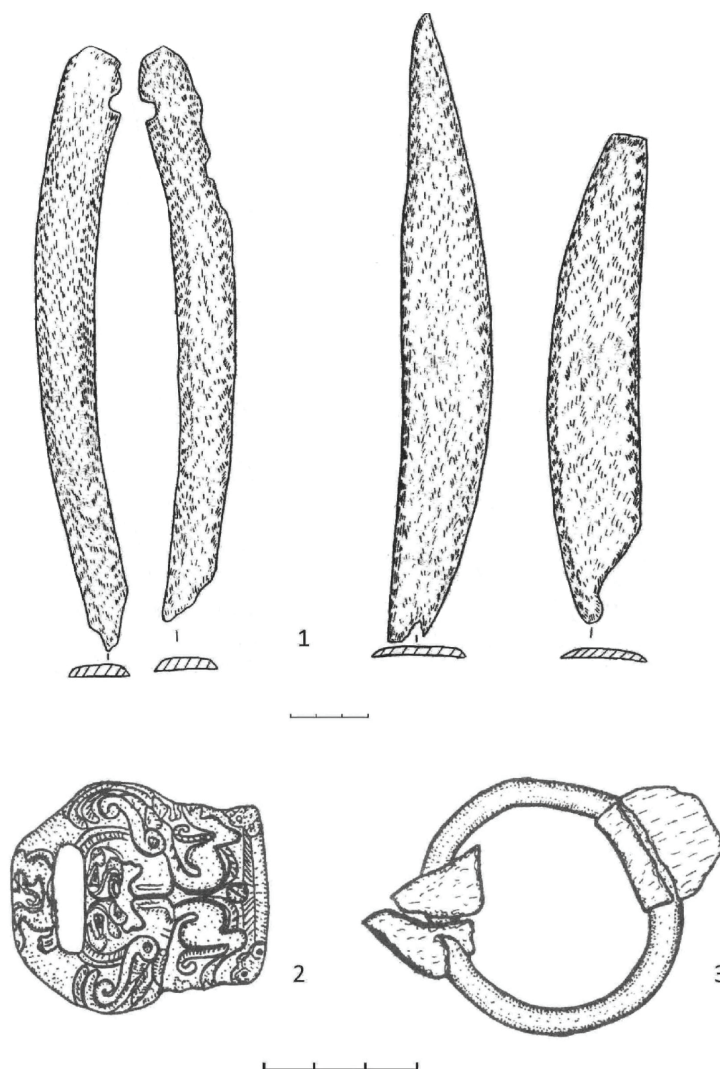

Рис. 1. Детали стрелкового комплекса: 1 — концевые и срединные накладки лука, кость; 2 — пряжка от стрелкового пояса, серебро; 3 — кольцо для крепления налущья с колчанами, бронза и кожа [Матющенко, Татаурова, 1997]

Рассматриваемые экземпляры, как уже отмечалось выше, относятся к лукам «хуннского» типа [Худяков, 1986: рис. 2; 3. — 1–8]. Стоит отметить, что такие луки имели минимум шесть накладок: четыре концевых и две срединных [Горбунов, 2006: 21, 26]. Нижние концевые накладки у рассматриваемого экземпляра не сохранились. Длина таких луков

составляла от 140 до 155 см со снятой тетивой [Горбунов В. В., 2006: 21, 23–24]. В погребении накладки лежали справа от костяка [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 10]. У правого же колена были найдены железные наконечники стрел [Матющенко, Татаурова, 1997: 13]. Таким образом, весь стрелковый комплекс находился с одной стороны от погребенного. Это указывает на то, что он был помещен в скрепленные между собой налучье и колчан. Такой способ ношения лука и стрел показан у персонажей на так называемых Орлатских пластинах [Борисенко, Худяков, 2005: 66–67]. На изображении хорошо читается, что у всадника с правой стороны подвешено налучье. Оно закрывает кибыть лука на 2/3 при натянутой тетиве, повторяя его форму в нижней части. Сверху у левого края налучья закреплено два цилиндрических футляра разной длины, предназначенных для стрел [Борисенко, Худяков, 2005: рис. 5]. В погребении от данной конструкции остались только фрагменты парчи и три серебряные округлые нашивки с кусочками кожи, являвшейся основой изделия [Матющенко, Татаурова, 1997: 13; рис. 31. — 1].

Отдельно остановимся на стрелковом поясе, предназначенном для крепления налучья и колчана. На наш взгляд, к нему относится серебряная пряжка [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 29]. В работе, посвященной реконструкции костюма воина из рассматриваемого погребения, она трактуется как деталь «портупей», при помощи которой подвешивался меч [Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013: рис. 2]. Против такого ее применения, как нам кажется, свидетельствует несколько фактов. Во-первых, достаточно большие ее размеры, что не характерно для изделий с таким назначением. Во-вторых, несмотря на то, что, судя по плану погребения, она лежит недалеко от меча, сам меч расположен справа, т. е. с той стороны, на которой длиноклинковое оружие не носили. Следовательно, меч, скорее всего, был положен свободно, не пристегнутым к поясу. Наконец, рассматриваемая пряжка расположена горизонтально, чуть ниже деталей основного пояса, как раз на том месте, где мог крепиться стрелковый пояс.

Данное изделие, состоящее из овальной рамки и подпрямоугольного щитка, богато украшено: на щитке зеркально изображены два грифона с S-видно изогнутыми туловищами, на рамке читается туловище какого-то хищника. С тыльной стороны изделия фиксируются остатки деталей для крепления пряжки к ремню (рис. 1. — 2). Размеры: 5,3х4,7 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 49]. Поскольку у изделия нет язычка, то, скорее всего, фиксация осуществлялась следующим образом: свободный конец пропускали через рамку, а затем просто перекидывали через ремень и затягивали.

Налучье с колчаном, вероятно, подвешивали к поясу при помощи портупейных ремешков, переходником для которых могло служить бронзовое кольцо, лежавшее в районе газовых костей (рис. 1. — 3). Диаметр изделия — 4,4 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 50, рис. 23. — 2].

Клинковое оружие представлено в погребении мечом и кинжалом. Меч, изготовленный из железа, очень плохой сохранности. Судя по всему, он имел двулезвийный клинок килевидного абриса, навершие и перекрестие у него отсутствуют. Рукоять могли составлять деревянные накладки, крепившиеся на черен (рис. 2. — 1). Его длина 140 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 43]. Меч располагался поверх костяка погребенного, диагонально от правой руки к левому колену [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 9; 26. — 8]. По всей вероятности, его поместили в «боевом» положении, поскольку в то время длиноклин-

ковое оружие носили с левой стороны, о чем свидетельствуют изобразительные источники [Борисенко, Худяков, 2005: рис. 6]. От ножен в погребении сохранился древесный тлен, остатки кожи и серебряные гвоздики-заклепки [Матющенко, Татаурова, 1997: 13].

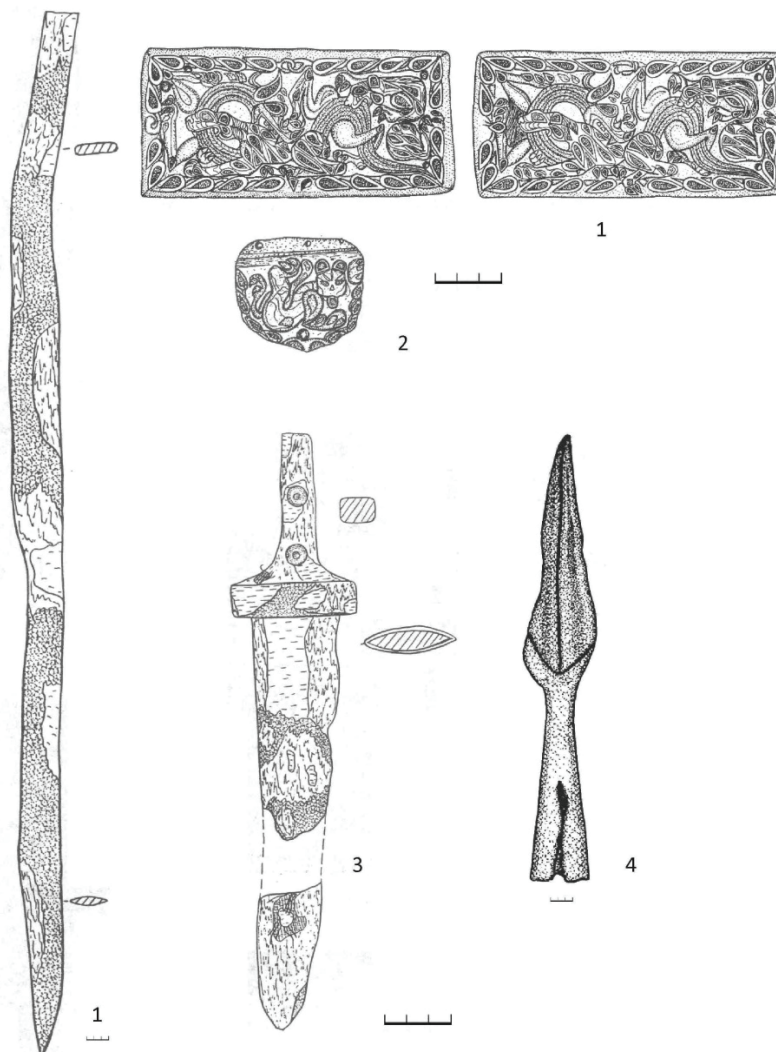

Рис. 2. Оружие и детали основного пояса: 1 – меч, железо, дерево; 2 – кинжал, железо, дерево; 3 – наконечник копья, железо; 4 – поясные пряжки, инкрустация камнями; 5 – пряжка для крепления портупейного ремешка, золото [Матющенко, Татаурова, 1997]

Для ношения меча использовали основной пояс, к которому относились две крупные прямоугольные пряжки. Они изготовлены из золота, инкрустированы бирюзой, кораллами и янтарем. На пластинах отлито зооморфное изображение: противоборство дракона и тигров (рис. 2. — 2). С тыльной стороны у одного изделия сохранились остатки бронзовый скобы, в которую продевали ремень. Размеры изделий: 7x14 и 7x14,7 см [Ма-

тющенко, Татаурова, 1997: 48, рис. 27]. У каждой из пластин есть по два угловых отверстия, вероятно, через них пропускали тонкий шнурок, за счет чего происходила фиксация.

Крепление меча хорошо прослеживается на Орлатских пластинах: он подвешивался вертикально, портупейный ремешок продевался через скобу на ножнах, а затем крепился двумя концами к основному поясу [Борисенко, Худяков, 2005: рис. 6. — 2]. Скобы от ножен в погребении нет, но данное изделие могло не сохраниться, учитывая в целом плохое состояние железных предметов. В качестве крепления портупейного ремешка могла выступать золотая пряжка, которая располагалась на одном уровне с большими поясными пластинами с правой стороны [Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013: рис. 1]. Это изделие имеет абрис, близкий пятиугольнику, обращенному вершиной вниз. Два нижних угла слегка скруглены. На самом щитке имеется изображение кошачьего хищника [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 23. — 3]. Вдоль верхнего края расположено три отверстия, за которые изделие пришивали к ремню, и еще одно в углу вершины для крепления портупейного ремешка (рис. 2. — 3).

Кинжал железный, имеет клинок подтреугольного абриса и брусковидное перекрестие, навершие отсутствует. Рукоять, как и у меча, состояла из деревянных накладок, закрепленных при помощи заклепок (рис. 2. — 4). Длина изделия 26,5 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 43]. Кинжал располагался вдоль правой берцовой кости погребенного. От его ножен частично сохранилась деревянная основа и выкрашенная в красный цвет кожа, которой они были обтянуты сверху [Матющенко, Татаурова, 1997: 13, рис. 26. — 5]. Аналогичным образом располагался кинжал у погребенного из некрополя Тиллятепе. Судя по материалам данного памятника, ножны имели четыре лопасти для крепления на бедре [Сарианиди, 1989: рис. 30. — 1, 2]. Аналогичный способ ношения короткоклинкового оружия применялся у сарматов [Хазанов, 2008: рис. 9. — 5].

Древковое оружие, происходящее из погребения, предназначено для ведения боя на средней и ближней дистанции. Первое представлено наконечником копья, второе — топором. Сразу отметим, что поскольку топор не виден на реконструкции при выбранном ракурсе воина, мы не будем подробно останавливаться на его описании. Кроме того, из-за достаточно простой и универсальной формы бойка область его применения остается спорной, как и у других изделий этого вида в рассматриваемое время [Хазанов, 2008: 120].

Наконечник копья изготовлен из железа со втулкой, представляющей собой полый усеченный конус. Перо и втулка примерно равны по длине. Общий абрис пера вытянуто-листовидный — наибольшее расширение приходится на нижнюю треть. Сечение пера в таблице не дано, но, судя по линии, проходящей по его центру на рисунке, оно ромбическое (рис. 2. — 5). Рассматриваемое изделие было положено под доспех. Длина наконечника составляет 60 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 13, рис. 16. — 2]. Древко копья либо не сохранилось, либо изначально не было помещено в погребение. Судя по западным аналогиям, длина его могла составлять от 2,5 до 3 м [Симоненко, 2010: 81].

Панцирь располагался в северо-западном углу могилы. К сожалению, ни примерное количество пластин, ни общие размеры изделия не указаны авторами в публикации материалов, по всей вероятности, из-за очень плохой сохранности изделия. Данные признаки указывают на то, что доспех имел ламеллярную структуру бронирования

ния. Если исходить из приведенного в монографии рисунка, то он комбинировался из трех типов пластин.

Тип 1. Овально-прямоугольного абриса. На них читаются верхние и нижние угловые и парные боковые отверстия (рис. 3. — 1). Данные изделия не имеют профилировки, размеры: 3,3x10 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 21. — 2].

Тип 2. Прямоугольные длинные. Этот тип имеет ярко выраженный дуговидный профиль, у одного края находится неширокая прямая планка, на которой читаются остатки одного отверстия (рис. 3. — 2). По всей вероятности, всего их было четыре угловых. Размеры: 3,3x9,5 см [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 21. — 3, 6].

Тип 3. Прямоугольного абриса. Пластины не профилированы, снабжены верхними угловыми и парными боковыми отверстиями (рис. 3. — 3). Имеют меньшие размеры по сравнению с двумя другими типами: 4x7 см [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 21. — 4].

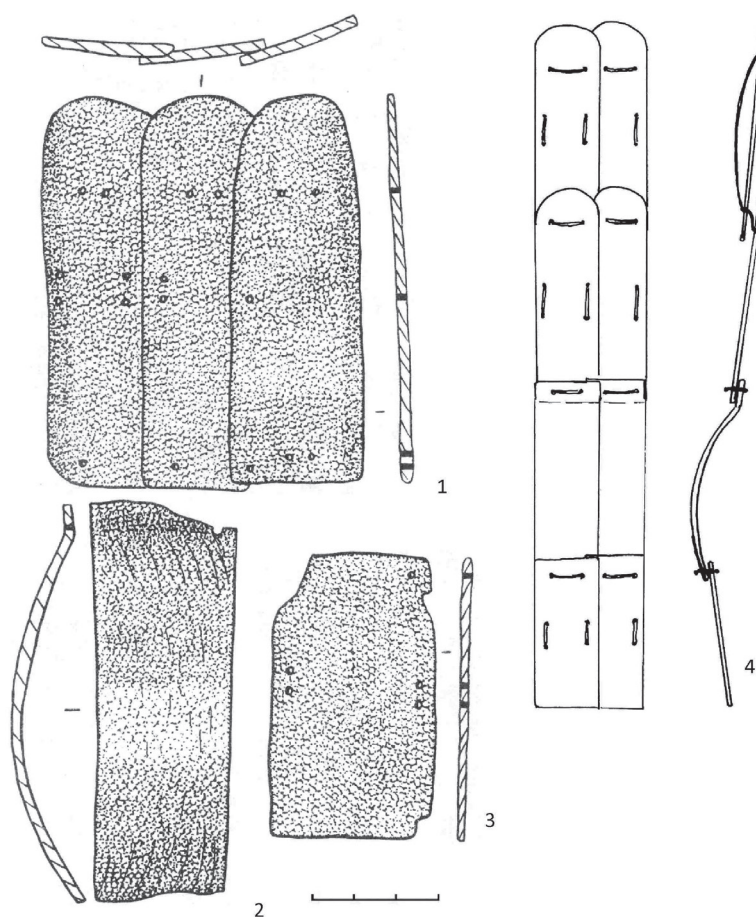

Рис. 3. Панцирные пластины и схема их крепления: 1 — тип 1; 2 — тип 2; 3 — тип 3, все три типа — железо; 4 — последовательность и способ набора в панцире [Матющенко, Татаурова, 1997]

В качестве покроя панциря нами рассматривается наиболее простой его вариант — кираса. Рост погребенного, по приведенным данным, составлял 170 см. При данном параметре, если исходить из типовых размеров, обхват туловища мог составлять около 88 см, а длина от плеча до середины бедра — 74 см. Таким образом, нагрудник кирасы мог иметь следующие параметры: верх — 20x20 см, низ — 30x44 см. Исходя из этих данных можно смоделировать возможное количество пластин в нагруднике кирасы. Всего в панцире могло быть пять горизонтальных рядов. Два верхних, более коротких, защищали область груди между подмышечными впадинами по горизонтали и от ключиц до солнечного сплетения по вертикали. Третий длинный ряд закрывал нижнюю часть груди. Эта часть кирасы могла набираться из овально-прямоугольных пластин, чаще всего применявшихся для основной части изделия. Скругленный край обращался, по всей вероятности, вверх. Короткие ряды состояли из восьми, а длинный — из 18 пластин. Четвертый ряд, приходившийся на район пояса, включал также 18 пластин, относящихся ко второму типу. Их прямой край служил для соединения с верхним рядом. Выпуклая часть обращалась к телу. Таким образом, с внешней стороны образовывалось «углубление» куда ложился пояс. Наконец, последний ряд включал короткие прямоугольные пластины (рис. 3. — 4).

Соединение наспинника и нагрудника кирасы осуществлялось при помощи боковых и плечевых ремней. В погребении было найдено шесть пряжек, которые могли, на наш взгляд, использоваться для этого. Они изготовлены из серебра, состоят из овально-прямоугольной рамки, заостренной у одного края, снабжены подвижным язычком. Большая часть этих изделий находилась на некотором удалении от правого бока погребенного, на уровне берцовой кости, а одна пряжка зафиксирована вместе с доспехом [Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013: рис. 1]. Ранее их реконструировали как «детали портупей» или «детали конской упряжи», но по приводимому плану могилы и графической реконструкции их использование и места крепления остаются не ясными [Матющенко, Татаурова, 1997: 46; Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013: рис. 2]. Размеры пряжек: 2,8–3,1x6,3–7 см [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 1. — 3]. На наш взгляд, данные изделия могли использоваться для застегивания кирасы: два более крупных — для плечевых ремней, а четыре поменьше — для боковых.

Костюм погребенного из рассматриваемого объекта ранее уже реконструировался исследователями, поэтому мы не будем подробно на нем останавливаться, отметив лишь общие положения. В целом, он включал: плечевую одежду, состоящую из нижней рубахи и кафтана, поясную одежду, представленную «штанами-шароварами», сапоги, фиксируемые на голеностопном суставе ремешками, и головной убор. Материалы, использовавшиеся для их изготовления, включали шелк (нижняя рубаха и головной убор), шерсть (подклад головного убора, кафтан, штаны) и кожа (сапоги) [Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013: 10–14]. В целом, нами используются все находки, касающиеся кроя и цвета одежды, за исключением головного убора. Представленная на реконструкции форма головного убора не соотносится ни с какими синхронными изобразительными источниками. Кроме того, на рисунке у него показана слишком большая высота. Даже с учетом того, что тлен от него был выше уровня черепа на 20 см, «клобук» показан непропорционально большим. В связи с этим

нами на реконструкции используется более простая форма головного убора — острроверхий конический башлык, известный по скульптуре конного воина из Монголии [Хазанов, 2008: рис. 20. — 2].

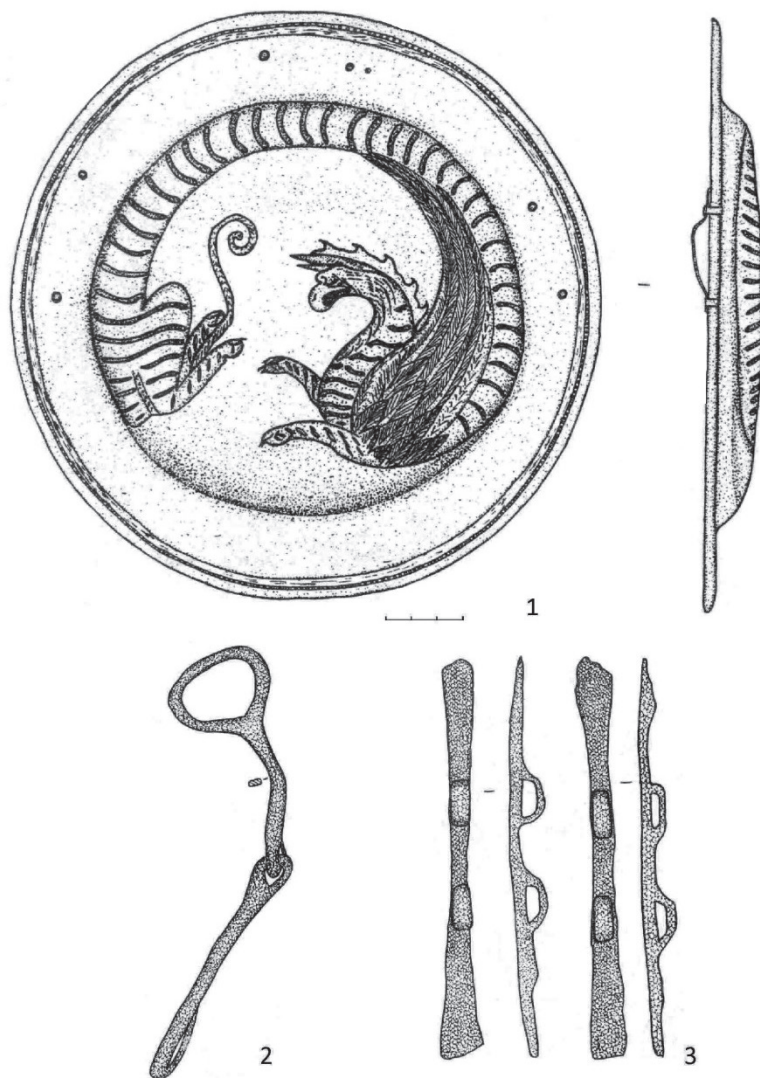

Рис. 4. Детали конского снаряжения: 1 — фалар, серебро; 2 — удила, железо; 3 — псалии, железо [Матющенко, Татаурова, 1997]

Отдельно рассмотрим конское снаряжение. Непосредственно в самом погребении находились только фалары и, вероятно, подпружная пряжка. Фалары изготовлены из серебра и представляют собой диски с выступающим по центру уплощенным умбонном, на котором сделано изображение дуговидно изогнутого «грифодракона» (рис. 4. —

1). Диаметр изделий 23 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 47, рис. 19]. Фалары размещались на нагрудном ремне и служили украшением конского снаряжения [Хазанов, 2008: рис. 9. — 5]. В погребении они были уложены вместе с доспехом [Матющенко, Татаурова, 1997: 1]. Также из рассматриваемой могилы происходит железная пряжка. Она состояла из двух рамок подпрямоугольного абриса и подвижного язычка. На настоящий момент рамка, предназначенная для крепления к ремню, частично обломлена. Ранее ее трактовали как принадлежность «портупейного» пояса. Но, на наш взгляд, изделие слишком крупное для такого назначения. Его размеры: 7,8x5,1 [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 26. — 4].

Более вероятно, что рамка могла использоваться для крепления подпруги. В погребении она располагалась справа от костяка, южнее доспеха, вместе с несколькими серебряными пряжками [Матвеева, Хайдукова, Долгих, 2013: рис. 1].

Удил и псалий в самом погребении зафиксировано не было. В то же время комплект этих деталей происходит из насыпи кургана [Матющенко, Татаурова, 1997: рис. 5. — 9–11]. Удила изготовлены из железа, двуколычатые. Грызла представляют собой округлый в сечении стержень, на концах которого находятся кольца: внутренние меньшего диаметра и внешние большего (рис. 4. — 2). Длина звеньев: 9,6 и 10,5 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 46]. Псалии имеют вид тонких железных пластин с трапециевидными расширениями на концах и двумя небольшими скобами для крепления ремня (рис. 4. — 3). Их длина: 15,1 и 15,3 см [Матющенко, Татаурова, 1997: 46].

Исходя из изображений на Орлатских пластинах можно сделать вывод, что узда в рассматриваемый период включала следующие ремни: наносный, нащечный, подбородочный и затылочный [Борисенко, Худяков, 2005: рис. 5. — 2]. В погребении не было обнаружено распределителей ремней, поэтому, скорее всего, они были просто сшиты между собой. Нащечный ремень на окончаниях раздваивался и продевался в скобы на наляях, фиксируясь при помощи узелков. Псалии продевались во внешние кольца удил, также к ним привязывался повод. Седло, судя по изобразительным источникам, имело жесткие луки и крепилось при помощи подпружного, подхвостного и нагрудного ремней [Борисенко, Худяков, 2005: рис. 5. — 1–2].

Таким образом, нами был проведен анализ воинского и конского снаряжения из могилы 2 кургана № 1 памятника Сидоровка. Подробно рассмотрена также планиграфия данного погребения. Это позволило воссоздать комплект воина саргатской культуры III–IV вв. до н. э. Описательная реконструкция представлена вместе с художественным рисунком, призванным дополнить уже имеющийся визуальный ряд по саргатской культуре в целом и комплексу Сидоровка в частности. В данном случае нами был сделан упор на более подробное рассмотрение наступательного и защитного вооружения. Представленный в этом погребении максимально полный воинский комплект, безусловно, принадлежал представителю знати. Судя по его составу, наиболее состоятельные воины могли составлять отряды средневооруженной конницы, способной вести бой на дальней (лук и стрелы), средней (копья) и ближней (меч) дистанции. Видимо, к специфическому тактическому приему таких отрядов относился таранный удар, возможный благодаря наличию доспеха и копий на длинных древках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображение панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кома) // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 56–69.

Боталов С. Г. Мечи и кинжалы гуннской эпохи // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во Южноуральского ун-та, 2007. С. 114–123.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. до н. э. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 200–223.

Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск : Изд-во Южноуральского ун-та, 2007. С. 65–69.

Матвеева Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск : Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н. П., Потемкина Т. М., Соловьев А. И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. № 4 (20). С. 85–99.

Матвеева Н. П., Хайдукова Д. В., Долгих А. С. Реконструкция костюма воина из могильника Сидоровка (Западная Сибирь) // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2013. № 2. С. 7–20.

Матющенко В. И., Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. 198 с.

Сарианиди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М. : Наука, 1989. 240 с.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Факультет филологии и искусства СПбГУ : Нестор-История, 2010. 328 с.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск : ИНФОЛИО-персс, 2003. 224 с.

Хазанов А. М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 294 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 268 с.

REFERENCES

Borisenko A. Yu. Khudyakov Yu. S. *Izobrazheniye pantsirnykh voinov na freskakh Kyzyla iz Vostochnogo Turkestana (po materialam issledovaniy A. fon Le Koma)* [The image of armored soldiers on the frescoes of Kyzyl from East Turkestan (based on the research of A. von Le Coma)]. *Voyennoye delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskuyu epokhu* [The military art of nomads of Central Asia in the era of the xianbei]. 2005. S. 56–69 (in Russian).

Botalov S. G. *Mechi i kinzhaly gunnskoj epokhi* [Swords and daggers of the Huns era]. *Vooruzheniye sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya* [Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology]. 2007. S. 114–123 (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voyennoye delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. do n. e. Ch. II: Nastupatelnoye vooruzheniye (oruzhiye)* [Military Affairs of the Altai population in the III–XIV centuries BC Part: Offensive weapons (weapons)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 2006. 232 s. (in Russian).

Gorbunov V. V. *Syanbiyskiy dospek* [Xianbian armor]. *Voyennoye delo nomadov Tsentralnoy Azii v syanbiyskuyu epokhu* [The military art of nomads of Central Asia in the era of the xianbei]. 2005. S. 200–223 (in Russian).

Krivosheyev M. V. Vooruzheniye pozdnesarmatskogo vremeni Nizhnego Povolzhia [Arms of the late Sarmatian time in the Lower Volga region]. Vooruzheniye sarmatov: regionalnaya tipologiya i khronologiya [Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology]. 2007. S. 65–69 (in Russian).

Matveyeva N. P. *Sargatskaya kultura na srednem Tobole* [Sargat culture on middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka, 1993. 175 s. (in Russian).

Matveyeva N. P., Potemkina T. M., Solovyev A. I. *Nekotoryye problemy rekonstruktsii zashchitnogo vooruzheniya nositeley sargatskoy kultury (po materialam mogilnika Yazevo-3)* [Some problems of reconstruction of defensive weapons carriers sargatskaya culture (on materials of burial ground Yazevoe-3)]. *Arkheologiya. etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and anthropology of Eurasia]. 2004, no. 4 (20). S. 85–99 (in Russian).

Matveyeva N. P., Khaydukova D. V., Dolgikh A. S. *Rekonstruktsiya kostyuma voina iz mogilnika Sidorovka (Zapadnaya Sibir)* [Reconstruction of the warrior costume from the burial ground Sidorovka (Western Siberia)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tyumen state University]. 2013, no. 2. S. 7–20 (in Russian).

Matyushchenko V. I., Tataurova L. V. *Mogilnik Sidorovka v Omskom Priirtyshye* [Burial ground Sidorovka in Omsk Irtysh]. Novosibirsk: NAUKA. Sib. predpriyatiye RAN, 1997. 198 s. (in Russian).

Sarianidi V. I. *Khram i nekropol Tillyatepe* [The temple and necropolis Tillatoba]. M.: Nauka, 1989. 240 s. (in Russian).

Simonenko A. V. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomoria* [Sarmatian horsemen of the Northern black sea region]. SPb.: Fakultet filologii i iskusstva SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 328 s. (in Russian).

Solovyev A. I. *Oruzhiye i dospekhi. Sibirskoye vooruzheniye ot kamennogo veka do srednevekovia* [Weapons and armor. Siberian weapons from the stone age to the middle ages]. Novosibirsk: "INFOLIO-perss", 2003. 224 s. (in Russian).

Khazanov A. M. *Izbrannyye nauchnyye trudy: Ocherki voyennogo dela sarmatov* [Selected scientific works: essays on the military art of the Sarmatians]. SPb.: Izdatelstvo SPbGU, 2008. 294 s. (in Russian).

Khudyakov Yu. S. *Vooruzheniye srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentralnoy Azii* [Armament of medieval nomads of southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 268 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Лихачева О. С. Реконструкция комплекса вооружения знатного воина саргатской культуры (по материалам могильника Сидоровка) // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 34–47.

Citation:

Likhacheva O. S. Reconstruction of a complex of arms of a noble warrior Sargatskaya culture (on materials of burial ground Sydorivka). *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 34–47.

УДК 904 + 726.822

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–04

К. Ш. Табалдиев, К. Т. Акматов, А. Ашык, К. Белек

Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек (Кыргызстан)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА МАВЗОЛЕЕ КЁК-ТАШ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2017–2018 ГГ. В КЫРГЫЗСТАНЕ¹

Представлены основные результаты археологических раскопок мавзолея Кёк-Таш, расположенного в Кочкорской долине Кыргызской Республики. Исследования проводились в рамках совместного проекта Кыргызско-Турецкого университета Манас с управлением по сотрудничеству и развитию при аппарате премьер-министра Республики Турция (ТИКА). В результате проведенных работ полностью вскрыт первый известный на территории Кыргызстана подземный двухкамерный мавзолей. По своей планировке, строительному материалу, форме тропов и арок он наиболее близок архитектурным сооружениям Средней Азии караханидского времени. Однако найденные в мавзолее отдельные вещественные находки и результаты радиоуглеродного анализа образца черепа подростка указывают на вторую половину XIII в. В мавзолее были обнаружены скелеты и отдельные кости трех человек, не сохранившие своего первоначального положения. Вероятно, исследуемый объект является семейной усыпальницей, где были погребены муж, жена и их ребенок. Однако окончательные выводы на этот счет могут быть сделаны после радиоуглеродного и ДНК-анализов образцов человеческих костей из исследуемого мавзолея.

Ключевые слова: мавзолей Кёк-Таш, Кочкорская долина, Средневековье, караханидское и монгольское время, архитектура, вещественные находки, антропологические материалы.

¹ Результаты археологических раскопок на мавзолее Кёк-Таш в полевом сезоне 2017 г. нашли отражение в отдельной статье [Табалдиев, Акматов, 2019: 595–622]. Настоящая работа, наряду с итогами раскопок 2018 г., включает значительную часть аналитического раздела указанной статьи.

K. Sh. Tabaldyev, K. T. Akmatov, A. Ashyk, K. Belek

Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek (Kyrgyzstan)

RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE KYOK-TASH MAUSOLEUM IN THE 2017–2018 FIELD SEASON IN KYRGYZSTAN

The paper presents the main results of the archaeological excavations at the Kyok-Tash mausoleum carried out in 2017–2018 field season in Kochkor valley, Kyrgyzstan. The researches were realized within the framework of the joint project of the Kyrgyz-Turkish Manas University and Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA). As the result of the conducted works first known two-chamber, underground mausoleum in the territory of Kyrgyzstan was uncovered. For its layout, building materials, form of its squinches and arches, the mausoleum is analogous to the architectural structures of the Karakhanids period in Central Asia. However, some artifacts (ceramic table, coin etc.) and results of the radiocarbon analysis of the samples from the mausoleum have given a later date — second half of the XIII century. Skeletons and several bones from three people were found during the excavations, which were not preserved in their original position. The human skeletons and bones indicate that the mausoleum is a family tomb, where a husband, wife and their child were buried. However, valid inferences on this issue will be made after a radiocarbon and DNA analysis of the bone samples from the site.

Key words: Kök-Tash mausoleum, Kochkor valley, Middle Ages, Karakhanids and Mongol period, architecture, material finds, anthropological materials.

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, кандидат исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета Манас, Бишкек (Кыргызстан). Адрес для контактов: tabaldievk@yahoo.com.

Акматов Кунболот Токтосунович, кандидат исторических наук, специалист Археолого-этнографического музея-лаборатории Кыргызско-Турецкого университета Манас, Бишкек (Кыргызстан). Адрес для контактов: kunbolot@mail.ru.

Ашык Алпаслан, PhD, доцент Кыргызско-Турецкого университета Манас, Бишкек (Кыргызстан). Адрес для контактов: ashik.alpaslan@hotmail.com.

Белек Кайрат, PhD, и. о. доцента Кыргызско-Турецкого университета Манас, Бишкек (Кыргызстан). Адрес для контактов: kayratbek@gmail.com.

В полевом сезоне 2017–2018 гг. археологический отряд Кыргызско-Турецкого университета Манас под руководством К. Ш. Табалдиева проводил раскопки в мавзолее Кёк-Таш (Көк-Таш) в Кочкорской долине Кыргызстана. Исследуемый объект расположен в 3-х км к северо-востоку от села Кум-Дёбё (Кум-Дөбө), у оросительного канала, сооруженного в советское время. Точные географические координаты объекта: N 42°14'22,7", E 075°34'36.0".

Памятник получил свое название по одноименной местности, на которой он расположен, где местные жители неоднократно находили фрагменты керамики, покрытые голубой глазурью¹. По результатам раскопок установлено, что эти фрагменты керамики принадлежат низкому столику на четырех ножках, который был почти полностью реконструирован.

Мавзолей Кёк-Таш был случайно открыт в 1988 г. местными жителями при выкапывании силосной ямы с помощью землеройной техники. Видимо, в результате этих работ часть купола и стен была снесена, а его кирпичи вместе с землей были свалены в кучу к северу от памятника. В 1991 г. памятник был осмотрен К. Ш. Табалдиевым и О. А. Солтобаевым [Табалдыев, 2011: 146]. Впоследствии он осматривался и другими специалистами.

В 2015 г. с памятником были ознакомлены турецкие эксперты, которые рекомендовали ТИКА поддерживать спасательно-исследовательские работы на рассматриваемом объекте. Данная инициатива была одобрена руководством этой организации, и в 2017 г. начались археологические раскопки на памятнике Кёк-Таш.

В результате проведенных в течение двух полевых сезонов раскопок получено полное представление об архитектуре объекта, обнаружены различные вещественные находки и антропологические материалы, которые в настоящее время анализируются и консервируются в лабораторных условиях.

Архитектура мавзолея. Мавзолей представляет собой постройку, состоящую из двух лежащих на общей оси помещений: малого прямоугольного и большого квадратного (рис. 1). Стены их ориентированы по сторонам света. Общая длина объекта — 9,5 м (С-Ю). Внутренние размеры прямоугольного помещения 2,4x4 м, толщина стен 50–55 см. Внешние размеры квадратного помещения — 6–6,3x6–6,3 м.

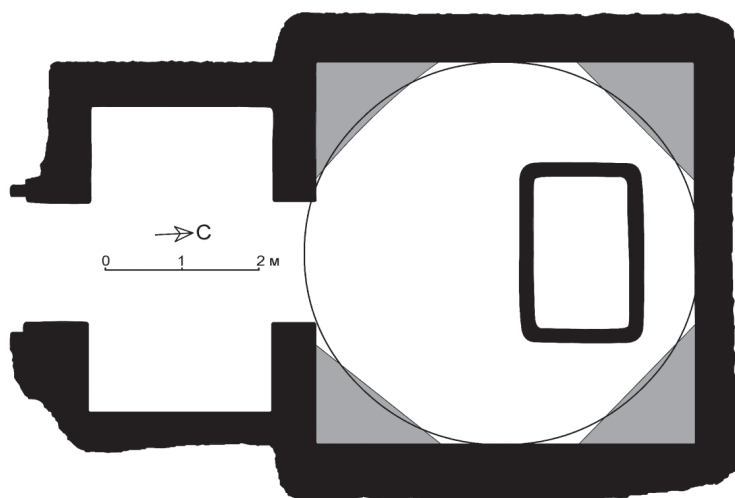

Рис. 1. План мавзолея Кёк-Таш. Кочкорская долина, Кыргызстан

¹ Название *Кёк-Таш* в переводе на русский язык означает «синий (голубой) камень».

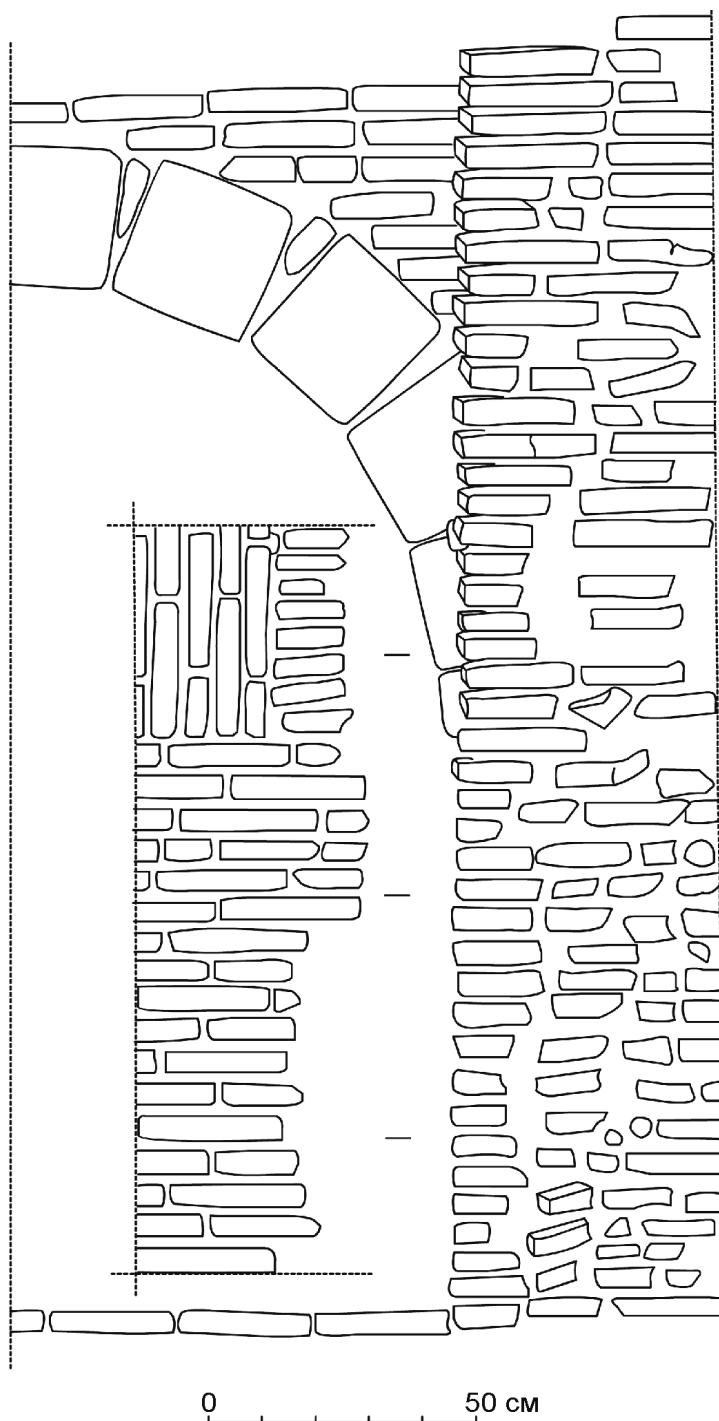

Рис. 2. Мавзолей Кёк-Таш. Восточная половина арочного проема в мавзолее и часть фасада

Вход в мавзолей расположен в центре южной стены первого прямоугольного помещения. Он перекрыт клинчатой пологой аркой из фронтально поставленных кирпичей (рис. 2). Арочный проем заключен в прямоугольную нишу, которая заглублена в тело стены. Высота входа 1,9 м.

Внутренняя арка над входом, также сложенная клинчатой кладкой, заглублена на несколько сантиметров в тело стены (рис. 3). Пяточный кирпич арки, являющийся горизонтальным, расположен на высоте 106 см от пола. Над ним помещен кирпичный клин, выше которого кирпичи лежат наклонно. Внутренняя арка снаружи обведена одним рядом плашмя положенных кирпичей, отделяющих ее от кладки стен.

Рис. 3. Мавзолей Кёк-Таш. Арочный проем на внутренней южной стене камеры 1

Внутренние стены мавзолея ровной кирпичной кладки, выполненной цепной перевязкой швов. Кладка внешних стен сложена из целых кирпичей и их обломков, уложенных без соблюдения перевязки и рядов (рис. 4).

Основным строительным материалом служили квадратные кирпичи размером 24,5–27х24,5–27х4–4,5 см. Наряду с ними для соблюдения перевязки рядов кладки использовались прямоугольные кирпичи половинного формата (13–14х26–27х4–4,5 см). Кроме того, в процессе раскопок на разных частях мавзолея и на восточной стене первой камеры зафиксированы несколько кирпичей размером 33х21х4,5 см.

На лицевой стороне некоторых кирпичей отмечены отпечатки копыт мелкого рогатого скота, коровы, лап собаки и в одном случае подошв подростка, наступивших на них до обжига, видимо, во время сушки под солнцем (рис. 5). Кроме того, было обнаружено несколько пережженных кирпичей. Все это свидетельствует о том,

что основной строительный материал изготовлялся в непосредственной близости от постройки.

Рис. 4. Вид на мавзолей Кёк-Таш с севера по состоянию на 2017 г.

Рис. 5. Мавзолей Кёк-Таш. Жженные кирпичи с отпечатками предположительно лапы собаки (слева) и подошвы подростка

В углах второй камеры сохранились подкупольное устройство — тромп, служивший для поддержания купола. Он состоит из перекинутой через угол стрельчатой арки с внутренним заполнением в виде вставленных одна в другую и уменьшающихся по направлению к углу 14 эллипсоидных арочек (рис. 6). В специальной литературе такой тромп известен под названием перспективно-ступенчатого или перспективно-арочного. Тромпы мавзолея не выделены в отдельный ярус, а встроены в тело четверика. Он опирается на стену высотой всего 90 см от пола.

Рис. 6. Мавзолей Кёк-Таш. Тромп на северо-западном углу камеры 2

Над тромпами, через один ряд горизонтально уложенных кирпичей, сохранились нижние ряды кладки купола (рис. 7). Судя по ним, купол выложен кольцевыми рядами, в которых кирпичи лежат наклонно. Здесь использован тот же кирпич и раствор, что и в кладках стен. Диаметр основания купола, судя по сохранившейся кладке, составлял 5,2 м.

Пол обеих камер вымощен жжеными кирпичами в два слоя (рис. 8). Эти слои скреплены между собой с помощью глиняного раствора толщиной 2–2,5 см. Основной строительный материал пола — квадратный кирпич размером 25,5х25,5х4 см. Наряду с ним, видимо, для соблюдения «перевязки», использованы прямоугольные кирпичи половинного формата (12–12,5х25,5х4 см). Кирпичи пола, в отличие от кирпичей стен, отшлифованы, в результате чего имеют ровные грани.

В середине северной половины второй камеры обнаружен прямоугольный погребальный ящик, длинными сторонами ориентированный по линии восток — запад (рис. 9). Он был сооружен из прямоугольных жженных кирпичей на ганчевом растворе прямо на полу. Как снаружи, так и изнутри ящик оштукатурен тонким слоем ган-

ча. Каких-либо следов перекрытия ящика зафиксировано не было. Размеры кирпичей ящика 13–13,2x27x4,3–4,5 см. Длина ящика — 238–240 см, ширина — 156–169 см, высота — 72–96 см.

Рис. 7. Мавзолей Кёк-Таш. Сохранившаяся нижняя кладка купола над тропом

Рис. 8. Мавзолей Кёк-Таш. Вымощенный жжеными кирпичами пол камеры 1

Рис. 9. Мавзолей Кёк-Таш. Погребальный ящик с верхней частью скелета женщины

Итак, перед нами первый известный на территории Кыргызстана подземный мавзолей. О том, что он изначально был сооружен под землей, а не оказался там вследствие постепенного повышения уровня земли, свидетельствует ряд фактов. Несостоятельно также мнение, что мавзолей был скрыт под землей в результате селевых потоков или иных природных катаклизмов. В стенах его отсутствуют какие-либо трещины или иные повреждения и следы деформации, которые подтверждали бы такое предположение.

Грунт у внешних стен мавзолея, судя по его составу и твердости, можно охарактеризовать как материк, т. е. не тронутый человеком и, соответственно, не содержащий каких-либо следов человеческой деятельности. Ни одной находки не было сделано за пределами мавзолея, в том числе и в шурфах, заложенных у внешних стен. Но, пожалуй, самым красноречивым свидетельством того, что мавзолей был сооружен в заранее вырытом котловане, является неровная поверхность внешних стен, кладка которых выполнена из обломков кирпичей без соблюдения перевязки и рядов. Очевидно, таким образом закладывалось пространство между ровными внутренними стенами и стенками котлована. Все это говорит о том, что мавзолей изначально был построен под землей и, соответственно, был рассчитан на обозрение изнутри.

Сооружение мавзолея под землей — известное явление в средневековой архитектуре Средней Азии. Так, например, в Таджикистане был найден подземный однокамерный мавзолей-склеп, построенный из квадратных жженных кирпичей (25x25x4–5 см). Свод его, согласно приведенным данным, был приподнят над землей и был оформлен

снаружи прямоугольным возвышением. Памятник датирован XI–XII вв. [Хмельницкий, 1996: 240–242].

Еще по крайней мере два подземных мавзолея известны в Туркестане, близ архитектурного комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви. Более полные сведения имеются об одном из них. Известно, что купол его был зафиксирован на глубине 2-х м от современной поверхности. На основании этого можно предположить, что он являлся полностью подземным, хотя авторы почему-то считают, что у объекта была и надземная часть. Памятник представлял собой однокамерное сооружение из жженных кирпичей размером 25–26x25–26x5–6 см. Судя по найденным в нем погребениям, он являлся семейной усыпальницей. Мавзолей был отнесен к XVI–XVIII вв. [Ерзакович и др., 1977: 59–72].

Мавзолей Кёк-Таш пополняет немногочисленную группу подземных мусульманских усыпальниц, известных в Средней Азии. Поскольку купол не сохранился, то нам сложно сказать, на какой глубине находилась его вершина. Возможно, что его купол, судя по сохранившейся высшей точке мавзолея (юго-западный угол второй камеры), несколько выступал над землей, как свод Саритальского мавзолея-склепа.

Еще одной особенностью мавзолея Кёк-Таш является его двухкамерная структура. Он, как было уже отмечено, состоит из лежащих на общей оси прямоугольного вестибюля и квадратной усыпальницы единовременного строительства. Появление таких мавзолеев в Средней Азии связывается исследователями с распространением суфизма с его культом могил. Поскольку ислам запрещал молиться на могиле человека, то для обрядов поминовения стали воздвигать отдельное помещение, примыкающее к усыпальнице [Бородина, 1974: 127; Маньковская, 1983: 40; Хмельницкий, 1996: 70]. Первое помещение, известное как *зиаретхана*, являлось поминальной мечетью и, как правило, имело *михраб* — нишу, указывающую на Мекку; второе же помещение, обозначенное термином *гурхана*, являлось собственно усыпальницей. Такие двухкамерные мавзолеи, по мнению знатоков средневековой архитектуры Средней Азии, распространяются в послемонгольское время [Маньковская, 1983: 43; Бородина, 1974: 106].

Однако в прямоугольном помещении Кёкташского мавзолея отсутствует *михраб*, что не позволяет видеть в нем поминальную мечеть. Кроме того, в отличие от «классических» двухкамерных мавзолеев послемонгольского времени, первое помещение рассматриваемого памятника значительно меньше, чем второе. Судя по его прямоугольному плану, оно не перекрывалось куполом, что также отличает мавзолей Кёк-Таш от перечисленных памятников.

Наиболее близкие, но не идентичные аналогии по планировке имеются в памятниках XI–XII вв. Именно в это время, по мнению ученых, появляются первые двухкамерные мавзолеи, образованные путем пристройки нового помещения к существующей усыпальнице [Хмельницкий, 1996: 70]. Эти памятники имеют меньшее прямоугольное или квадратное входное помещение и большее квадратное помещение, в котором находилось само погребение.

Руины одного из таких мавзолеев сохранились в Мерве (Туркменистан). Он был построен из сырца на цоколе из жженных кирпичей размером 24–24,5x24–24,5x4–5 см. Мавзолей состоит из двух квадратных камер, сдвинутых с общей оси. Интересно, что сохранившиеся подкупольные устройства памятника представлены перспективно-ароч-

ными tromпами. Думается, что датировка мавзолея С. Б. Луниной XIV–XV вв. вызвала справедливую критику С. Хмельницкого, который отнес его к XI–XII вв. [Лунина, 1974: 211–223; Хмельницкий, 1996: 247–248].

Другой двухкамерный мавзолей, построенный из пахсы и сырца, расположен близ селения Задан в Афганистане и носит название Абу-Хурейра — по имени сподвижника пророка Мухаммада. Он состоит из прямоугольного вестибюля со сводчатым порталом на южной стороне и квадратной купольной усыпальницы, ориентированных по сторонам света. Мавзолей отнесен к первой половине XI в. [Хмельницкий, 1996: 238–239].

Еще один двухкамерный мавзолей, также сооруженный из пахсы и сырца, известен под названием Саид Ходжа на юге Таджикистана. Он состоит из прямоугольного и квадратного помещений, ориентированных по сторонам света. Первое помещение, судя по *михрабу* на западной стене, служило поминальной мечетью, а второе — усыпальницей. Интересно, что нижние кладки свода квадратного помещения представляют собой перспективно сокращающиеся арочки, которые напоминают аналогичной конструкции tromпы. Исходя из положения, что двухкамерные мавзолеи распространяются после XIII в., авторы датируют изученный ими памятник в широких хронологических рамках — от XII–XIII вв. до XVI в. Кроме того, по их мнению, помещения мавзолея разновременные — прямоугольная мечеть была позже пристроена к квадратной усыпальнице [Мухтаров, Хмельницкий, 1978: 71–74]. Однако приведенные авторами аргументы для таких выводов представляются нам не совсем убедительными.

Все три вышеперечисленных памятника, сооруженных из сырца и пахсы, представляют собой, по мнению специалистов, первые двухкамерные мавзолеи и, в целом, датируются XI–XII вв. У них, в отличие от двухкамерных мавзолеев послемонгольского времени, усыпальница всегда больше, чем входное помещение. Последнее только в одном случае из трех имеет *михраб* в западной стене. В двух случаях подкупольные конструкции представлены перспективно-ступенчатыми tromпами. Сырцовые и жженные кирпичи из стен, полов и цоколя вышеприведенных мавзолеев квадратного формата размером 24–30х24–30х4–6 см. Все это позволяет отнести изучаемый нами памятник Кёк-Таш в круг этих первых двухкамерных мавзолеев.

Судя по данным третьего и четвертого шурфов в юго-восточном и северо-западном секторах камеры 2, купол мавзолея Кёк-Таш опирался на восьмигранник, образованный из переброшенных через углы четверика перспективно-ступенчатых tromпов. Такие подкупольные устройства встречаются уже в ранних купольных и сводчатых помещениях Средней Азии. Так, например, tromп, состоящий из трех перспективно сокращающихся арок, отмечен под сводом галереи замка Мунчак-Тепе, датированного III–IV вв. н. э. [Воронина, 1953: 21, рис. 21].

Наиболее часто такие подкупольные устройства встречаются в раннесредневековых архитектурных сооружениях. Среди них прежде всего следует упомянуть tromпы в квадратных помещениях цитадели городища Баба-Ата в Казахстане, мавзолея Ходжа Рошнаи и буддийского храма Калаи-Кафирниган в Таджикистане [Байпаков, 2012: 242, табл. 54, 3; Литвинский, 1980: 132; Хмельницкий, 1992: 177]. Во всех трех случаях tromпы не выделены в отдельный ярус, а встроены в тело стены или купола. Их основание расположено на высоте 0,4–1 м от пола. Этот же архитектурный прием, как описано

выше, обнаружен и в мавзолее Кёк-Таш. Однако здесь его применение, как нам представляется, не является данью традиции, а связано со стремлением построить подземный мавзолей небольшой высоты.

Перспективно-арочные тромпы встречаются и в раннесредневековых памятниках Семиречья. Так, некоторые квадратные помещения Краснореченских наусов сохранили подкупольные устройства, как пишет автор публикации, «в виде примитивных тромпов, не выделенных в единый ярус, а вкомпонованных в оболочку купола» [Горячева, 1989: 88]. Действительно, тромпы эти состоят, как и отмеченные выше калакафирниганские, из двух-трех перспективных арок грубой кладки без определенной формы. Более стройными и близкими по форме Кёкташским тромпам выглядят арочки тромпа помещения в замке городища Луговое А [Байпаков, Горячева, 1999, табл. 105, 2].

Тромпы рассматриваемого типа в купольных сооружениях XI–XII вв. встречаются редко [Хмельницкий, 1996: 223–224; Хмельницкий, 1997: 166–167]. Их арочки не эллипсоидной формы, как в предшествующее время, а стрельчатой, что также характерно и для формы арок проемов. Интересно, что в Кёкташском мавзолее присутствуют обе формы: арки проема и арки, переброшенные через углы четверика стрельчатой формы, в то время как арочки, заполняющие пазухи тромпа, эллипсоидного очертания.

В архитектурных памятниках Кыргызстана IX–XII вв. встречаются перспективно-ступенчатые тромпы, как выражается С. Хмельницкий, в «модернизированном» варианте [Хмельницкий, 1992: 49]. Речь идет о подкупольных устройствах квадратных помещений караван-сарая Чалдывар и Южного Узгенского мавзолея [Хмельницкий, 1996: 172, 313]. Здесь пазухи тромпов только частично заполнены ступенчато сокращающимися арочками, а центральная их часть представлена или в виде консольной выемки (Чалдывар), или в виде сомкнутого свода (Южный Узгенский мавзолей).

На фоне всех вышеприведенных аналогий и примеров наличие перспективно-ступенчатого тромпа с эллипсоидными арочками в мавзолее Кёк-Таш выглядит несколько архаичным.

В эту же категорию «архаичностей», на наш взгляд, следует отнести ориентировку погребального ящика с длинными сторонами по направлению восток — запад. Известно, что мусульманские могильные ямы обычно ориентированы по линии север — юг, как, например, погребения Буранинских, Узгенских мавзолеев и Гумбега Манаса [Бернштам, 1950: 103; Горячева, 1983: 38, 41, 83, 84]. Однако в городских некрополях Средней Азии встречаются мусульманские кирпичные погребальные ящики, ориентированные длинными сторонами по линии восток — запад, иногда с некоторыми отклонениями на север. В целом, они датируются IX–XIV вв. [Абдуллоев, 2010: 200–208]. Очевидно, кёкташское погребение следует отнести в круг этих памятников, несмотря на то, что последние представляют собой, строго говоря, не погребальные ящики, а подземные или полуподземные могильные ямы, обложенные сырцовыми и (или) жжеными кирпичами.

Хотя формат кирпича, судя по многочисленным примерам, не может служить четким хронологическим индикатором, тем не менее, мы позволим себе привести в каче-

стве аналогии формат кирпичей, обнаруженных на постройках городища Бурана, которое находится недалеко от мавзолея Кёк-Таш. Так, восьмигранный цоколь и цилиндрическое тело башни Бурана был сооружен из квадратных жженных кирпичей размером 23,5–25x23,5–25x4–4,5 см, 27,5x27,5x5 см [Иманкулов, Конкобаев, 2014: 87]. В руинах известных мавзолеев встречаются кирпичи размером 23–26x23–26x4–5 см [Аманбаева и др., 2013: 72–73]. Квадратные жженные кирпичи со сторонами 27 см, толщиной 4,5–5 см отмечены в развалинах мечети [Хмельницкий, 1996: 120–121; Иманкулов, Конкобаев, 2014: 75]. В помещении усадьбы на городище Бурана был зачищен пол, вымощенный жженными кирпичами размером 25x25x4,5 см [Горячева, 1983: 51]. Все эти постройки, как и городище в целом, датируются XI–XII вв.

Таким образом, по своей планировке, строительному материалу, форме тропов и арок мавзолеев Кёк-Таш наиболее близок архитектурным памятникам Средней Азии XI–XII вв.

Антропологические материалы. Археологические раскопки показали, что погребения в изучаемом мавзолее были потревожены. Обнаруженные во второй камере полный скелет мужчины и неполный скелет женщины были перемещены с первоначального местоположения. Кроме этих костяков, на разных частях мавзолея были найдены череп, несколько позвонков, лучевая и тазовая кости подростка. Судить об их исходном положении и ориентировке сложно. Но, на основании ориентировки погребального ящика можно уверенно сказать, что умершие изначально были уложены длинными сторонами по направлению запад — восток или восток — запад.

В погребальном ящике была зачищена верхняя половина скелета женщины, сохранившаяся вместе с кожей, сплошь покрытой зеленым налетом (см. рис. 9). Зеленый налет образовался вследствие окисла бронзовой сетки, которой была обернута умершая. Костяк лежал вдоль западной стенки погребального ящика, на высоте 5–7 см от пола, головой на юг. Место обнаружения верхней половины скелета женщины — на западном конце погребального ящика, возможно, свидетельствует о том, что изначально умершая была уложена вытянуто на спине, головой на запад, что соответствует погребальному обряду мусульманских захоронений IX–XIV вв. в Средней Азии [Абдуллоев, 2010: 205].

Кости нижней конечности, а именно тазовые, бедренная и берцовые кости правой ноги и фаланги ноги, скелета взрослого человека найдены у западной стены второй камеры, на высоте 29 см от пола (рис. 10). Бедренная и берцовые кости сохранились в сочленении вместе с высохшей кожей. Эти кости ноги были обернуты бронзовой сеткой, окисли которой имелись на коже и костях скелета.

Кости нижней конечности, обнаруженные у западной стены второй камеры, и верхняя часть скелета женщины из погребального ящика дополняют друг друга и, видимо, принадлежат одному человеку.

Вдоль западной стены второй камеры, над костями нижней конечности женского костяка, обнаружен полный скелет взрослого мужчины, сохранивший анатомический порядок (рис. 11). Он лежал вытянуто на спине, головой на север на высоте 55–70 см от пола. На костях имеется зеленый налет, видимо, от окисла бронзовой сетки, фрагменты которой были обнаружены на разных частях мавзолея.

Рис. 10. Мавзолей Кёк-Таш. Кости нижних конечностей женщины (?) и фрагмент керамического глазурованного столика

Рис. 11. Мавзолей Кёк-Таш. Скелет мужчины у западной стены камеры 2

Таким образом, судя по зеленому налету на скелетах мужчины и женщины, который является результатом окисла бронзовой сетки, и по ширине погребального ящи-

ка, умершие были погребены одновременно и, возможно, являются мужем и женой. Факт обертывания конечностей и, возможно, всего туловища покойных является уникальным. На данном этапе исследования нам неизвестны точные аналогии. Косвенной аналогией может служить практика обматывания трупа войлоком, берестой и другими материалами, существовавшая в различных культурах в разные исторические периоды, в том числе у средневековых мусульман.

Кроме скелетов мужчины и женщины в мавзолее были найдены череп, лучевая кость, тазовая кость и пара позвонков, принадлежащих подростку. Череп был обнаружен у северной стены второй камеры, на высоте 90–95 см от пола, остальные кости найдены снаружи мавзолея, у его входа. На костях отсутствует зеленый налет.

Половозрастные особенности найденных скелетов и костей людей могут наводить на мысль о том, что мавзолей Кёк-Таш является семейной усыпальницей, где были погребены муж, жена и их ребенок. Если об одновременности скелетов мужчины и женщины можно говорить с достаточной долей уверенности, то отсутствие большей части костей подростка и зеленого налета на них не позволяет на данном этапе исследования утверждать о наличии какой-либо связи последнего с первыми скелетами. Очевидно, что без ДНК и радиоуглеродного анализов всех костяков ответить на данный вопрос невозможно.

Работа в данном направлении уже началась, и в настоящее время мы имеем результаты радиоуглеродного анализа образца черепа подростка¹. Согласно этому анализу, данный череп относится к человеку, умершему между 1264 и 1300 гг. (с вероятностью 91.4%).

Таким образом, если подтвердится одновременность всех человеческих скелетов и костей, то, опираясь на результаты радиоуглеродных анализов, время сооружения мавзолея Кёк-Таш следует определить второй половиной XIII в. Это несколько позже, чем дата, полученная методом аналогии (XI–XII вв.), который, впрочем, может допустить погрешности. Как бы то ни было, на данном этапе исследования можно с уверенностью сказать, что время сооружения мавзолея укладывается в хронологические рамки между XI и XIII вв.

Археологические находки. В процессе археологических раскопок в заполнении помещений мавзолея были обнаружены предметы из керамики, металла, стекла, дерева, гипса, нефрита и камня. Вместе с ними встречены отдельные кости животных и один скелет собаки. Большинство этих находок найдено на высоте одного метра и более от пола и, возможно, относятся не ко времени сооружения и функционирования мавзолея, а к периоду, когда он был заброшен и стал наполняться землей. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что из сотни фрагментов керамики нам удалось реконструировать полный облик лишь одного сосуда. Поэтому для нас интерес представляют прежде всего находки, найденные на полу или невысоко от пола. При этом следует отметить, что в некоторых частях грунт внутри мавзолея был неоднократно переложено как в древности, так и в наше время, в результате чего на нижние горизон-

¹ Радиоуглеродный анализ проводился в лаборатории музея Токийского университета (ТКА-19157) под руководством профессора Минору Йонэда (Minoru Yoneda), за что авторы выражают коллективу лаборатории огромную благодарность.

ты попали пластиковые бутылки, пакетики и современные железные предметы. Некоторые находки, найденные на полу, как нам представляется, сохранили свое первоначальное положение.

Таковыми находками являются тарелочки из нефрита, обнаруженные на полу, в середине южной половины второй камеры, у арочного проема (рис. 12). Большинство из них были сложены в стопку по 2 и 4 штуки и лежали рядом друг с другом. Косвенным подтверждением того, что тарелочки являются продуктом местных мастеров, служат находки необработанных нефритовых минералов, обнаруженных на разных частях второй камеры на высоте 5–10 и 20 см от пола.

Рис. 12. Мавзолей Кёк-Таш. Нефритовые тарелочки в положении *in situ*

К северу от местоположения тарелочек, на расстоянии около 30 см, на полу найдены две бронзовые плоские диски округлой формы диаметром 23,5 см. На одном из них в центре имеется цилиндрический выступ, служивший, возможно, петлей. В настоящее время идут работы по консервации предметов, после чего они будут проанализированы.

Одними из интересных находок являются фрагменты керамики, одна сторона которых покрыта голубой глазурью. Они были обнаружены на разных частях заполнения мавзолея, но наиболее крупные фрагменты встречены на уровне пола или ближе к нему. В результате реставрационных работ по этим фрагментам был восстановлен низкий столик на четырех подтреугольных ножках (рис. 13). Высота столика — 19–21 см, длина — 53 см, ширина — 46,5 см. В процессе раскопок была найдена одна подтреугольная ножка от другого аналогичного столика. Видимо, изначально в мавзолей были помещены по крайней мере два таких столика. Интересно, что идентичный столик с голубым покрытием был обнаружен в женском погребении XIII–XIV вв. в Таразе [Сенигова, 1972: табл. XIII, 41].

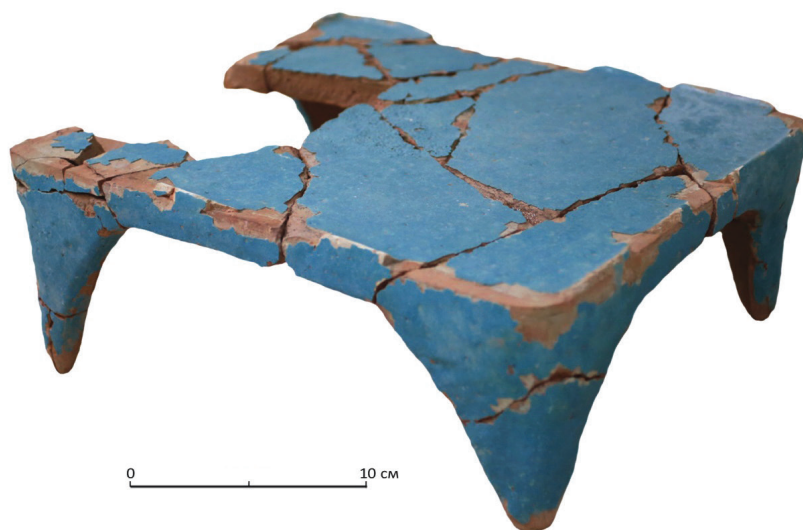

Рис. 13. Мавзолей Кёк-Таш. Керамический глазурованный столик

К металлическим находкам относятся железные гвозди конусовидной формы с шляпкой, фрагменты венчика бронзового котла (рис. 14), фрагменты бронзовой сетки, которой были обернуты умершие, и одна серебряная монета.

Дирхем был найден у западной стены второй камеры, под скелетом мужчины, на высоте 30 см от пола. Монета покрыта слоем окислов, арабографическая надпись на ней частично стёрта. На дирхеме четко видна тамга в виде буквы «Ф», которая встречается на чагатайских монетах конца XIII–XIV вв. По мнению нумизматов, эта тамга впервые появилась на чагатайских монетах при Дува-хане в 1287–1288 гг. и впоследствии использовалась его наследниками [Давидович, 1972: 63–65; Петров, 2009: 296, 299–300].

Самыми массовыми находками являются фрагменты керамических сосудов. Они представлены мелкими и отдельными крупными фрагментами стенок, венчиков, донцов и ручек сосудов разной толщины. Обнаружено несколько экземпляров глазурованной керамики голубого и зеленого цветов. Большинство из них изготовлено на гончарном круге. По этим фрагментам удалось реконструировать один почти целый кувшин без ручки (рис. 15) и придонную часть нескольких сосудов типа хумчи. Абсолютное большинство фрагментов керамики из заполнения мавзолея обнаружено на высоте выше одного метра от пола. Вероятно, они относятся к периоду запустения и наполнения мавзолея землей, когда часть купола была разрушена.

Таким образом, судя по результатам археологических исследований и архитектурного анализа, время сооружения и функционирования мавзолея Кёк-Таш укладывается в хронологические рамки между XI и XIII вв. Более точная датировка будет предложена после дополнительных исследований археологических материалов и проведения радиоуглеродного и ДНК анализов образцов человеческих костей. Как бы то ни было, перед нами первый известный на территории Кыргызстана подземный двухкамерный мавзолей, включающий в себя ряд архаических и новых для своей эпохи признаков, де-

тальные исследования которых позволят понять его место и роль в истории сложения и развития мусульманской архитектуры в Кыргызстане.

Рис. 14. Мавзолей Кёк-Таш. Металлические находки: железные гвозди и фрагменты бронзового котла

Рис. 15. Мавзолей Кёк-Таш. Глиняный кувшин

Библиографический список

Абдуллоев Д. Этапы перехода к мусульманскому погребальному обряду в Средней Азии // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. № 5. С. 200–210.

Аманбаева Б., Кольченко В., Сагаев К. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. IV: Архитектура. Самарканд ; Ташкент : МИЦАИ, 2013. С. 55–91.

Байпаков К. М. Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана. Алматы ; Самарканд: МИЦАИ, 2012. 284 с.

Байпаков К. М., Горячева В. Д. Семиречье // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М. : Наука, 1999. С. 151–162.

Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 146 с.

Бородина И. Ф. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X–XV вв. // Архитектурное наследство. 1974. № 22. С. 117–127.

Воронина В. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. 1953. № 3. С. 3–35.

Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе : Илим, 1983. 197 с.

Горячева В. Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе : Илим, 1989. С. 85–95.

Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'уд-бека (XIII в.). М. : Наука, 1972. 174 с. +табл.

Ерзакович Л. Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата : Наука, 1977. С. 59–72.

Иманкулов Ж., Конкобаев К. Архитектура Туркестана эпохи Караханидов (историко-теоретическое исследование) // Курултай по инженерии, архитектуре и градостроительству тюркского мира. Анкара, 2014. 347 с.

Литвинский Б. А. Калаи Кафирниган (раскопки 1975 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе : Дониш, 1980. Вып. XV. С. 120–146.

Лунина С. Б. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XV. Ашхабад : Ылым, 1974. С. 182–230.

Маньковская Л. Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии. IX–XIII века. Ташкент : Изд-во литературы и искусства, 1983. С. 30–48.

Мухтаров А., Хмельницкий С. Г. Средневековое зодчество Кабадиана // По следам древних культур Таджикистана. Душанбе : Ирфон, 1978. С. 55–87.

Петров П. Н. Хронология правления ханов в Чагатаидском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М. : Восточная литература, 2009. С. 294–319.

Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата : Наука, 1972. 218 с.

Табалдиев К., Акматов К. Мавзолей Кёк-Таш (Көк-Таш) (Результаты археологических раскопок 2017 года) // *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2019. Vol. 8, no. 1/1. С. 595–622.

Табалдыев К. Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек : V. R. S. Company, 2011. 320 с.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин ; Рига : Continent Ltd., 1992. 342 с.

Хмельницкий С. Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Берлин ; Рига : GAMAJUN, 1996. Ч. I. 336 с.

Хмельницкий С. Между Саманидами и Монголами. Архитектура Средней Азии XI — начала XIII вв. Берлин ; Рига : GAMAJUN, 1997. Ч. II. 232 с.

REFERENCES

Abdulloev D. Etapy perekhoda k musul'manskomu pogrebal'nomu obryadu v Srednei Azii [Stages of transition to the muslim funeral rite in Middle Asia]. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [Transactions of the Institute for the history of material culture of the RAS]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2010. No. 5. S. 200–210 (in Russian).

Amanbaeva B., Kol'chenko V., Sataev K. Kyrgyzstan. *Khudozhestvennaya kul'tura Tsentral'noi Azii i Azerbaidzhana IX–XV vv. Tom IV: Arxitekturnya* [The artistic culture of Central Asia and Azerbaijan in the 9th — 15th centuries. Vol. IV: Architecture]. Samarkand-Tashkent: IICAS Publ., 2013. S. 55–91 (in Russian).

Baipakov K. M. *Islamskaya arkheologicheskaya arkhitektura i arkheologiya Kazakhstana* [Islamic archaeological architecture and archaeology of Kazakhstan]. Almaty-Samarkand: IICAS Publ., 2012. 284 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Goryacheva V. D. Semirech'e. *Srednyaya Aziya i Dal'nii Vostok v epokhu srednevekov'ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e* [Central Asia and the Far East in the early Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1999. S. 151–162 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Arkhitekturnye pamyatniki Kirgizii* [Architectural monuments of Kyrgyzstan]. Moscow-Leningrad: AS USSR Publ., 1950. 146 s. (in Russian).

Borodina I. F. Osobennosti formirovaniya memorial'nykh sooruzhenii Srednei Azii X–XV vv. [Particularities of formation of the memorial structures of Central Asia in the X–XV cc.] *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. 1974. No. 22. S. 117–127 (in Russian).

Erzakovich L. B., Nurmukhanbetov B., Ordabaev A. Podzemnoe pogrebal'noe sooruzhenie v Turkestane [Underground burial structure in Turkestan]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Otrare* [Archaeological researches in Otrar]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1977. S. 59–72 (in Russian).

Goryacheva V. D. *Srednevekovye gorodskie tsentry i arkhitekturnye ansambli Kirgizii (Burana, Uzgen, Safid-Bulan)* [Medieval city centers and architectural ensembles of Kyrgyzstan (Burana, Uzgen, Safid-Bulan)]. Frunze: Ilim Publ., 1983. 197 s. (in Russian).

Goryacheva V. D. Nausy nekropolya Krasnorechenskogo gorodishcha [Naves of the necropolis in the Krasnaya Rechka site]. *Krasnaya Rechka i Burana* [Krasnaya Rechka and Burana]. Frunze: Ilim Publ., 1989. S. 85–95 (in Russian).

Davidovich E. A. *Denezhnoe khozyaistvo Srednei Azii posle mongol'skogo zavoevaniya i reforma Mas'ud-beka (XIII v.)* [Monetary economy of Central Asia after the Mongol conquest and the reform of Mas'ud-bek (XIII c.)]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 174 p. +tabl.

Imankulov Zh., Konkobaev K. *Arkhitektura Turkestana epokhi Karakhanidov (istoriko-teoreticheskoe issledovanie)* [Architecture of Turkestan in the Karakhanids epoch (Historical-theoretical researches)]. Ankara: Union of Turkish World Architects and Engineers, 2014. 347 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdue Arabami i Tyurkami. Ranneislamskaya arkhitektura Srednei Azii* [Between Arabs and Turks. Early Islamic architecture of Central Asia]. Berlin-Riga: "Continent Ltd." Publ., 1992. 342 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdue Samanidami i Mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI — nachala XIII vv. Chast' I* [Between Samanids and Mongols. Architecture of Central Asia in the XI — beginnings of the XIII cc. Part I]. Berlin-Riga: "GAMAJUN" Publ., 1996. 336 s. (in Russian).

Khmel'nitskii S. *Mezhdue Samanidami i Mongolami. Arkhitektura Srednei Azii XI — nachala XIII vv. Chast' II* [Between Samanids and Mongols. Architecture of Central Asia in the XI — beginnings of the XIII cc. Part II]. Berlin-Riga: "GAMAJUN" Publ., 1997. 232 s. (in Russian).

Litvinskii B. A. Kalai Kafirnigan (raskopki 1975 g.) [Kalai Kafirnigan (excavations of the 1975)]. *Arkheologicheskie raboty v Tadjikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. Dushanbe: "Donish" Publ., 1980. Iss. XV. S. 120–146 (in Russian).

Lunina S. B. Istoricheskaya topografiya zapadnoi chasti rabada srednevekovogo Merva [Historical topography of the western part of rabad of the medieval Merv]. *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoi arkheologicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Transactions of the Southern-Turkmenistan archaeological complex expedition]. Ashkhabad: "Ylym" Publ., 1974. Vol. XV. S. 182–230 (in Russian).

Man'kovskaya L. Yu. Memorial'noe zodchestvo Srednei Azii [Memorial architecture of Central Asia]. *Khudozhestvennaya kul'tura Srednei Azii. IX–XIII veka* [The artistic culture of Central Asia. IX–XIIIth centuries]. Tashkent: Literature and Art Publ., 1983. S. 30–48 (in Russian).

Mukhtarov A., Khmel'nitskii S. G. Srednevekovoe zodchestvo Kabadiana [Medieval architecture of Kabadian]. *Po sledam drevnikh kul'tur Tadjikistana* [In the footsteps of the ancient cultures of Tajikistan]. Dushanbe: "Irfon" Publ., 1978. S. 55–87 (in Russian).

Petrov P. N. Khronologiya pravleniya khanov v Chagataidskom gosudarstve v 1271–1368 gg. (po materialam numizmaticheskikh pamyatnikov) [Chronology of the Khan's rule in the Chagataid state in the 1271–1368 (A case study of the numismatic materials)]. *Tyurkologicheskii Sbornik 2007–2008: istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii i sopredel'nykh stran* [Turcological collection of the 2007–2008: history and culture of people of Russia and bordering countries]. Moscow: Vostochnaya Literature Publ., 2009. S. 294–319 (in Russian).

Senigova T. N. *Srednevekovyi Taraz* [Medieval Taraz]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1972. 218 p.

Tabaldiev K., Akmatov K. Mavzolei Kyok-Tash (Kök-Taş) (Rezultaty arkheologicheskikh raskopok 2017 goda) [Mausoleum Kyok-Tash (Results of the 2017 archaeological excavations)]. *Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi* [Manas Journal of Social Researches]. 2019. Vol. 8, no. 1/1. S. 595–622.

Tabaldyev K. Sh. *Drevnie pamyatniki Tyan' — Shanya* [Ancient monuments of Tien Shan]. Bishkek: V. R. S. Company Publ., 2011. 320 s. (in Russian).

Voronina V. Drevnyaya stroitel'naya tekhnika Srednei Azii [Ancient construction technology of Central Asia]. *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural Heritage]. 1953. No. 3. S. 3–35 (in Russian).

Цитирование статьи:

Табалдиев К. Ш., Акматов К. Т., Ашык А., Белек К. Результаты археологических раскопок на мавзолее Кёк-Таш в полевом сезоне 2017–2018 гг. в Кыргызстане // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 48–69.

Citation:

Tabaldyev K. Sh., Akmatov K. T., Ashyk A., Belek K. Results of the archaeological excavations at the Kyok-Tash mausoleum in the 2017–2018 field season in Kyrgyzstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 48–69.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2019)4-05

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ МОНГОЛИИ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Подстрочные сноски в каждой статье должны иметь отдельную нумерацию!

Статья посвящена истории изучения «рядовых» тюркских оградок на территории Монголии. Осуществлен анализ результатов, полученных в ходе полевых работ в различных частях страны, а также представлены выводы, связанные с интерпретацией накопленных материалов. Установлено, что несмотря на длительную историю исследования данного региона, информационный потенциал тюркских оградок реализован весьма фрагментарно. Основной причиной является то, что в большинстве случаев изучение таких памятников, особенно на первом этапе исследований (вторая половина XIX в. — 1980-е гг.), ограничивалось фиксацией внешних признаков комплекса — характеристикой изображений на каменных изваяниях, описанием видимых конструкций, определением количества установленных балбалов, уточнением размеров сооружений. Отличительной чертой современного этапа в исследовании «поминальных» комплексов тюрок Монголии является повышение интенсивности полевых изысканий, связанных, главным образом, с работами экспедиций с участием зарубежных ученых. В масштабах страны полученные материалы остаются весьма фрагментарными. Вместе с тем, впервые появилась возможность для характеристики «рядовых» оградок как отдельной группы памятников раннесредневековых кочевников. Продолжение целенаправленных экспедиционных работ и оперативная публикация новых результатов, введение в научный оборот материалов раскопок прошлых лет, а также комплексный анализ имеющихся данных с использованием методов естественных наук позволят на качественно новом уровне рассматривать многие аспекты истории тюрок Монголии.

Ключевые слова: тюрки, Монголия, оградки, раннее средневековье, история изучения, археологический комплекс, интерпретация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19–59–44013.

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russia

TURKIC ENCLOSURES OF MONGOLIA: MAIN STAGES OF STUDYING AND INTERPRETATION

The article concerns the history of the study of “common” Turkic enclosures in the territory of Mongolia. The analysis of the results obtained during the field work in various parts of the country is carried out, as well as the conclusions related to the interpretation of the materials are presented. It has been established that despite the long history of research in this region, the information potential of the Turkic enclosures has been realized very fragmentarily. The main reason is that in most cases the study of such sites, especially at the first stage of research (the second half of the 19th century — the 1980s) was limited to fixing the external features of the complex — characterizing images on stone sculptures, describing visible structures, determining the number of balbals, clarification of the size of the structure. A distinctive feature of the current stage in the study of the Turkic “memorial” complexes in Mongolia is an increase in the intensity of field surveys, mainly related to the work of expeditions with the participation of foreign scientists. Across the country, the materials received remain very fragmented. At the same time, for the first time the opportunity arose to characterize “common” enclosures as a special group of sites of early medieval nomads. The continuation of targeted expeditionary work and the rapid publication of new results, the introduction into the scientific circulation of excavation materials from previous years, as well as a comprehensive analysis of the available data using the methods of natural sciences, will allow us to consider many aspects of the history of the Turks of Mongolia at a qualitatively new level.

Key words: Turks, Mongolia, fences, early Middle Ages, history of study, archaeological complex, interpretation.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; Барнаул (Россия).
Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru

Наиболее многочисленной группой археологических памятников тюрков Центральной Азии являются «поминальные» комплексы, представленные оградками с изваяниями, балбалами и другими сооружениями (стелами, жертвенниками, пристройками и др.). Значительный массив таких объектов сконцентрирован на территории Монголии. Несмотря на длительную историю исследования данного региона, информационный потенциал тюркских оградок реализован весьма фрагментарно. Основной причиной является то, что в большинстве случаев изучение таких памятников ограничивалось фиксацией внешних признаков комплекса — харак-

теристикой изображений на каменных изваяниях, описанием видимых конструкций, определением количества установленных балбалов, уточнением размеров сооружений. Показательным примером являются работы монгольских специалистов, весьма важные для понимания особенностей распространения комплексов и специфики ранне-средневековых «поминальных» объектов Монголии [Баяр, 1997; Бямбадорж, Амартувшин, 1998; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999; Бямбадорж, 1999; Төрбат и др., 2009]. При этом очевидно, что при таком подходе может быть получена только небольшая часть возможных сведений о данной группе памятников. Тем важнее данные, полученные в результате пока еще немногочисленных раскопок тюркских оградок на территории Монголии. В настоящей статье обобщена история проведения полноценных исследований на таких комплексах, а также охарактеризован сформированный опыт интерпретации полученных материалов.

Начальный этап изучения тюркских оградок в Монголии. Как известно, именно с получением сведений о «поминальных» комплексах Монголии связаны первые шаги в исследовании раннесредневековой археологии Центральной Азии. Тюркские изваяния, зачастую обозначаемые в то время по аналогии с более известными объектами восточно-европейских степей как «каменные бабы», всегда привлекали внимание путешественников и ученых. Разноплановая информация о таких комплексах относится к первой половине XVIII в., когда каменные оградки, изваяния и балбалы были обнаружены и зафиксированы в различных частях Монголии [Войтов, 1996: 12]. Значительный массив «поминальных» памятников был описан во второй половине XIX — начале XX в. в ходе работ Н. М. Ядринцева [1982, 1983, 1985], Г. Н. Потанина [1881], В. В. Радлова [1892, 1893, 1896], Й. Г. Гранё [Gräno, 1910a — б] и др. Вместе с тем, согласно имеющимся сведениям, раскопки «рядовых» тюркских оградок в данный период не проводились. В этом плане довольно показательны исследования, осуществленные Б. Я. Владимирцовым в Центральной Монголии. В местности Баин даване ученый раскопал небольшой «элитный» мемориальный комплекс со рвом прямоугольной формы, каменным ящиком из орнаментированных плит в центре, изваянием, изображавшим сидящего человека, и рядом балбалов [Владимирцов, 1927: 38–41]. Подобные же работы были проведены им на мемориале в честь Тоньюкука. При этом к северу от известного комплекса Б. Я. Владимирцов [1927: 42] выявил две «рядовые» оградки, отличавшиеся меньшими размерами и простотой конструкций. Очевидно, обозначенные характеристики объектов стали причиной для того, чтобы не проводить на них раскопки.

Важным этапом в истории археологических исследований в Монголии стали 1920-е гг. Начало систематических работ в рассматриваемом регионе связано с деятельностью экспедиций, организованных Академией наук СССР совместно с монгольскими исследователями. Определенное значение имело создание в 1921 г. Ученого комитета МНР. В его составе был исторический кабинет, в круг обязанностей сотрудников которого входили поиск и регистрация памятников [Цэвээндорж и др., 2008: 17–18]. Именно в это время были проведены широкомасштабные исследования, позволившие сформировать огромный по значению материал по различным периодам древней и средневековой истории Монголии. Полученные результаты стали одной из побудительных причин создания Монгольской комиссии Академии наук СССР, более 25 лет

координировавшей работы советских ученых в Монголии [Юсупова, 2006: 31; 2010: 27]. Между тем активизация полевых работ в Монголии не стала определяющим фактором для организации целенаправленных исследований, включающих раскопки тюркских оградок. По-прежнему изучение таких объектов ограничивалось визуальной фиксацией наземных конструкций. Позитивным фактором стало накопление материалов, которые могли быть сопоставлены с более представительными результатами изысканий раннесредневековых комплексов на территории Алтае-Саянского региона [Евтюхова, 1952: 96–102].

В 1960-е гг. заметные результаты получены в ходе работ монголо-венгерской экспедиции, проводившихся главным образом в Центральной Монголии. Основным отличием этих исследований стало то, что впервые раскопки комплексов тюркского периода являлись главной задачей полевых исследований. По мнению венгерского археолога И. Эрдели, изучение раннесредневековых памятников Монголии могло способствовать решению дискуссионной проблемы азиатского происхождения авар. Накопление новых сведений об объектах тюркского времени должно было дать основу для сравнения с материалами Венгрии [Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D., 1967: 347; Erdelyi I., 2000: 14–15]. В отчетах о проведенных исследованиях имеется информация о трех раскопанных «рядовых» оградках в местности Нудэн (Центральный аймак)¹.

Получение значительного объема новых сведений о памятниках тюрков связано с началом работ совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН Монголии (СМИКЭ). В период с 1969 по 1989 г. было выявлено и раскопано огромное количество объектов различных хронологических периодов [Окладников, Волков, 1972; Цэвээндорж и др., 2008: 21–23]. Важным результатом стали раскопки нескольких тюркских оградок.

В 1979–1982 гг. представительная серия раннесредневековых «поминальных» комплексов раннего Средневековья обследована Ю. С. Худяковым [1985: 169–177] в Центральной Монголии. Наряду с разведочными работами археолог раскопал две оградки на памятнике Дуганы хутол (объекты № 1–2). Исследованные сооружения представляли собой подквадратные конструкции из плит с двумя ямками во внутреннем пространстве, одна из которых (более глубокая), очевидно, была сооружена для установки центрального столба [Худяков, 1985: 169–170, рис. 1–2]. Кроме того, Ю. С. Худяковым [1985: 174–176, рис. 11–12] был частично изучен небольшой «элитный» мемориальный комплекс Дадга Хушот со рвом, валом, саркофагами и реалистичными изваяниями. Материалы проведенных исследований с учетом накопленного ранее опыта позволили археологу представить опыт классификации «рядовых» тюркских оградок Монголии [Худяков, 1985: 181–184].

Четыре тюркские оградки были раскопаны в 1987 г. ходе совместных изысканий монгольского археолога Т. Санжмятава и В. В. Волкова в Монгольском Алтае в рамках работы отряда СМИКЭ по изучению истории и культуры бронзового и раннего железного века. К сожалению, материалы этих исследований, проведенных в местности Ба-

¹ Выражаем благодарность доценту Уланбаатарского университета к. и. н. Т.-О. Идэрхангаю за информацию о неопубликованных результатах исследований тюркских оградок на территории Монголии.

янзурх (долина р. Бодонч) и в пади Баян-салаа около р. Улиастай, остались не опубликованными и представлены только в отчетной документации.

Таким образом, к концу 1980-х гг. на территории Монголии было выявлено значительное количество тюркских «поминальных» комплексов, демонстрировавших существование яркой общности кочевников в раннем Средневековье. Вместе с тем, фрагментарность работ, проведенных на «рядовых» оградках, не позволяла осуществлять полноценную интерпретацию этих объектов. Показательной иллюстрацией стали обобщающие исследования Н. Сэр-Оджава [1970; 1977], который не рассматривал погребальные и «поминальные» комплексы тюрок как основной источник для исследования истории и культуры тюрок, отдавая приоритет письменным материалам.

Современный период в исследовании тюркских оградок Монголии. Изменение политической ситуации в Монголии в начале 1990-х гг. серьезным образом отразилось на проводимых полевых исследованиях. С этого времени в стране работают многочисленные экспедиции ученых из Бельгии, Великобритании, Германии, Италии, Казахстана, Кореи, США, Турции, Франции, Японии и др. Эти исследования, осуществляемые на высоком уровне и с применением современных методик, не только позволили получить и ввести в научный оборот значительный объем материалов, но также послужили важным стимулом для развития археологической науки в Монголии в целом. Результатом работ совместных экспедиций монгольских ученых и зарубежных специалистов стали исследованные памятники различных хронологических периодов, в том числе серия «поминальных» комплексов раннесредневековых тюрок.

В 1990–2000-х гг. на рассматриваемой территории продолжались исследования российских археологов, традиционно осуществлявших активные изыскания в Монголии. Большой объем работ в западной части страны осуществлен экспедициями В. Д. и Г. В. Кубаревых. В ходе этих исследований выявлены и зафиксированы «поминальные» объекты тюрок, локализованные на ряде памятников [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1998; Кубарев, Цэвээндорж, 1999; Кубарев В. Д., Кубарев Г. В., 2004]. В 2007 г. в результате исследований российско-монголо-корейской экспедиции в местности Хар-Ямаатын-гол (Баян-Улгийский аймак) были получены показательные материалы, позволившие пополнить серию весьма немногочисленных раскопанных оградок тюрок в Западной Монголии. Основными элементами изученного сооружения являлись подквадратная оградка из плит, изваяние у юго-восточной стенки, два ряда балбалов, ров и вал, а также вертикально вкопанные деревянные столбики по периметру оградки. В центре объекта под перекрытием из плит зафиксировано мощное зольное пятно. У восточной стенки оградки обнаружено железное кайло на длинной деревянной рукояти [Кубарев и др., 2007; Кубарев, Гилсу, Цэвээндорж, 2008; Цэвэндорж и др., 2008; Kubarev, Gilsu, Tseveendorzh, 2009]. На основе результатов осуществленного перекрестного радиоуглеродного и дендрохронологического анализа образцов лиственных стволов из мемориального комплекса время его создания определено в рамках середины VII в. н.э. [Кубарев, 2015: 147–148].

Многолетние археологические исследования на территории Западной Монголии осуществлялись экспедицией Томского государственного университета под руководством Ю. И. Ожередова. Основной задачей работ, реализуемых с конца 1990-х и до на-

чала 2010-х гг., стало выявление и картографирование памятников различных хронологических периодов в Ховдском аймаке. В ходе таких исследований Ю. И. Ожередовым обнаружен ряд ритуальных комплексов, по совокупности визуально фиксируемых элементов конструкций, связываемых с тюрками раннего Средневековья. Некоторые итоги работ, включающие подробное описание места расположения, рисунки и фотографии, а также авторское видение возможностей культурно-хронологической интерпретации объектов, представлены в ряде публикаций [Ожередов, 2003; 2005; 2007; 2010; 2012]. Одним из результатов исследований монголо-российской экспедиции стали раскопки тюркской оградки в местности Индэртийн ам (Ховдский аймак), изученной Ю. И. Ожередовым и Ч. Мунхбаяром в 2007 г. [Мунхбаяр, 2010: 109].

Начиная с 2007 г. системные исследования «поминальных» объектов тюрков на территории Западной Монголии и, в меньшей степени, в центральной части страны проводятся Буянтской археологической экспедицией, организованной университетами России (Алтайский государственный университет) и Монголии (Ховдский государственный университет, университет г. Улаанбаатар).

Одним из первых результатов работ участников Буянтской экспедиции стали исследованные ритуальные сооружения раннего Средневековья на памятнике Улаан худаг-I. Раскопанные объекты представляли собой подквадратные каменные оградки, у двух из которых находились изваяния, а еще у двух — стелы-столбы. При этом значительная степень разрушенности всех семи сооружений позволила предположить, что дополнительные объекты в виде изваяний или стел присутствовали во всех случаях [Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007].

В следующем 2008 г. изучение тюркских ритуальных комплексов Западной Монголии было продолжено. Работы осуществлялись на выявленных ранее памятниках Бугатын узуур-I и II, расположенных на левом берегу реки Буянт. На первом из обозначенных комплексов раскопаны четыре подквадратные оградки, расположенные по линии юг — север, а на втором — один подобный объект, к северо-востоку от которого находились пять смежных кольцевых выкладок [Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008]. Наряду с раскопками участниками экспедиции были продолжены работы по выявлению и фиксации разновременных погребально-поминальных комплексов в долине реки Буянт. Часть обнаруженных комплексов по совокупности внешних характеристик отнесена к раннему Средневековью [Тишкин, Нямдорж, Серегин, Мунхбаяр, 2008: 67–73].

Продолжением полевых исследований стали работы совместной российско-монгольской экспедиции в урочище Баян булаг. В этой местности ранее был выявлен и зафиксирован ряд объектов, связанных с ритуальной практикой раннесредневековых тюрков. В 2009 г. четыре рядом стоящие подквадратные оградки, ориентированные по линии север — юг, раскопаны на памятнике Баян булаг-II. У восточной стенки каждого из объектов зафиксировано каменное изваяние. Кроме того, в центральной ямке оградки № 2 найден фрагмент железного изделия, а также четыре золотых пластины с отверстиями и железное кольцо [Тишкин, Горбунов, Серегин, 2017].

Раскопки на расположенном неподалеку тюркском ритуальном комплексе Баян булаг-I были проведены участниками Буянтской экспедиции в 2010 г. В результате установлено, что изученный объект, разрушенный к моменту проведения работ, представ-

лял собой одиночную подпрямоугольную оградку с изваянием, установленным с восточной стороны. Очевидно, с оформлением скульптуры было связано сооружение выкладки округлой формы. Одной из конструктивных характеристик комплекса является яма в центре оградки, в которой зафиксированы остатки деревянного столба. В ходе раскопок обнаружен фрагмент стенки керамического сосуда без орнамента, а также характерный железный нож [Тишкин, Горбунов, Серегин, 2016; Тишкин, Горбунов, Серегин, Мунхбаяр, 2018].

Дальнейшее расширение источниковой базы для исследования особенностей ритуальной практики раннесредневековых тюрок Монголии было связано с работами Буянтской экспедиции на комплексе Хар узур-1, осуществленными в 2012 г. На этом памятнике раскопаны пять подквадратных оградок, сооруженных на небольшом расстоянии друг от друга по линии север — юг. При исследовании каждого из сооружений у восточной стенки зафиксировано изваяние или балбал [Мунхбаяр и др., 2013; Тишкин А. А. и др., 2013: 160, рис. 6]. В следующем году две одиночные тюркские оградки, в центре каждой из которых находилась каменная стела, изучены на памятнике Харганат-2, расположенном в известном урочище Хар-Хад [Горбунов и др., 2015: 71–77]. Еще два подобных объекта раскопаны в местности Бийрег в 2014 г. [Горбуно и др., 2015: 77–84]. Редким элементом ритуальной практики, зафиксированным в ходе исследований, является руническая надпись, нанесенная на одной из плит. Результаты анализа данной находки представлены в нескольких публикациях [Тишин, Серегин, 2016; 2017].

Раскопки одиночных тюркских оградок осуществлялись и в последующие годы. В 2015 г. участниками Буянтской экспедиции исследован один такой объект на памятнике Годон-Гол-IV в Баян-Ульгийском аймаке. Комплекс представлял собой подквадратное сооружение из плит с небольшим ящичком и остатками деревянного столба в центре [Тишкин и др., 2016]. Еще одним пунктом в Байн-Ульгийском аймаке, на котором была раскопана одиночная тюркская оградка, стал памятник Хурээ зуслан-1. Особенностью исследованного объекта являются два миниатюрных ящичка, пристроенные к западной стенке сооружения [Идэрхангай и др., 2019, рис. 5].

Наряду с изучением «поминальных» объектов Западной Монголии участниками Буянтской экспедиции проводились более фрагментарные исследования таких памятников в центральной части страны. В 2014 г. проведены раскопки одной из четырех оградок комплекса Хушуун дэнж-04 (Архангайский аймак), устроенных в ряд по линии север — юг. Исследованный объект представлял собой четырехугольное сооружение, для возведения стенок которого использованы плиты, а также «оленные» камни. В центре оградки выявлена крупная яма, перекрытая плитами [Тишкин, Горбунов, Идэрхангай, Серегин, 2015; Идэрхангай и др., 2016].

Серия «рядовых» тюркских оградок раскопана участником Буянтской экспедиции Т.-О. Идэрхангаем в рамках самостоятельных полевых исследований. Две группы сооружений изучены им в 2012 г. на памятнике Дунд Оорцог в Архангайском аймаке. Объекты первой группы отличались округлой формой, характерной, как известно, для ранних оградок тюрок. Две оградки, локализованные в рамках второй группы, имели традиционную подквадратную конструкцию из плит. Зафиксированные находки, а также имеющиеся аналогии позволили сделать ряд заключений о времени сооружения объ-

ектов [Идэрхангай и др., 2012; Идэрхангай, 2014а]. Еще один комплекс, включавший четыре тюркских оградки, был раскопан экспедицией под руководством Т.-О. Идэрхангая у подножия горы Харуулын гозгор (Булганский аймак) в рамках проведения спасательных археологических работ в зоне предполагаемого строительства гидроэлектростанции на реке Эгийн гол.

Важные материалы получены в ходе раскопок монголо-французской экспедиции под руководством Ц. Турбата на комплексе Бургастын гол в Баян-Ульгийском аймаке. В результате исследований одной из четырех оградок обнаружено пластинчатое стреляющее оружие, позволяющее отнести данные объекты к начальным этапам в развитии археологической культуры тюрков. К сожалению, материалы исследований были опубликованы лишь частично [Төрбат и др., 2016, рис. 3].¹

Следует признать, что раскопки тюркских «рядовых» оградок крайне редко являлись основной целью работ зарубежных экспедиций на территории Монголии. Акцент на изучение памятников других типов и хронологических периодов определил меньшее внимание к публикации результатов изучения раннесредневековых объектов. Примером такой ситуации являются исследования монголо-американской экспедиции под руководством Ж. Баярсайхана и В. Фицью, проведенные в Цэнгэл сомоне Баян-Ульгийского аймака в 2011–2012 г. Одним из итогов работ стали раскопки пяти тюркских оградок на комплексах Билуут-I, II, III и V. Зафиксированы как одиночные, так и рядом стоящие сооружения. Выявлены такие характерные элементы конструкций, как изваяние и стела в центре. В ходе раскопок оградки на комплексе Билуут-V обнаружены фрагменты керамики и железные наконечники стрел. Материалы раскопок опубликованы лишь частично [Fitzhugh, Kortum, 2012: 41–43; Fitzhugh, Kortum, Bayarsaikhan, 2013: 102–104, 108–110, 121, 218].

Еще меньшее внимание к публикации результатов исследований характерно для охранных полевых работ, связанных с раскопками в зонах строительства крупных хозяйственных объектов. Так, имеется информация о серии исследованных тюркских оградок в различных частях Монголии, однако полученные материалы по-прежнему не введены в научный оборот.

Отсутствие целенаправленных работ, посвященных интерпретации «рядовых» оградок раннесредневековых тюрков Монголии, отчасти было восполнено исследованиями Т.-О. Идэрхангая. В серии его статей и кандидатской диссертации представлен опыт систематизации и анализа таких объектов, расположенных в западной части страны, а также обобщена история их изучения [Идэрхангай, 2014а — б; 2017].

Таким образом, показательной чертой современного этапа в изучении «поминальных» комплексов тюрков Монголии является повышение интенсивности полевых исследований, связанных, главным образом, с работами экспедиций с участием зарубежных ученых. В масштабах страны полученные материалы остаются весьма фрагментарными. Вместе с тем впервые появилась возможность для характеристики «рядовых» оградок как отдельной группы памятников раннесредневековых кочевников. Продолжение

¹ Выражаем благодарность начальнику Отдела бронзового и раннего железного века Института истории и археологии АН Монголии кандидату исторических наук Ц. Турбату за возможность ознакомления с материалами раскопок.

целенаправленных экспедиционных работ и оперативная публикация новых результатов, введение в научный оборот материалов раскопок прошлых лет, а также комплексный анализ имеющихся данных с использованием методов естественных наук позволят на качественно новом уровне рассматривать многие аспекты истории тюрков Монголии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь Түрэгийн хүн чулуу. Улаанбаатар, 1997. 148 т.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуун хушуу. Улаанбаатар, 1999. 166 т.
- Бямбадорж Т. Увс аймгийн нутаг дахь түүх соёлын дурсгалууд. Улаанбаатар, 1999. 156 т.
- Бямбадорж Т., Амартувшин Ч. Увс аймгийн нутаг дахь түрэгийн уеийн зарим хун чулууд // *Studia Archaeologica*. 1998. Tomus XVIII. Fasc. 10. Т. 179–187.
- Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. С. 1–42.
- Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМБ, 1996. 152 с.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 1. С. 70–86.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Богатын-узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 92–102.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 3. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 62–68.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120 (МИА № 24).
- Идэрхангай Т. — О. Результаты раскопок тюркских оградок в местности Дунд Оорцог (Центральная Монголия) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014а. № 4/2 (84). С. 121–127.
- Идэрхангай Т.-О. Тюркские оградки Баян-Ульгийского аймака (Западная Монголия): общая характеристика // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014б. № 4/1 (84). С. 106–109.
- Идэрхангай Т.-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
- Идэрхангай Т., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Мунхбаяр Ч., Серегин Н. Н. Архангай аймгийн Батцэнгэл сумын Хошоон дэнжид явуулсан Түрэгийн уеийн тахилын байгууламжийн малтлага судагааны ур дунгээс // Археологи, Туух, Хумуунлэгийн ухааны сэтгүүл. 2016. № 12. Т. 35–50.
- Идэрхангай Т., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Өнөрбаяр Б., Цэнд Д., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шин-

жилгээ-2» хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Алтай сумын нутагт ажилласан малтлага судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи — 2018: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар : Бемби сан, 2019. Т. 231–236.

Идэрхангай Т., Эрдэнэбаатар Д., Эрдэнэ Ж., Батхуу Г. Дунд Оорцогийн эртний түрэгийн (МЭ VI–VIII) тахилын онгоны малтлага судалгааны үр дүнгээс // Journal of Archaeology, History and Culture. 2012. Volume 8. Т. 86–95.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и у оз. Даян (Монгольский Алтай) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. С. 169–173.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 258–265.

Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 136–150.

Кубарев Г. В., Гилсу Со, Цэвээндорж Д. Исследование древнетюркских памятников Монгольского Алтая // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2008. С. 108–112.

Кубарев Г. В., Кубарев В. Д. О древнетюркских поминальных оградках в устье Хар-Салаа (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2004. С. 301–305.

Кубарев Г. В., Со Гилсу, Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Канн Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-Гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 298–303.

Мунхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутаг дахь Турэгийн тахилын байгууламжийн турэл, ангилал // Нуудэлчдийн ув судлал. 2010. Том X. Fasc. 8. Т. 108–127.

Мунхбаяр Б. Ч., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Эрдэнэбаатар Д., Серегин Н. Н., Сарантугалаг Д., Идэрхангай Т. — О. Раскопки на памятнике Хар узуур-I // Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2013. № 6 (18). С. 89–114.

Ожередов Ю. И. Комбинированное изваянии с р. Цалуу в Западной Монголии // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 144–152.

Ожередов Ю. И. Тюркское изваяние воина на Шивэрийн гол в Западной Монголии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2005. С. 39–41.

Ожередов Ю. И. Поминальный комплекс ранних тюрок в сомоне Умнэ-говь Убсунурского аймака Западной Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 135–138.

Ожередов Ю. И. Древнетюркские изваяния в Завхане (к своду археологических памятников Западной Монголии) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2010. С. 257–264.

Ожередов Ю. И. Антропоморфные каменные изваяния у горы Хотын-Хойт-Улан (к археологической карте Ховдского аймака) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 211–214.

Окладников А. П., Волков В. В. Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция // Вестник АН СССР. 1972. №9. С. 70–80.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества) : в 3 вып. СПб., 1881. Вып. II. 280 с.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии : в 3 вып. СПб., 1892, 1893, 1896 гг.

Сэр-Оджав Н. Эртний Турэгүүд (VI–VIII зуун). Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970. 115 т.

Сэр-Оджав Н. Монголын эртний туух (Археологийн найруулал). Улунбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1977. 178 с.

Тишин В. В., Серегин Н. Н. Древнетюркская руническая надпись из ритуального комплекса Бийрэг (Западная Монголия) // Эпиграфика Востока. М. : ИВ РАН, 2016. Вып. XXXII. С. 228–238.

Тишин В. В., Серегин Н. Н. К вопросу о методике прочтения редких знаков некоторых рунических надписей Центральной Азии (по материалам комплекса Бийрэг в Монгольском Алтае) // Вестник СПбГУ. Серия: Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 2. С. 183–195.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н. Н. Исследования тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2015. № 3/2 (87). С. 229–238.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н. Тюркские оградки археологического памятника Баян Булаг-II в Монгольском Алтае: результаты исследований и комплексного анализа // Вестник Томского государственного университета. № 424. 2017. С. 136–144.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Мунхбаяр Ч. Результаты исследований тюркского комплекса Баян булаг-I (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 2. С. 184–195.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч. Б. Результаты археологических исследований на территории Монгольского Алтая в 2015 году // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. Т. 2. С. 100–106.

Тишкин А. А., Грушин С. П., Горбунов В. В., Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч. Б., Идэрхангай Т. О., Фрибус А. В., Эрдэнэбаатар Д. Результаты полевых исследований в Ховдском аймаке Монголии летом 2012 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. 2013. С. 157–169.

Тишкин А. А., Нямдорж Б., Серегин Н. Н., Мунхбаяр Ч. Плановые археологические обследования в долине Буянты (Западная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 67–73.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернад В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи — 2015. Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176.

Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхуу Н., Идэрхангай Т.-О, Жискара П. К. Алтайн археологийн дурсгалууд-I (БаянӨлгий аймаг). Улаанбаатар, 2009. 424 г.

Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. Новосибирск : Наука, 1985. С. 168–184.

Цэвэндорж Д., Кубарев В. Д., Лхундэв Г., Кубарев Г. В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. 239 с.

Юсупова Т. И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925–1953). СПб. : Нестор — История, 2006. 280 с.

Юсупова Т. И. Случайности и закономерности археологических открытий: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова и раскопки Ноин-Улы // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 26–67.

Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершины Катуня // Записки ЗСОИРГО. Омск: Типография окружного штаба, 1882. Кн. IV. С. 1–46.

Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей // ТИМАО. М., 1883. Т. 9. Вып. II и III. С. 181–205.

Ядринцев Н. М. Древние памятники и письмена в Сибири. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1885. 21 с.

Fitzhugh W., Kortum R. Rock Art and Archeology: Investigating Ritual Landscape in the Mongolian Altai // Field Report 2012. Washington, 2012. P. 41–43.

Fitzhugh W., Kortum R., Bayarsaikhan J. Rock art and Archeology: Investigating Ritual Landscape in the Mongolian Altai // Field Report 2012. Washington, 2013. P. 102–104.

Erdelyi I. Archaeological expeditions in Mongolia. Budapest: Mundus Hungarian University Press, 2000. 262 p.

Erdelyi I., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 335–370.

Gräno J. G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909 // Journal dela Societe Finno-Ougrienne. XXVIII. Helsinki, 1910a. 59 s.

Gräno J. G. Nordwestmongolei. Formen der Altertümer. Helsingfors, 1910b. 56 s.

Kubarev G. V., Gilsu So, Tseveendorzh D. Research on Ancient Turkic Monuments in the Valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 427–436.

REFERENCES

Baiar D. *Mongolyn төв nutag dakh' Tyregiin khын chuluu* [Turkic stone sculptures in Central Mongolia]. Ulaanbaatar, 1997, 148 p. (in Mongolian).

Baiar D., Erdenebaatar D. *Mongol Altain khын chuluun khushuu* [Turkic stone sculptures of the Mongolian Altai]. Ulaanbaatar, 1999, 166 p. (in Mongolian).

Biambadorzh T. *Uvs aimgiin nutag dakh' түүхх соелын дурсгалууд* [Historical and cultural sites in Uvs aimag]. Ulaanbaatar, 1999, 156 p. (in Mongolian).

Biambadorzh T., Amartuvshin Ch. *Uvs aimgiin nutag dakh'» turegiin ueiin zarim khun chuluud* [Turkic sculptures in Uvs aimak]. *Studia Archaeologica*. 1998, T. XVIII, no. 10. S. 179–187 (in Mongolian).

Evtiukhova L. A. *Kamennye izvaianiia Iuzhnoi Sibiri i Mongolii* [Stone statues of southern Siberia and Mongolia]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 72–120 (in Russian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Erdenebaatar D. *Tiurkskie ogradki v Zapadnoi Mongolii (po materialam raskopok na pamiatnike Ulan khudag-I)* [Turkic enclosures in Western Mongolia (based on excavations at the Ulan Khudag-I monument)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007, no. 3. S. 62–68 (in Russian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Seregin N. N., Mukhareva A. N., Munkhbaiar Ch. *Prodolzhenie issledovaniia tiurkskikh ogradok na territorii Mongol'skogo Altaia* [Continuation of studies of Turkic fences in the territory of the Mongolian Altai]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. 2015, no. 1. S. 70–86 (in Russian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Shelepova E. V. *Issledovaniia ritual'nykh kompleksov Mongol'skogo Altaia na pamiatnikakh Bogatyn-uzuur-I i II* [Studies of the ritual complexes of the Mongolian Altai at the monuments of Bogatyn-Uzuur-I and II]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008, no. 4. S. 92–102 (in Russian).

Iadrntsev N. M. *Drevnie pamiatniki i pis'mena v Sibiri* [Ancient monuments and writings in Siberia]. SPb.: Tipografiia I. N. Skorokhodova, 1885, 21 s. (in Russian).

Iadrntsev N. M. *Opisanie sibirskikh kurganov i drevnostei* [Description of Siberian mounds and antiquities]. *TIMAO*. M., 1883, Vol. 9, no. II i III. S. 181–205 (in Russian).

Iadrntsev N. M. *Otchet o poezdke v 1880 g. v Gornyi Altai k Teletskomu ozeru i v vershiny Katuni* [Report on a trip in 1880 to Gorny Altai to Teletskoye Lake and to the peaks of Katun]. *Zapiski ZSOIRGO* [Notes of ZSOIRGO]. Omsk: Tipografiia okruzhnogo shtaba, 1882, Vol. IV. S. 1–46 (in Russian).

Iderkhangai T., Erdenebaatar D., Erdene Zh., Batkhuu G. *Dund Oortsogiin ertnii turegiin (ME VI–VIII) takhilyn ongony maltlaga sudalgaany ur dungees* [Research results of Turkic enclosures Dund Oortsog (VI–VIII centuries)]. *Journal of Archaeology, History and Culture*. 2012, no. 8. P. 86–95 (in Mongolian).

Iderkhangai T., Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Munkhbaiar Ch., Seregin N. N. *Arkhangai aimgiin Battsengel sumyn Khoshoon denzhid iavuulsan Tyregiin ueiin takhilyn baiguulamzhiin maltlaga sudagaany ur dungees* [Excavation of the Turkic enclosures Khoshoon denzh,

Battsengel Soum, Arkhangai Province]. *Arkheologi, Tuukh, Khumuunlegiin ukhaany setguul* [Archaeological, Historical and Humanity journal]. 2016, no. 12. P. 35–50 (in Mongolian).

Iderkhangai T., Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N., Önörbaier B., Tsend D., Batchimeg B., Erdenepyrev P. *Mongol-Orosyn khamtarsan “Tөв Азиin аркхеологиin шинzhilgee-2” кхеериin шинzhilgeenii ангиin Баиан-Өлгий аймаг, “Mongolian-Russian archaeological examination-2”*. *Mongolyn arkheologi — 2018: Erdem шинzhilgeenii khurlyn emkhetgel* [Mongolian Archeology-2018: Compilation of Research Agencies]. Ulaanbaatar: Bembi san, 2019. P. 231–236 (in Mongolian).

Iderkhangai T.-O. *Rezul'taty raskopok tiurkskikh ogradok v mestnosti Dund Oortsog (Tsentral'naia Mongoliia)* [Excavation results of Turkic fences in the area of Dund Oortsog (Central Mongolia)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorii. Politologiiia* [News of Altai State University. History. Political science]. 2014a, no. 4/2. S. 121–127 (in Russian).

Iderkhangai T.-O. *Tiurkskie ogradki Baian-Ul'giiskogo aimaka (Zapadnaia Mongoliia): obshchaia kharakteristika* [Turkic enclosures of the Bayan-Ulgiy aimag (Western Mongolia): general description]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorii. Politologiiia* [News of Altai State University. History. Political science]. 2014b, no. 4/1. S. 106–109 (in Russian).

Iderkhangai T.-O. *Tiurkskie ogradki Mongol'skogo Altaia: sistematizatsiia, khronologiia i interpretatsiia: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Turkic enclosures of the Mongolian Altai: systematization, chronology and interpretation. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Barnaul, 2017, 26 s. (in Russian).

Iusupova T.I. *Mongol'skaia komissiiia Akademii nauk. Istoriiia sozdaniia i deiatel'nosti (1925–1953)* [Mongolian Commission of the Academy of Sciences. History of creation and activity (1925–1953)]. SPb.: Nestor — Istoriiia, 2006, 280 s. (in Russian).

Iusupova T.I. *Sluchainosti i zakonomernosti arkheologicheskikh otkrytii: Mongolo-Tibetskaia ekspeditsiia P.K. Kozlova i raskopki Noin-Uly* [Accidents and patterns of archaeological discoveries: Mongol-Tibet expedition P.K. Kozlova and excavations of Noin-Ula]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki* [Questions of the history of science and technology]. 2010, no. 4. S. 26–67 (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Drevnetiurkskie pominal'nye pamiatniki na territorii Mongolii (po materialam SMIKE v 1979–1982 gg.)* [Ancient Turkic commemorative monuments in the territory of Mongolia]. *Drevnie kul'tury Mongolii* [Ancient cultures of Mongolia]. Novosibirsk: Nauka, 1985. S. 168–184 (in Russian)

Kubarev G. V. *Memorial'nyi kompleks drevnetiurkskogo aristokrata iz Khar-Iamaatyn-Gola (Mongol'skii Altai)* [The memorial complex of the ancient Turkic aristocrat from Har-Yamaatyn-Gol (Mongolian Altai)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii, filologiia* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015, Vol. 14, no. 7: Arkheologiia i etnografiia. S. 136–150 (in Russian).

Kubarev G. V., Gilsu So, Tseveendorzh D. *Issledovanie drevnetiurkskikh pamiatnikov Mongol'skogo Altaia* [The study of the ancient Turkic monuments of the Mongolian Altai].

Kul'tura nomadov Tsentral'noi Azii [Central Asian nomad culture]. Samarkand: MITsAI, 2008. S. 108–112 (in Russian).

Kubarev G. V., Kubarev V. D. *O drevnetiurkskikh pominal'nykh ogradkakh v ust'e Khar-Salaa (Mongol'skii Altai)* [About ancient Turkic memorial fences at the mouth of Har-Salaa (Mongolian Altai)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004, no. X. pp. 301–305 (in Russian).

Kubarev G. V., So Gilsu, Kubarev V. D., Tseveendorzh D., Lkhundev G., Baiarkhuu N., Kim Khyi Chkhan, Kann Som, Chzhon Von Chkhol'. *Issledovanie drevnetiurkskikh pamiatnikov v doline reki Khar-Yamaatyn-Gol (Mongol'skii Altai)* [Study of ancient Turkic monuments in the Khar-Yamaatyn-Gol river valley (Mongolian Altai)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2007, no. XIII. S. 298–303 (in Russian).

Kubarev V. D., Tseveendorzh D. *Drevnetiurkskie izvaianiia u g. Shiveet-Khairikhan i u oz. Daian (Mongol'skii Altai)* [Ancient Turkic sculptures near the Shiveet-Khayrihan and at the lake Dayan (Mongolian Altai)]. *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii* [Antiquities of Altai. News of the Archeology Laboratory]. Gorno-Altai: GAGU, 1999, no. 4. S. 169–173 (in Russian).

Kubarev V. D., Tseveendorzh D., Iakobson E. *Predvaritel'nye rezul'taty polevykh rabot v Mongolii* [Preliminary results of field work in Mongolia]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1998, no. IV. S. 258–265 (in Russian).

Munkhbaiar B. Ch., Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Erdenebaatar D., Seregin N. N., Sarantugalag D., Iderkhangai T.-O. *Raskopki na pamiatnike Khar uzuur-I* [Excavations at the Monument Har Usuur-I]. *Erdem shinzhilgeenii bichig* [Research papers]. 2013, no. 6. S. 89–114 (in Russian).

Munkhbaiar Ch. *Khovd aimgiin nutag dakh' Turegiin takhilyn baiguulamzhiin turel, angilal* [Classification of the Turkic enclosures in Khovd aimag]. *Nuudelchdiin uv sudlal* [Nomadic Studies]. 2010, Vol. X, no. 8. S. 108–127.

Okladnikov A. P., Volkov V. V. *Sovetsko-Mongol'skaia istoriko-kul'turnaia ekspeditsiia* [Soviet-Mongolian historical and cultural expedition]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences]. 1972, no. 9. S. 70–80 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. *Antropomorfnye kamennye izvaianiia u gory Khotyn-Khoit-Ulan (k arkheologicheskoi karte Khovdskogo aimaka)* [Anthropomorphic stone sculptures near Mount Hotyn-Khoit-Ulan (to the archaeological map of Khovd aimag)]. *Istoriia i kul'tura srednevekovykh narodov stepnoi Evrazii* [History and culture of the medieval peoples of steppe Eurasia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 211–214 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. *Drevnetiurkskie izvaianiia v Zavkhane (k svodu arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Mongolii)* [Ancient Turkic statues in Zavkhan (to the arch of archaeological sites of Western Mongolia)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri*

[Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2010. S. 257–264 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. *Kombinirovannoe izvaianii s r. Tsaluu v Zapadnoi Mongolii* [Combined sculpture from the river Tsaluu in Western Mongolia]. *Istoricheskii opyt khoziaistvennogo i kul'turnogo osvoeniia Zapadnoi Sibiri* [The historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. S. 144–152 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. *Pominal'nyi kompleks rannikh tiurok v somone Umne-gov' Ubsunurskogo aimaka Zapadnoi Mongolii* [The memorial complex of the early Turks in the somon Umne-gov' of the Ubsunur aimak of Western Mongolia]. *Kamennaia skul'ptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculpture and small plastic of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. S. 135–138 (in Russian).

Ozheredov Iu. I. *Tiurkskoe izvaianie voina na Shiveriin gol v Zapadnoi Mongolii* [Turkic warrior statue on the Shivaeryn goal in Western Mongolia]. *Drevnie kochevniki Tsentral'noi Azii (istoriia, kul'tura, nasledie)* [Ancient nomads of Central Asia (history, culture, heritage)]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2005. S. 39–41 (in Russian).

Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii (Rezultaty puteshestviia, ispolnennogo v 1876–1877 gg. po porucheniiu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva)* [Essays on North-Western Mongolia (Results of a journey performed in 1876–1877 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society)]. SPb., 1881, Vol. II, 280 s. (in Russian).

Radlov V. V. *Atlas drevnostei Mongolii* [Atlas of Antiquities of Mongolia]. SPb., v 3-kh vyp.: 1892, 1893, 1896 (in Russian).

Ser-Odzhav N. *Ertnii Tureguud (VI–VIII zuun)* [Ancient Turks (VI–VIII centuries)]. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevel, 1970, 115 p (in Mongolian).

Ser-Odzhav N. *Mongolyn ertnii tuukh (Arkheologiin nairuulal)* [Ancient History of Mongolia (Archeological Composition)]. Ulaanbaatar: Shinzhlekh Ukhaany Akademiin khevel, 1977, 178 p. (in Mongolian).

Tishin V. V., Seregin N. N. *Drevnetiurkskaia runicheskaiia nadpis' iz ritual'nogo kompleksa Biireg (Zapadnaia Mongoliia)* [Ancient Turkic runic inscription from the ritual complex Biireg (Western Mongolia)]. *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy of the East]. M.: IV RAN, 2016, no. XXXII. S. 228–238 (in Russian).

Tishin V. V., Seregin N. N. *K voprosu o metodike prochteniia redkikh znakov nekotorykh runicheskikh nadpisei Tsentral'noi Azii (po materialam kompleksa Biireg v Mongol'skom Altae)* [To the question of the method of reading the rare characters of some runic inscriptions of Central Asia (based on the materials of the Biireg complex in the Mongolian Altai)]. *Vestnik SPbGU. Ser.: Vostokovedenie i afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Orientalism and Africanism]. 2017, Vol. 9, no. 2. S. 183–195 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Iderkhangai T.-O., Seregin N. N. *Issledovaniia tiurkskoi ogradki na komplekse Khushuun denzh-04 v Tsentral'noi Mongolii* [Studies of the Turkic fence at the Hushuun Den-04 complex in Central Mongolia]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiia* [News of Altai State University. Historical sciences and archeology]. 2015, no. 3/2. S. 229–238 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N. *Tiurkskie ogradki arkheologicheskogo pamiatnika Baian Bulag-II v Mongol'skom Altae: rezultaty issledovaniia i kompleksnogo analiza*

[Turkic enclosures of the Bayan Bulag-II archaeological site in the Mongolian Altai: research and integrated analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2017, no. 424. S. 136–144 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N., Mukhareva A. N., Munkhbaiar Ch. B. *Rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy na territorii Mongol'skogo Altaia v 2015 godu* [The results of archaeological research in the Mongolian Altai in 2015]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaia* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016, Vol. 2. S. 100–106 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N., Munkhbaiar Ch. *Rezultaty issledovaniy tiurkskogo kompleksa Baian bulag-I (Mongol'skii Altai)* [Research results of the Turkic complex Bayan Bulag-I (Mongolian Altai)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2018, no. 2. S. 184–195 (in Russian).

Tishkin A. A., Grushin S. P., Gorbunov V. V., Kovalev A. A., Munkhbaiar Ch. B., Iderkhangai T. O., Fribus A. V., Erdenebaatar D. *Rezultaty polevykh issledovaniy v Khovdskom aimake Mongolii letom 2012 goda* [The results of field studies in the Khovd aimak of Mongolia in the summer of 2012]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorii, filologii* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser.: History, philology]. 2013, Vol. 12, no. 5: Arkheologiya i etnografiya. S. 157–169 (in Russian)

Tishkin A. A., Niamdorzh B., Seregin N. N., Munkhbaiar Ch. *Planovye arkheologicheskie obsledovaniia v doline Buianta (Zapadnaia Mongolii)* [Planned archaeological surveys in the Buyant Valley (Western Mongolia)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2008, no. 4. S. 67–73 (in Russian).

Tsevendorzh D., Baiar D., Tserendagva Ia., Ochirkhuiag Ts. *Arkheologiya Mongolii* [Archeology of Mongolia]. Ulanbaatar, 2008, 239 p. (in Mongolian).

Tsevendorzh D., Kubarev V. D., Lkhundev G., Kubarev G. V., Baiarkhuu N. *Khar Iamaatyn Tyregiin yeiin dursgaluudyn maltlagyn yr dyn* [The results of the excavations of Khar Yamarma Turkic Monument]. *Arkheologiiin sudlal* [Archaeological Studies]. 2008, no. XXVI. P. 262–273 (in Mongolian).

Turbat Ts., Baiar D., Tseveendorzh D., Battulga Ts., Baiarkhuu N., Iderkhangai T.-O., Zhiskar P. K. *Altain arkheologiiin dursgaluud-I (BaianOlgi aimag)* [Archaeological sites of Altai-I (BayanUlgi aimag)]. Ulaanbaatar, 2009, 424 p. (in Mongolian).

Turbat Ts., Baiarkhuu N., Lepets S., Bernard V. “*Mongol Altain tyryg ba tyrykhen yeiin orshin suugchdyn tsogts sudalгаа*” төслийн кхеериин шинжилгээний товчхон үр дүн [Summary of the fieldwork of the project “The Comprehensive Survey of the Early and Last Generation of Mongol Altai”]. *Mongolyn arkheologi — 2015* [Mongolian Archeology-2015]. Ulaanbaatar: Shinzhlekh ukhaany Akademiin Tyrykh, 2016. P. 172–176 (in Mongolian).

Vladimirtsov B. Ia. *Etnologo-lingvisticheskie issledovaniia v Urge, Urginskom i Kenteiskom raionakh* [Ethnological and linguistic research in Urga, Urginsky and Kentaysky districts]. *Severnaia Mongolii. Predvaritel'nye otchety lingvisticheskoi i arkheologicheskoi ekspeditsii o rabotakh, proizvedennykh v 1925 godu* [Northern Mongolia. Preliminary reports of linguistic and archaeological expeditions on the works performed in 1925]. L.: Izd-vo AN SSSR, 1927. S. 1–42 (in Russian).

Voitov V. E. *Drevnetiurkskii panteon i model» mirozdaniia v kul'tovo-pominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [The Ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult-memorial monuments of Mongolia of the 6th — 8th centuries]. M.: Izd-vo GMV, 1996, 152 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н. Тюркские оградки Монголии: основные этапы изучения и интерпретации // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 70–87.

Citation:

Seregin N. N. Turkic enclosures of Mongolia: main stages of studying and interpretation. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 70–87.

УДК 904:930.272

DOI: 10.14258/nreur(2019)4-06

К. А. Руденко

Государственный институт культуры, Казань (Россия)

ЗНАКИ-ТАМГИ В КУЛЬТУРЕ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Подстрочные сноски в каждой статье должны иметь отдельную нумерацию!

Исследуются новые уникальные артефакты, относящиеся к эпохе Волжской Булгарии, средневекового государства, существовавшего на Средней Волге. Это фрагмент кармического сосуда из селища у с. Речное и серебряный с чернью перстень из Билярского городища в Алексеевском районе Республики Татарстан. На них сохранились древние знаки, назначение которых до сих пор остается загадкой для ученых. Знаки были нанесены на изделия на завершающей стадии их производства. Это сделали, скорее всего, мастера, которые изготовили эти предметы. Фрагмент сосуда происходил из жилой постройки, функционировавшей в конце XI в., как это было установлено в результате раскопок. Сосуд использовался для приготовления пищи, из-за этого внешняя поверхность его была покрыта нагаром и копотью. Знаки были расположены в верхней части сосуда в две строки, расположенные одна под другой. К сожалению, часть этих знаков оказалась утраченной. Наиболее выразительны знаки в виде буквы «А», завершавшие верхнюю и нижнюю строки. Они часто встречаются на керамике волжских булгар. Автор утверждает, что знаки эти не были связаны ни с тем, что могло храниться в сосуде, или с его функцией. Это невозможно было сделать, так как знаки были нанесены еще до обжига этого сосуда, и дальнейшую его судьбу гончар предвидеть не мог.

Второй предмет — это серебряный перстень с широким плоским щитком. На лицевой стороне его нанесен орнамент из стилизованных растительных побегов, характерный для волжских булгар. На обратной стороне тонким инструментом выбиты знаки. Из-за недостатка места знаки расположены очень плотно друг к другу. Один знак был вынесен в другую строку. Знаки были нанесены ювелиром до завершения работы над изделием. Они были сделаны с согласия заказчика или по его просьбе. Датируется перстень XII в. Представленные в статье материалы позволяют по-новому рассмотреть вопросы о назначении таких знаков и их происхождении.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Билярское городище, гончарное клеймо, знаки, тамги, рунические надписи, перстень с чернью, керамика.

K. A. Rudenko

State Institute of Culture, Kazan (Russia)

TAMGI SIGNS IN THE CULTURE OF VOLGA BULGAR: NEW OPENING

The article explores new unique artifacts from the era of Volga Bulgaria, a medieval state that existed on the Middle Volga. This is a fragment of a karmic vessel from the ancient settlement near the modern village Rechnoe and silver ring with a niello from Bilyarsk hillfort in the Alekseevsky district of the Republic of Tatarstan. They have preserved ancient signs, the purpose of which still remains a mystery to scientists. The marks were put on the products at the final stage of their production. This was most likely done by craftsmen who made these items. A fragment of the vessel originated from a residential building, which functioned at the end of the eleventh century, as it was established as a result of excavations. The vessel was used for cooking and because of this, its external surface was covered with soot. Signs were located at the top of the vessel in two lines, one under the other. Unfortunately, some of these signs were lost. The most expressive signs in the form of the letter “A”, completing the top and bottom lines. They are often found on the ceramics of the Volga Bulgars. The author claims that these signs were not related to what could be stored in a vessel or to its function. This was impossible to do, since the marks were put even before the vessel was fired and the potter could not have foreseen his future.

The second item is a silver ring with a wide flat shield. On its front side there is an ornament of their stylized plant shoots, typical of the Volga Bulgars. On the reverse side with a thin instrument marks are stamped. Due to lack of space, signs are very closely spaced. One character was moved to another line. Signs were made by a jeweler before the completion of work on the product. They were made with the consent of the customer or at his request. Dated ring XII century. The materials presented in the article make it possible to consider in a new way questions about the purpose of such signs and their origin.

Key words: Volga Bulgaria, Bilyarsk hillfort, pottery stamp, signs, tamgas, runic inscriptions, ring with niello, ceramics.

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры, Казань (Россия). Адрес для контактов: murziha@mail.ru.

Интерес к письменности, знакам и языку волжских булгар возник в начале XIX в. К настоящему времени накопилась достаточно обширная литература по этим вопросам, требующая особого осмысления. В XX в. было установлено, что у булгар была письменность как на основе арабской графики, так и руническая. Последняя была представлена надписью на ручке керамического сосуда из раскопок

Биллярского городища (рис. 1), отнесенной И. Л. Кызласовым к кубанскому варианту тюркской рунической письменности [Кочкина, 1985; Кызласов, 2000: 5–18; 1990: 128–131; 1994: 216, 274–275, № К11; 2012: 226–246]. Кроме того, было зафиксировано большое число тамгообразных знаков на различных изделиях: бытовой и специализированной керамике, каменных, костяных и бронзовых изделиях. Особо детально исследовались клейма на гончарной посуде, где эта категория знаков очень представительна [Кочкина, 1983: 69–92; Кокорина, 2002].

Несмотря на разнообразие данных по болгарской письменности и системе знаков, многие вопросы остаются пока мало разработанными. Среди них стоит отметить один из мало изученных сюжетов — это распространение данной традиции за пределы крупных городских центров (Биллярское городище) или торговых поселений (Измерское I и Мурзихинское селища), на которых были сделаны находки артефактов с надписями и знаками. Проблема заключается в редкости таких находок, даже при масштабных исследованиях. Оставался открытым вопрос и об использовании знаков, помимо керамики, на других болгарских изделиях.

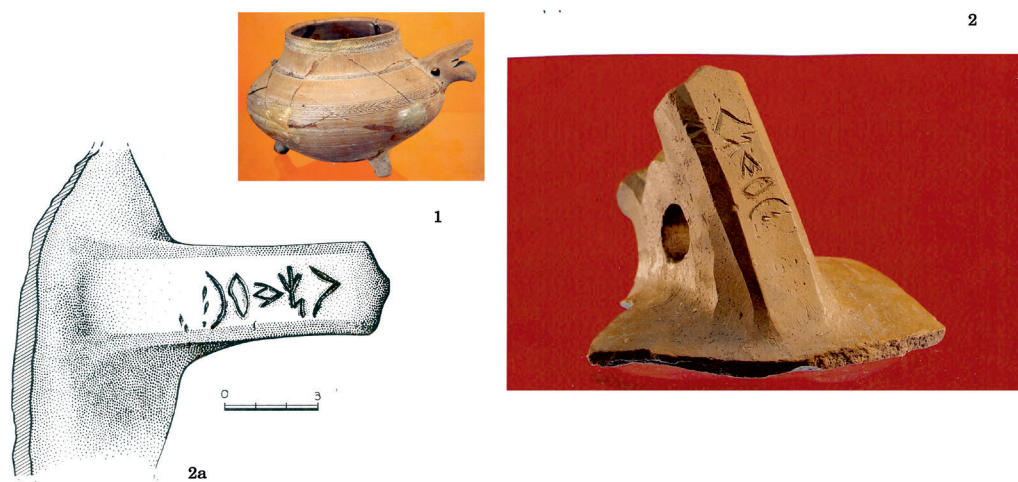

Рис. 1. Надпись рунами на ручке глиняного сосуда из Биллярска (№ БХХVIII-83/706). 1 — общий вид сосуда, аналогичного подписанному. Собрание Биллярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника; 2 — надпись на сосуде. 2а — прорисовка надписи [Кызласов, 2000:18, рис. 3]

Учитывая редкость таких материалов, особый интерес вызывают новые находки с подобными знаками. В 2008 г. на Остолоповском селище XI–XII вв. в Алексеевском районе Республики Татарстан (РТ) на раскопе XIX, расположенном в южной части памятника, был обнаружен фрагмент (10x6x4 см) кругового глиняного горшка с примесью песка и шамота в тесте¹ [Руденко, 2009: 5–22; 2012: 123–145] (рис.2. — 1, 1а). Он был найден поблизости от жилой постройки конца XI — рубежа XI–XII вв. [Руденко, 2009а: 322].

¹ Полевой шифр: О.с. — 8.2/4909. В настоящее время фрагмент находится в экспозиции археологического музея Биллярского музея-заповедника (БГИАПМЗ, инв. № 735).

Рис. 2. Знаки на болгарской керамике (1) и перстне (2). 1 – знаки на глиняном сосуде. Остолоповское селище, рубеж XI–XII вв. Собрание Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника. 1 – прорисовка К. А. Руденко; 1а – фото фрагмента; 1б – реконструкция формы и размера сосуда; 2 – перстень. Серебро. Биляр, XII в. Собрание НМ РТ, № ЭО-99/51 (10211); 2, 2в – прорисовка К. А. Руденко; 2а, б, г – перстень. Фото М. М. Багаудинова (2а, б, г) и К. А. Руденко (1а); реконструкция (1б) К. А. Руденко

Сосуд был небольших размеров: диаметр венчика — 13 см; горловины 11,5 см; диаметр наибольшего расширения тулова — 15 см; общий объем его не превышал одного литра (рис. 2. — 1б). Внешняя поверхность горшка закопчена, следы нагара и пригоревшего содержимого были зафиксированы и с его внутренней стороны. Близкие формы горшков встречены в материалах, опубликованных ранее Т. А. Хлебниковой из раскопок этого памятника [Хлебникова, 1974: 61, 62, рис. 3–3,9; 1984: 86]. В целом, такие керамические изделия, изготовленные с помощью гончарного круга или подправленные на круте, часто встречаются на памятниках Алексеевского-Курналинского археологического микрорегиона X — XII вв., например, на Алексеевском городище [Хлебникова, 1984: 88, 211, рис. 5,4].

На фрагменте — обломке верхней части сосуда — сохранились две строчки тамгообразных знаков¹. Строчки, к сожалению, дошли до нас не полностью: часть знаков утрачена. Судя по тому, в какой последовательности вычерчивались элементы каждого знака на поверхности глины, можно заключить, что они «писались» слева направо.

Верхняя (первая) строка состоит из трех знаков: «черта», «ветка»² и знак, напоминающий букву «А», соответственно позиции 1, 2, 3 на рисунке 1. — 1. От нижней (второй) строки осталось только два знака: «черта» — в иной композиции, чем в первой строке и буква «А»: № 3 и № 4 (рис. 2. — 1).

Рассмотрим знаки в этих двух строках. В верхней строке первый знак (или часть знака) — «черта» в виде вертикальной линии длиной 1,5 см (№ 3). На гончарных болгарских клеймах он встречается редко [Кокорина, 2002: 163, тип. 73].

Следующий знак в верхней строчке — «ветка» или «дерево» в виде вертикальной линии (ствола) с наклонно отходящими в средней части с обеих сторон двумя «ветвями» (№ 2). Верхняя часть вертикального ствола имеет отходящую направо наклонную ветвь. Этот знак процарапали инструментом с острым окончанием, при этом линия получалась ровная и «выход» ее на поверхность при ослаблении нажима на инструмент уже чертился вскользь, оставляя тонкую линию и через несколько миллиметров сходя на нет. Представляется, что этот знак был нанесен по чуть подсохшей поверхности сосуда, возможно, в период сушки перед обжигом, поэтому края у контуров нечеткие, с микроскопическими комочками. Знак «ветка» был весьма распространен на болгарской керамике XI–XII в. [Кокорина, 2002: 162, типы 63 и 64].

Завершается строка знаком в виде буквы «а» с переключной в виде галочки острием вниз (№ 1) (рис. 2. — 1). Это один из самых распространенных знаков на болгарской керамике [Кокорина, 2002: 157–161, тип 12]. Знак небольшого размера: высота и ширина 0,7 см. Нанесен он инструментом с двумя окончаниями: первое острое узкое, напоминающее шило; второе — с округлой короткой лопастью шириной 0,4 см. Первым окончанием сделана левая «стойка» буквы, — оно «разрезало» поверхность сырой глины. Правая «стойка» выполнена надавливанием вторым окончанием инструмента. Им же сделана «переключная-галочка» внутри буквы. В конечном итоге, буква получилась как бы составленной из небольших отрезков (за исключением левой стойки).

¹ Благодарю И. Л. Кызласова за консультацию и ценные замечания по знакам на этом артефакте.

² Здесь и далее использована терминология знаков Н. А. Кокориной.

Скорее всего, левая стойка нанесена ранее левой стороны «галочки», а правая сторона галочки — позднее левой, поскольку правая сторона галочки перекрывает правую длинную сторону знака. Верхняя часть знака оказалась смазанной при заглаживании поверхности в этой части сосуда.

Нижняя строка начитается со знака, состоящего из трех черточек: два коротких горизонтальных отрезка длиной 0,7 см, сходящиеся в левую сторону, между которыми посередине находится еще один отрезок такой же длины. Эта композиция напоминает схематически изображенный наконечник стрелы. Похожие, но не идентичные знаки встречаются на керамике Булгарского городища [Кокорина, 2002: 163, тип 84].

Последний знак в нижней строке — буква «А» (№ 4) (рис. 2. — 1). Он крупнее (1x1 см) того, что завершает верхнюю строчку. Сделан он, видимо, по уже заглаженной поверхности, поэтому сама линия четкая с ровными краями с невысоким бортиком; действие гончару давалось легко, рука шла без усилий, свободно. Мастер использовал тот же инструмент, что и в верхней строке: острым окончанием прорезал левую стойку, тупым — остальные части знака, но в отличие от верхнего знака, он не выдавливал знак, а прочертил одним движением правую стойку и двумя короткими отрезками нарисовал галочку-перекладину. Возможно, сначала была прочерчена левая длинная сторона знака, затем правая сторона и левая сторона галочки-перекладины, и в последнюю очередь правая сторона галочки. В целом, знаки в нижней и верхней строках были нанесены на сосуд в следующей последовательности: 1–4 — (2, 3, 5).

Стоит отметить, что знаки первой и второй строк нанесены разными инструментами и с определенным интервалом, т. е. сделаны они хоть и в одно время (когда сформированный сосуд сушился перед обжигом), но не одновременно: знаки нижней строки наносились тогда, когда поверхность уже подсохла, а верхняя — в начале этого процесса. Не исключено, что у знаков в верхней и в нижней строке были разные авторы.

Очевидно, что знаки на данном сосуде, во-первых, не соотносились с его содержанием, поскольку были нанесены в процессе изготовления горшка, при этом он изготавливался не для хранения чего-либо, а для приготовления различной пищи, при этом под копотью и нагаром знаки были не видны, и заранее предвидеть это было невозможно; во-вторых, вряд ли горшок был изготовлен в гончарной мастерской в крупном городе, скорее всего, гончар жил непосредственно на этом селище. Отметим, что на Билярском городище известны лепные горшки с клеймами «А» на днище, но знаков в таком формате и комбинации ни на них, ни на любых других сосудах не встречено [Кочкина, 1983: 86].

На Остолоповском селище были зафиксированы и другие знаки на керамике, например, прочерченный крест на ручке кувшина (раскоп XXIV). Здесь эта метка, означающая собственность, и не более того. Тем более, что эта практика была распространена у булгар повсеместно, например, значительное число прочерченных или процарапанных знаков зафиксировано на керамических сосудах из Билярского городища, сводка которых по раскопкам 1970–1980-х гг. опубликована А. Ф. Кочкиной [1989: 104–106, рис. 1–3].

Помимо этого, на этом же памятнике на раскопе XV был обнаружен фрагмент керамики с прочерченной буквой, напоминающую арабскую *ح*. Зафиксирован он в страти-

графическом слое III, сформировавшемся в XI — начале XII в. [Руденко, 2017: 301–306]. Отметим, что этот знак был прочерчен уже после обжига на гладкой лощеной поверхности. Аккуратная обработка этого фрагмента позволяет предполагать его особенное назначение — как игральной/гадальной или обучающей фишки.

Все эти находки, включая и вышеописанный фрагмент сосуда со знаками-тамгами, были обнаружены на той части Остолоповского селища, которая функционировала с начала XI до второй половины XII в. [Руденко, 2017: 308].

Кроме керамики, тамгообразные знаки впервые выявлены нами при изучении болгарских ювелирных украшений — серебряных перстней из Билярского городища (коллекция Л. О. Сиклера¹). Знаки были обнаружены на ковном овальнощитковом перстне (2x2 см) с черневым декором. На лицевой поверхности щитка имеется гравированный рисунок (рис. 2. — 2a). Он выполнен в характерной для болгар композиции: орнаментальное поле разделено узким декоративным пояском, украшенным наклонными s-видными отрезками, имитирующими «плетенку». В верхней и нижней частях орнаментального поля симметрично размещены переплетающиеся стилизованные растительные побеги, оканчивающиеся трилистниками. Фон рисунка немного углублен и покрыт чернью. Шинка диаметром 1,7 см сломана в средней части. Перстень датирован XII — началом XIII в. [Руденко, 2015a: 58, 363, ил. 95, кат. 15].

На обратной стороне щитка нанесены знаки, один из которых расположен отдельно, а остальные — в одну линию вплотную друг к другу. Высота их разная: самый крупный (№ 3) имеет высоту 0,7 см, самый низкий — (№ 1) — 0,3 см. Можно различить пять тамгообразных и геометрических знаков (рис. 2. — 2b). Все знаки аккуратно выбиты пунсоном. Мастер предварительно сделал разметку для того, чтобы знаки были ровными, затем использовал ее при нанесении самих знаков.

Для удобства описания присвоим знакам номера, которые не связаны с порядком их нанесения. Знак № 1 — «песочные часы» — оказался немного «сбитым»: мастер сначала выбил сам знак, а затем добавил поверх его верхнего правого угла маленькую полукруглую арочку, причем очень близко от края, из-за чего образовалась микротрещина (рис. 2. — 2г). Такой знак встречается на керамических сосудах XII — начала XIII в. из Биляра, а также из Болгарского городища и Ага-Базара [Кокорина, 2002: 177, тип № 234, рис. 106–234; 107]. Особенностью его является своеобразный завиток в верхней правой части знака².

Знак № 2 в виде овала/круга с вписанным в него другим знаком в виде уголка острием налево. Похожий знак встречается на гончарных клеймах Билярского городища XI — начала XIII в. [Кокорина, 2002: 167, рис. 106–171].

Знак № 3 — двухсторонний трезубец совмещает два знака, встречающихся на билярской керамике: двухстороннего двузубца и одиночного трезубца (типы 164 и 182) [Кокорина, 2002: 164]. При этом ювелир выполнил его виртуозно: сначала одним движением резца была изображена короткая верхняя вертикальная часть знака, затем левая верхняя часть знака, потом короткими линиями завершена правая его половина. Нижняя

¹ НМ РТ, инв. № ЭО-99/51 (СУ-373).

² Не исключено, что таким образом обозначалось начало строки.

часть трезубца выполнена иначе: сначала ювелир выгравировал средний зубец, затем правый, после чего, чуть зайдя на верхнюю часть средней линии, левый зубец.

Знак № 4 в виде горизонтальной линии с отростком, отходящим от левого конца линии под углом $\approx 45^\circ$. Возможно, что таким образом мастер показал начало (?) строки (а) и перенос еще одного знака на другую строку (б) (рис. 2. — 2в, з). Впрочем, в нем можно видеть и знак «галочка», близкий формам клейм на керамике Биляра и Муромского городка [Кокорина, 2002: 172, тип 123].

Знак № 5 — «корабль» образован дугой, обращенной верхней частью вниз, посередине которой помещена вертикальная линия. Левая часть знака дополнена маленькой арочкой. Этот знак имеет аналогии в керамическом материале городищ Муромский городок и Билярского, но помимо этих памятников, больше нигде не отмечен [Кокорина, 2002: 172, тип 179].

Плотность расположения знаков объясняется, скорее всего, недостатком места на щитке, как и то, что один знак попал в «верхний регистр», хотя, может быть, это было сделано специально. Знаки наносились слева направо, причем сначала была выбита горизонталь, затем уже на ней были выбиты знаки № 2 и № 3 — их борозды концами перекрывают ее.

Очевидно, что знаки нанесены до того, как перстень был завершен, т. е. спаяна шинка. Поэтому они выполнены ювелиром, скорее всего, по желанию заказчика, поскольку ни на одном другом перстне этого типа знаков не обнаружено.

Е. П. Казаков отмечал, что знаки на перстнях встречались у болгар и ранее: в Больше-Тарханском могильнике второй половины VIII — первой половины IX в. из погребения 237 происходит серебряный перстень, на щитке которого выгравирован крестообразный знак. Ко второй половине IX в. относится перстень из погребения 877 Танкеевского могильника, на квадратном щитке которого имеются выгравированные три знака — справа налево: прямая вертикальная линия, знак, напоминающий английскую «U» и третий близкий по начертанию английской «J» [Казаков, 1985: 179, рис. 1–1; 2–2]. Однако, в отличие от билярской находки, эти знаки являются элементом дизайна данных артефактов.

Таким образом, описанные выше находки позволяют утверждать, что специальными знаками пользовались люди разных профессий, жившие как в болгарских городах, так и в сельской местности в домонгольский период. Это и ювелиры, представители высококвалифицированных городских ремесленников, и сельские гончары, жившие в болгарской провинции. Если в первом случае знаки были нанесены с ведома, а может быть, и по желанию заказчика, то во втором случае их нанес гончар по собственной инициативе, возможно, предполагая, что изготовленный им горшок будет использоваться его близкими в собственном доме, либо по каким-то другим соображениям. При этом данные знаки не связаны ни с содержимым горшка (которое гончару, разумеется, оставалось неизвестным), ни с назначением этого изделия. Этот тезис косвенно подтверждается и еще одним фактом — стилизованными руноподобными знаками на ручке болгарского медного кумгана, когда они, по сути, превратились в декор или благопожелательный символ [Руденко, 2015: 58, ил. 97,98].

Связывать эти знаки только с традицией гончаров или ювелиров Биляра будет некорректно, хотя значительная часть гончарных клейм и прочих знаков на различных бытовых предметах, например, на точильных камнях, происходит с Билярского городища. На самом деле распространены они были гораздо шире на территории болгарского государства.

Природа этих знаков остается на сегодняшний день неясной. Пока не подтверждается прямая генетическая связь их с салтовскими знаками, хотя бы в силу хронологического разрыва. В контексте проведенных в настоящей статье данных стоит еще раз обратиться и к выводам, сделанным в 1980-х гг. специалистами по болгарской керамике — А. Ф. Кочкиной и Н. А. Кокориной, которые на основе анализа клейм билярской круговой посуды утверждали, что определенного вида клейма принадлежали одной патриархальной семье или роду, являясь своего рода семейно-родовыми тамгами, распространявшимися, помимо семейных кланов, и в профессиональной ремесленной среде, так и в городских социальных стратах, в том числе среди торговцев и иностранцев — небулгар [Кочкина, 1983: 87; Кокорина, 2002: 156, 212–213]. Выявленные более широкие и «демократические» рамки бытования руноподобных знаков позволяют скорректировать и точку зрения Н. А. Кокориной, утверждавшей что знак в виде буквы «А» принадлежал правящему роду Волжской Булгарии (соответственно, этническим болгарам) и восходит к тюркской (енисейской) рунике (звук «б») [Кокорина, 2002: 160, 202–203]. Однако вряд ли болгарские знаки-клейма на донцах круговых сосудов имеют прямую связь со знаками кубанского письма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Казаков Е. П. Знаки и письмо ранней Волжской Булгарии по археологическим данным // Советская археология (СА). 1985. № 4. С. 178–185.

Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV в. (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). Казань : Институт истории АН РТ, 2002. 383 с.

Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С. 69–92.

Кочкина А. Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4. С. 54–80.

Кочкина А. Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань : ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. С. 97–107.

Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии (Опыт палеографического анализа). М. : ИА РАН, 1990. 180 с.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Восточная литература, 1994. 327 с.

Кызласов И. Л. Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 5–18.

Кызласов И. Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Группы по археологии Кавказа. Вып. 1. М. : ТАУС, 2012. С. 226–246.

Руденко К. А. Отчет об археологических исследованиях в Татарстане в 2008 г. Казань, 2009 // АИА РАН. Р-1, № 44189.

Руденко К. А. К вопросу о болгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань : Фэн: АН РТ, 2009а. С. 309–352.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман, 2015. 528 с.

Руденко К. А. Стратиграфия Остолоповского селища XI–XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань : Казанская недвижимость: ИА им А. Х. Халикова АН РТ, 2017. С. 296–319.

Хлебникова Т. А. Некоторые итоги исследования болгарских памятников нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С. 58–68.

Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М. : Наука, 1984. 240 с.

REFERENCES

Kazakov E. P. Znaki i pis'mo rannei Volzhskoi Bolgarii po arkheologicheskim dannym [Signs and a letter of the early Volga Bulgaria according to archaeological data] *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology]. 1985, no4. S. 178–185 (in Russian).

Kokorina N. A. *Keramika Volzhskoi Bolgarii vtoroi poloviny XI — nachala XV v. (K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur)* [Ceramics of Volga Bulgaria of the second half of the 11th — early 15th century. (To the problem of continuity of the Bulgarian and Bulgaro-Tatar cultures)]. Kazan: Institut istorii AN RT Publ., 2002. 383 s. (in Russian).

Kochkina A. F. Goncharnye kleima Biliarskogo gorodishcha [Pottery stamps of the Bilyarsk hillfort]. *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii* [Medieval archeological settlement of Tataria]. Kazan: IYLI KFAN USSR Publ., 1983. S. 69–92 (in Russian).

Kochkina A. F. Runicheskie znaki na keramike Biliara [Runic signs on the ceramics of Bilyar]. *Sovetskaia tiurkologiia* [Soviet Turkic studies]. 1985, no 4. S. 54–80 (in Russian).

Kochkina A. F. Znaki i risunki na keramike Biliara [Signs and drawings on Bilyar ceramics]. *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope* [Early Bulgarians in Eastern Europe]. Kazan: IYLI KFAN USSR Publ., 1989. S. 97–107 (in Russian).

Kyzlasov I. L. *Drevnetiurkskaia runicheskaia pis'mennost' Evrazii (Opyt paleograficheskogo analiza)* [Ancient Turkic runic writing of Eurasia (Experience of paleographic analysis)]. Moscow: IA RAN Publ., 1990, 180 p. (in Russian).

Kyzlasov I. L. *Runicheskie pis'mennosti evraziiskikh stepei* [Runic writing Eurasian steppes]. Moscow: Vostochnaia literature Publ., 1994. 327 s. (in Russian).

Kyzlasov I. L. Runicheskaia epigrafika drevnikh bolgar [Runic epigraphy of the ancient Bulgarians] *Tatarskaia arkheologiia* [Tatar archeology]. 2000, no. 1–2 (6–7). S. 5–18 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Serebrianye monety s legendami kubanskogo runicheskogo pis'ma [Silver coins with legends of the Kuban runic writing]. *Problemy arkheologii Kavkaza. Gruppy po*

arkheologii Kavkaza [Problems of the archeology of the Caucasus. Group on the archeology of the Caucasus]. Vol. 1. Moscow: TAUS Publ., 2012. S. 226–246 (in Russian).

Rudenko K. A. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Tatarstane v 2008 g.* [Report on archaeological research in Tatarstan in 2008]. Kazan, 2009. Arkhiv instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Fund R-1, Inventory 44189 (in Russian).

Rudenko K. A. K voprosu o bulgarskikh zhilishchakh domongol'skogo vremeni (po materialam Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom raione RT) [On the issue of the Bulgarian dwellings of the pre-Mongol period (according to materials from the Ostolopovsky settlement in the Alekseevsky district of the Republic of Tatarstan)]. *Srednee Povolzh'e i Iuzhnyi Ural: chelovek i priroda v drevnosti* [Middle Volga Region and the South Urals: Man and Nature in Antiquity]. Kazan: "Fen" AN RT Publ., 2009a. S. 309–352 (in Russian).

Rudenko K. A. *Bulgarskoe srebro*. Drevnosti Biliara. Tom II [Bulgarian silver. Antiquities of Bilyar. Vol. II]. Kazan: Zaman Publ., 2015. 528 s. (in Russian).

Rudenko K. A. Stratigrafiia Ostolopovskogo selishcha XI–XII vv. v Alekseevskom raione Tatarstana [Stratigraphy of the Ostolopovsky settlement of the 11th — 12th centuries. in the Alekseevsky district of Tatarstan]. *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Povolzh'ia i Urals: problemy issledovaniia, sokhraneniia i muzeifikatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Medieval archaeological monuments of the Volga region and the Urals: problems of research, preservation and museification. Materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Kazan: "Kazanskaia nedvizhimost" Publ., 2017. S. 296–319 (in Russian).

Khlebnikova T. A. *Nekotorye itogi issledovaniia bulgarskikh pamiatnikov nizhnego Prikam'ia* [Some results of the study of the Bulgarian settlement of the lower Prikamye]. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology]. 1974, no 1. S. 58–68 (in Russian).

Khlebnikova T. A. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii. K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia* [Ceramics of the monuments of Volga Bulgaria. To the question of the ethnocultural composition of the population]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 240 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Руденко К. А. Знаки-тамги в культуре волжских болгар: новые открытия // Народы и религии Евразии. 2019. №4 (21). С. 88–98.

Citation:

Rudenko K. A. Tamgi signs in the culture of Volga Bulgar: new opening. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. №4 (21). P. 88–98.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 811.161.1'373.234'0:930.2

DOI: 10.14258/nreur(2019)4-07

Е. Г. Сакович

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЭТНОНИМА «ПОЛОВЦЫ»: ЛЕТОПИСНЫЕ СВЕДЕНИЯ И МНЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Проблема происхождения наименования «половцы» в историографии по сей день вызывает научные дискуссии. Существуют различные мнения и предположения ученых относительно вопроса появления этого термина. В русских летописях «половцы» известны под именем «сарацины» и «половцы», в восточных источниках они известны под именем «кыпчаки», в европейских — «куманы», «фалоны» и «плавцы». Одни ученые полагали, что название этого народа переводится как «грабитель», или «охотник», так как они часто совершали набеги на русские земли. Другие исследователи утверждали, что имя «половцы» ведет свое происхождение от слова «поле» и означало «полевые». Третьи ученые сходились во мнении, что основным критерием перевода этого термина является цвет. При этом мнения авторов в этом вопросе расходились: этот термин переводили и как «светло-желтый» («бледно-желтый»), и как «голубой». Четвертые исследователи полагали, что термин «половцы» имел ногайскую основу появления и приобрел в отношении этого народа насмешливое, презрительное значение. Печенеги и торки именно так называли половцев, поскольку были разбиты ими и впоследствии бежали к русским границам. Некоторые ученые утверждали, что этот термин появился впервые на Правобережье Днепра, так как для русских эти кочевники представляли угрозу, следовательно, являлись обитателями противоположного, чужого берега.

Ключевые слова: половцы, этноним, происхождение, цвет, номады, исследователи, куманы, сарацины, летопись, историография.

E. G. Sakovich

Belarusian State University, Minsk (Belarus)

THE ORIGIN OF ETHNONYM “CUMANS”: DATA OF CHRONICLES AND OPINIONS OF RESEARCHERS

The problem of the origin of the name “Cumans’ in historiography to this day causes scientific discussions. There are different views and assumptions of scientists regarding the question of the emergence of this term. In Russian chronicles “cumans’ are known under the name “saracins’ and “cumans”, in eastern sources they are known under the name “cypchaki”, in European — “cumans”, “falons’ and “fins”. Some scholars believed that the name of this people was translated as “robber”, or “hunter”, as they often raided Russian lands. Other researchers claimed that the name “Cumans’ led its origin from the word “field” and meant “field”. Third scholars have agreed that the main criterion for translating this term is color. At the same time, the authors “opinions on this issue differed: some translated the term as “light yellow”, or “pale yellow”, others as “blue”. The fourth researchers believed that the term “Cumans’ had a Nogai basis for appearance and had acquired a mockery, despicable meaning with regard to this people. Pechenegs and Torquay called the Cumans so, because they were broken up by them and subsequently fled to the Russian borders. Some scientists claimed that this term appeared for the first time on the Right Bank of the Dnieper, as for Russians these nomads posed a threat and, therefore, were inhabitants of that, foreign coast.

Key words: cumans, ethnonym, origin, color, nomads, researchers, cumans, saracens, chronicle, historiography.

Сакович Екатерина Георгиевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск (Беларусь). Адрес для контактов: ekaterina-sakovich@yandex.ru

Вопрос происхождения этнонима «половцы» в академической среде российских исследователей по сей день вызывает дискуссии. Обращение к летописным источникам и работам историков и филологов позволяет еще раз проанализировать данную проблему.

В русской летописной традиции половцы именуется двояко — «половцы» и «сарацины» в зависимости от того, повествовал ли летописец о набегах кочевников на Русь или вел речь о происхождении этого народа.

В европейских источниках половцы также упоминаются под различными именами. Арабские авторы знали их под именем «кыпчаки», или «капчаки», армянские авторы называли их «хардеш», византийцы рассказывали о них как о «куманах», мадьяры именовали их «кун», а иногда еще и «палоч», немцы рассказывали о них как о «фалонах», или «фальбах», поляки и чехи называли их «плавцы». Традиция наименова-

ния половцев «палоч», «плавцы», «флавен» восходит к русскому слову «половцы», так как именно русские впервые столкнулись с этим кочевым народом, а другие европейские народы через них узнали о номадах [Расовский, 2016: 13; Пономарев, 1940: 366].

Польский историк и географ М. Меховский писал, что название «половцы» означает «грабитель», или «охотник» в том смысле, что они весьма часто совершали набеги на Русь [Меховский, 1936: 48].

Датский королевский историограф П. Ф. Сум полагал, что сами себя половцы называли «уцы», а имя «половцы» имеет русское происхождение, но не уточнял, как именно оно переводится [Сум, 1848: 15–16].

Дипломат Священной Римской империи и путешественник С. Герберштейн выводил название «половцы» от слова «поле», и по его определению термин «половцы» означал «полевые» [Герберштейн, 1988: 165].

Некоторые ученые полагали, что название «половцы» происходит от слова «половый», т. е. «светло-желтый». Впервые такую гипотезу предложил в XIX в. историк и лингвист А. А. Куник [Расовский, 2016: 13].

В XX в. эта гипотеза в историографии получила широкое распространение. Историки В. Я. Петрухин и Д. С. Раевский также писали о том, что наименование «половцы» ведет свое происхождение от тюркского этнонима «сары», который переводится как «светло-желтый» [Петрухин, Раевский, 1998: 188–189].

Схожего мнения придерживалась специалист в изучении истории кочевых народов С. Плетнева. Исследователь, ссылаясь на сведения придворного врача сельджукских шахов ал-Марвази, утверждавшего, что каи и куны потеснили племя шары (желтые), писала, что в этом утверждении под термином «каи» подразумеваются кимаки, в то время как «шары» — это кипчаки, или половцы. Таким образом, термин «половцы» переводится на русский язык как «светло-желтые» в ассоциативном смысле слова «полова» — солома, или мякина [Плетнева, 2015: 20].

И. О. Князький обратил внимание, что распространение этой гипотезы в академических кругах привело к предположению некоторых историков о том, что половцы были светловолосым народом. Но источники об этом факте не сообщают. Скорее всего, традиция наречения половцев светловолосыми ведет свое начало с территориального размещения этого народа, который находился в самом центре кочевого мира Евразии. Следовательно, отсюда и возник термин «желтый», который, согласно географическим представлениям тюркских народов, вполне мог иметь и еще одно значение — «центральный, или срединный» [Князький, 1996: 46].

И. Н. Данилевский, апеллируя к мнению И. О. Князького, писал, что именно такая точка зрения подтверждается в том числе и наблюдениям антропологов [Данилевский, 2001: 44].

И. Г. Добродомов, основываясь на данных лингвистики, однозначно утверждал, что нет научных обоснований тому факту, что в тюркских языках желтый цвет означал непосредственно центр. Тюрки использовали в целом два типа обозначения стран света — китайско-уйгурский и буддистско-ламаистский. По первому типу желтый цвет был привязан только к центру, в то время как по второму типу — только к северу. Более того, анализ вопроса осложняется тем, что как народ куны, так и народ сары

пользовались в равной мере этими двумя типами обозначения пространства [Добродомов, 1978: 118].

Некоторые ученые (А. Пономарев, Б. В. Лунин) также придерживались мнения, что термин «половцы» переводится как «светло-желтый», но не настаивали на том, что сами половцы при этом имели светлые волосы.

Б. В. Лунин писал, что слово «половцы» представляет собой перевод половецкого, или турецкого термина «куман». По этой причине можно объяснить тот факт, что река Куман, которую так нарекли ногайцы, в русскоязычной традиции превратилась в Кубань. У ногайского народа это имя имело смысловое значение «бледный», у шорцев этот термин приобрел обозначение сероватого оттенка, казахи также использовали это слово в смысле «бледно-желтый». Из этого следует, что наименование «кубан-куман» у русских стало именем «половцы» [Лунин, 1949: 133].

А. Пономарев, обратившись к этимологии термина «половцы», пришел в итоге к выводу, что невозможно ответить однозначно на вопрос, откуда произошло это название. По одной версии слово «куман», которое восприняли византийцы, а через них и остальные европейские народы, имело в других тюркских языках свое обозначение — «кубан». Но это далеко не единственная версия, поскольку анализ ногайских эпических сказаний позволяет утверждать, что термин «куба» по отношению к человеку имел значение презрительно-насмешливого оттенка. Именно «кубан-куман» называли половцев печенеги и торки, которые были разбиты ими и впоследствии бежали к русским границам. С тех пор они и передавали имя «половцы» в этом специфическом значении, которое в русскоязычной интерпретации стало именем нарицательным [Пономарев, 1940: 369–370].

Рассматривая появления наименований половцев «кунами» и «сарацинами», И. О. Князький утверждал, что достаточно оснований полагать, что куны являлись восточной ветвью половцев, западной же их ветвью были сары. В результате лингвистического анализа термина «ак», или «сары» автор пришел к выводу, что этот термин в тюркских языках чаще всего использовался для обозначения запада. С западной ветвью половцев связано также наименование их сарацинами, или «Саринными детьми» в русских летописях, поскольку именно половцы-сары первыми достигли границ Руси [Князький, 1996: 46].

Цветовое обозначение как основной критерий в объяснении этнонима «половцы» выделял историк, филолог и палеограф А. Соболевский. Исследователь не отрицал в целом, что термин «половцы» возник от слова «половый», но привязывал его не к цвету «светло-желтый», а к цвету «синий» либо «голубой». В пользу этой версии указывает тот факт, что половецкая орда имела название «Синяя», а также еще и то, что немецкие источники называли половцев «синими» либо «голубыми». Более того, в украинском языке слово «половый» имеет значение «голубоватый» и использовалось для обозначения волов голубоватого цвета [Соболевский, 1910: 175].

Е. Ч. Скржинская предложила собственную гипотезу происхождения названия «половцы». Автор утверждала, что этот термин впервые появился на Правобережье Днепра, откуда постоянно приходили кочевники. Из этого следует, что эти номады для русских являлись жителями того («оного»), т. е. противоположного — чужого берега [Скржинская, 1986: 276].

В итоге, следует отметить, что до сих пор в историографии идут научные споры о значении этнонима «половцы». Мнения исследователей на этот счет разделились. Одни основным критерием в объяснении названия этого народа выделяли цвет. При этом определяли различные его вариации: от светло-желтого до голубого. Другие полагали, что наименование «половцы» происходит от термина «куман», что в русской традиции стало нарицательным именем для обозначения этого кочевого народа. Третьи сходились во мнении, что термин «половцы» ведет свое происхождение от слова «поле», четвертые видели в нем все основания для того, чтобы перевести его как «охотник» либо «грабитель», намекая тем самым на набеги кочевников на русские земли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Герберштейн С. Записки о Московии. М. : Изд-во Московского ун-та, 1988. 429 с.
- Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М. : Аспект-Пресс, 2001. 389 с.
- Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. 1975. М. : Наука, 1978. С. 102–129.
- Князький И. О. Русь и степь. М. : Наука, 1996. 129 с.
- Лунин Б. В. Очерки истории Подонья-Приазовья. От древнейших времен до XVII столетия. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 1949. 184 с.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. 288 с.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье: учеб. пособие для гуманитарных факультетов вузов. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 383 с.
- Плетнева С. Половцы. М. : Ломоносовъ, 2015. 211 с.
- Пономарев А. Куман — половцы // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 366–370.
- Расовский Д. Половцы, торки, печенеги, берендеи. М. : Ломоносовъ, 2016. 190 с.
- Скржинская Е. Ч. Половцы. Опыт исторического истолкования этника // Византийский Временник. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1986. Т. 46. С. 255–276.
- Соболевский А. Несколько этимологических названий // Русский филологический вестник. 1910. Т. 64, № 3–4. С. 170–177.
- Сум П. Ф. Историческое рассуждение об уцах или половцах. М. : Изд. Общества истории и древностей российских, 1848. С. 15–49.

REFERENCES

- Gerbershtein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes about Moskovia]. M.: Izdatel'stvo MGU, 1988. 429 s. (in Russian).
- Danilevskii I. N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.). Kurs lektsii* [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (12th-14th centuries). Lecture Course]. M.: Aspekt-Press, 2001. 389 s. (in Russian).
- Dobrodomov I. G. *O polovetskikh etnonimakh v drevnerusskoi literature* [On Cumans ethnonyms in ancient Russian literature]. *Tiurkologicheskii sbornik* [Turkological collection]. 1975. M.: Izdatel'stvo Nauka, 1978. S. 102–129 (in Russian).

Kniaz'kii I. O. *Rus' i step*» [Russia and steppe]. M.: Nauka, 1996. 129 s. (in Russian).

Lunin B. V. *Ocherki istorii Podon'ia-Priazov'ia. Ot drevneishikh vremen do XVII stoletia* [Essays of the history of Podonya-Priazovya. From ancient times to the 17th century]. Rostov-na-Donu: Rostizdat, Tipografiia imeni Kalinina, 1949. 184 s. (in Russian).

Mekhovskii M. *Traktat o dvukh Sarmatiiakh* [The treatise about two Sarmatiyakh]. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1936. 288 s. (in Russian).

Petrukhin V. Ia., Raevskii D. S. *Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e. Ucheb. posobie dlia gumanitarnykh fakul'tetov vuzov* [Essays of the history of the peoples of Russia in ancient times and early Middle Ages. Study Manual for Humanities Faculties of Higher Education]. M.: Shkola "Iazyki russkoi kul'tur", 199. 383 s. (in Russian).

Pletneva S. *Polovtsy* [Cumans]. M.: Lomonosov, 2015, 211 [3] s. (in Russian).

Ponomarev A. *Kuman-Polovtsy* [Kuman-Polovtsy]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of ancient history]. 1940. no 3–4. S. 366–370 (in Russian).

Rasovskii D. *Polovtsy, torki, pechenegi, berendei* [Cumans, Torquay, Pechenegs, Berende]. M.: Lomonosov, 2016. 190 s. (in Russian).

Skrzhinskaia E. Ch. *Polovtsy. Opyt istoricheskogo istolkovaniia etnikona* [Cumans. Experience of historical interpretation of ethnicon]. *Vizantiiskii Vremennik* [Byzantine Timnik]. Vol. 46. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1986. S. 255–276 (in Russian).

Sobolevskii A. *Neskol'ko etimologicheskikh nazvanii* [Several Etymological Names]. *Russkii filologicheskii vestnik* [Russian Philological Gazette]. 1910. Vol. 64, no 3–4. S. 170–177 (in Russian).

Sum P. F. *Istoricheskoe rassuzhdenie ob utsakh ili polovtsakh* [Historical reasoning about Uhcah or Cumans]. M.: Izdanie Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh, 1848. S. 15–49 (in Russian).

Цитирование статьи:

Сакович Е. Г. Происхождение этнонима «половцы»: летописные сведения и мнения исследователей // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 99–104.

Citation:

Sakovich E. G. The origin of ethnonym «cumans»: data of chronicles and opinions of researchers. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 99–104.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–08

В. Н. Ильин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул (Россия)

СТАРООБРЯДЧЕСТВО АЛТАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРСКИХ ВЛАСТЕЙ¹

После церковного раскола те, кто не принял религиозных нововведений, подверглись преследованию со стороны официальной церкви и правительства, что послужило причиной их бегства, в том числе и на Алтай. В конце XVII — первой половине XVIII в. на территории Верхнего Приобья оказались первые староверы. Эта территория была привлекательна своей малой освоенностью, малочисленностью населения, плодородием земель, слабостью позиций официальных властей. В результате насильственной и самовольной колонизации Алтай превратился в один из старообрядческих (в региональном и духовном смысле) центров, а вместе с тем и арену ожесточенной борьбы светских и церковных властей Российской империи с ненавистным им «расколом». Сопротивления староверов имели пассивный характер и проявлялись в массовых и одиночных побегах в самые отдаленные и малоосвоенные места, а также в массовых самосожжениях. Вместе с тем, несмотря на жесткую антистарообрядческую имперскую политику, местами имевшую откровенно репрессивный характер, именно благодаря староверам происходило культурно-хозяйственное освоение необжитого и дикого Алтая в составе Российской империи.

Ключевые слова: Алтай, староверы, «поляки», «каменщики», «гари», самосожжения, власть.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

V. N. Ilyin

Altai State University, Barnaul (Russia)

Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Barnaul (Russia)

OLD BELIEVERS OF ALTAI IN THE CONTEXT OF REPRESSIVE POLICY OF THE IMPERIAL AUTHORITIES

After the church split, those who did not accept religious innovations were persecuted by the official church and government, which caused their flight, including to Altai. At the end of the XVII — the first half of the XVIII centuries. the first Old Believers appeared on the territory of the Upper Ob. This territory was attractive due to its low development, small population, fertility of land, and the weak position of official authorities. As a result of violent and unauthorized colonization, Altai turned into one of the Old Believers (in the regional and spiritual sense) centers, and at the same time, the arena of a fierce struggle between the secular and church authorities of the Russian Empire with the “schism” they hated. The resistance of the Old Believers was passive in nature and manifested themselves in mass and solitary shoots to the most remote and underdeveloped places and were illuminated by the flame of Old Believer “burns” — mass self-immolations. At the same time, despite the tough anti-Old Believer imperial policy, which in some places had an openly repressive character, it was thanks to the Old Believers that the cultural and economic development of the uninhabited and wild Altai as part of the Russian Empire took place.

Keywords: Altai, Old Believers, “Poles”, “kamenschiks”, “burns”, self-immolation, power.

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета; доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: vse-ilin@mail.ru

Во второй половине XVII в. русское общество было расколото на два полярных друг другу идеологических полюса: сторонников реформ патриарха Никона и приверженцев «древлего благочестия» — староверов. Соборами 1666–1667 гг. староверы были осуждены как еретики, прокляты за свои религиозные убеждения, изданием ряда грозных статей царевной Софьей последователи древнерусской церкви карались самыми страшными казнями. За распространение «старой» веры велено было сжигать в срубах. Через четыре года после узаконения статей Софьи патриарх Иоаким издал указ, по которому следовало «разыскивать тайные поселения в лесах раскольников, самих ссылать, пристанища их разорять». Тысячи сторонников «старой» веры,

не принявшие религиозных нововведений, подверглись казням, ссылкам, прочим гонениям. В первую очередь репрессии коснулись наиболее видных представителей староверия. Развернувшиеся преследования приверженцев древнего благочестия со стороны официальной церкви и государственных органов власти в период правления Алексея Михайловича, царевны Софьи, Петра I вызвали массовые бегства староверов на окраины государства и даже за его пределы.

Спасаясь от преследования, староверы вынуждены были бежать на неосвоенные, слабо заселенные земли — за Урал. Алтай становится притягательным местом, куда стремились староверы различных толков.

Таким образом, в конце XVII — первой половине XVIII в. на территории Верхнего Приобья оказались первые староверы. Эта территория была привлекательна своей неосвоенностью, малочисленностью населения, плодородством земель, слабостью позиций официальных властей (как светских, так и церковных). «Можно было представить, что это была глушь в конце XVII — первой половине XVIII вв., а это как раз было время, когда в центральной России раскольникам жилось особенно тяжело» [Беликов, 1900: 1]. Как отмечает Д. Н. Беликов, на обширной территории Алтая властям трудно было уследить за процессом переселения, а официальная Церковь имела в то время крайне слабые позиции. Именно здесь староверы могли укрыться от преследований, исполнять богослужения по своим канонам и возделывать необходимую плодородную почву.

Когда именно на территорию Верхнего Приобья пришли первые староверы, установить невозможно ввиду отсутствия источников. Староверы, бежав от властей, старались уберечь от их внимания места своего обитания. По мнению Ю. С. Булыгина, первые староверы на Алтае появились приблизительно в конце XVII в. [Булыгин, 1999а: 7–8]. Впервые русское население на территории Верхнего Приобья было учтено ландратской переписью 1719–1721 гг. [Булыгин, 1999а: 7–8]. В ней не учитывались особенности конфессионального характера. Однако по более поздним спискам староверов устанавливается значительное количество среди учтенных ландратской переписи. Это позволяет сделать вывод, что староверы принимали участие в самом раннем этапе освоения Верхнего Приобья. Приняв, таким образом, участие в первоначальном заселении и освоении Алтая, староверы превратили его в региональный староверческий центр, где происходили столкновения староверов с местной администрацией, официальной церковью и карательными экспедициями. Сопротивления староверов имели пассивный характер и проявлялись в массовых и одиночных побегах в самые отдаленные и малоосвоенные места и озарялись пламенем староверческих «гарей» — массовых самосожжений, ставших наиболее частой формой протеста против притеснений, особенно в XVIII в.

Крупнейшие староверческие «гари», произошедшие на Алтае: Елунинская 1723 г. в ведомстве Белоярской слободы, Морозовская в 1725 г. в Бердском ведомстве, в деревне Новой Шадриной на реке Лосихе в 1739 г., в деревне Лепехиной на Чумыше в 1743 г. [Документы, 1997: 241–245; Покровский, 1974: 55].

В начале 20-х гг. XVIII в. неким Иоанном-вероучителем была организована обитель «Кузнецкого уезда Белоярской слободы близ деревни Язовой на острове на Чумыше».

Узнав об этом, власти направили военную команду из города Тары, а в феврале 1723 г. эта обитель была разгромлена. Староверы, увидев «войной идущих» от разгромленной обители у деревни Язовой, испугавшись такой же участи, «совокупищаяся в храмину некую 40 человек и храмину зажгоша». Спасшийся от Язовского погрома Иоанн бежал в деревню Елунину. К нему стали в большом количестве собираться сторонники «старой» веры, укреплять деревню и готовить ее, в случае неудачи в сопротивлении, к самосожжению. Вскоре к Елуниной подошел вооруженный отряд, преследовавший Иоанна. После непродолжительного штурма и отчаянного сопротивления староверы подожгли деревню. Архивные источники сохранили слова-призыв Иоанна к староверам: «Мужайтесь, и да крепится сердце ваше вси упавающе на Господа». [Документы, 1997: 242]. Число сгоревших определяется в 1100 человек. Даже если это число и завышено, то Елунинская гарь по отчаянности сопротивления и числу жертв была одной из самых значительных.

Число жертв — староверов, погибших при самосожжении в деревне Морозовой в 1725 г., Н. Н. Покровский определяет в 147 человек. [Покровский, 1974: 55].

При правительстве Бирона, которое рассматривало староверов исключительно как враждебную государству силу, происходит ужесточение преследований ревнителей древлего благочестия. На Алтае происходит ширококомасштабная операция по ликвидации всех тайных убежищ беглых. «Староверческих монахов и монахинь приказывалось развести по монастырям Сибири для увещевания, беглых поселить при казенных заводах для принудительной работы в таких местах, где б они сообщения с правоверными и их превращать в свою ересь распространять случая не имели» [Булыгин, 1999б: 27]. Во исполнение этого приказа в короткий срок были арестованы сотни староверов. Преследуемые церковными и светскими властями, староверы стали собираться в глухих местах с целью спасения, а при необходимости и самосожжения. Близ деревни Новой Шадринной Семеном Шадринным был организован укрепленный лагерь, где утаились 324 человека [Булыгин, 1999б: 27]. Однако в ноябре 1739 г. произошел штурм лагеря правительственным вооруженным отрядом, вследствие чего произошло самосожжение. В огне добровольно погибли более 300 человек.

Староверческие гари были актами отчаяния людей, не нашедших иных форм протеста. Массовые гари наносили определенный ущерб как процессу заселения Верхнего Приобья, так и производству. Неслучайно начальник Колывано-Воскресенских заводов А. В. Беэр 14 января 1748 г. писал в Сибирскую губернскую канцелярию о нехватке рабочих рук на заводе из-за церковных розысков староверов, требовал возвращения 19 арестованных староверов и подчеркивал, что именно из-за такого розыска погибли лучшие рудоискатели: «Кабанов убит, Кудрявцев сам сгорел» [Булыгин, 1999а: 7].

Об ущербе, наносимом гарями, говорит и следующий документ: в в деревне Лепехиной Белоярского ведомства крестьяне Ефим, Федор и два Ивана Лепехина с матерями в избе у Федора Лепехина приготовились к самосожжению, обложив избу сеном. «И сказывали они Лепехины, что приписаны они к Колыванским заводам в работу и из тех заводов бежали и умыслили де оне згореть в своей деревне собою, ежели де им от кого гонение будет» [Документы, 1997: 246–247]. В связи с этим Кузнецкой

воеводской канцелярией в Бийскую крепость 8 марта 1742 г. был послан указ: «чтоб за тем смотрели накрепко и в том собрании и в другие места к раскольническому собранию и сожжению никого не допускать...» О дальнейшей судьбе этих староверов пишет Д. Н. Беликов: «В 1743 году крестьяне Лепехины на Чумыше решились на самоожжение. В 1744 году в указе из Синода Митрополиту Tobольскому и Сибирскому Антонию об этом событии сообщалось: ... Кузнецкого ведомства Белоярского острога в деревне Лепехиной раскольники Федор Лепехин с матерью и детьми и прочими мужского и женского пола, всего 18 человек, собрався в одну избу, сгорели». [Покровский, 1974: 322; Беликов, 1905: 35].

В. В. Розанов дает следующую характеристику староверческим гарям: «Сама Церковь изменила вере, а народ — есть дитя веры, дитя Церкви. Горели они мучительной смертью, Христовой смертью, в венце колючем мучений, чтобы уподобиться святым, за веру пройти путь мученический, как протопоп Аввакум, и другие противники никоновских нововведений» [Розанов, 1999: 205].

Все, что делается для Бога, — не грех. «О судие праведный, прими духи наша, яко же и всех иже тебе ради от нападения и страха мучителей сами себе различным смерте предавше. И имени нам в закон истинного страдания, поистине, яко тебе ради умерщвляемся и яко же овцы от волков на смерть предаемся» — утверждали сами староверы [Документы, 1997: 241].

Как уже было отмечено выше, другой формой пассивного сопротивления староверов церковным и правительственным репрессиям был побег. Бежали семьями, группами (иногда до 80 человек) в отдаленные неосвоенные места. Призывом к бегству для них было стремление спасения не только физического, но и духовного, уход от зла и несправедливости «Царства антихриста», как утверждается в актах допросов пойманных беглецов [Кривоносов, 1988: 50–53].

Это желание жить вне зависимости от государственных и церковно-никонианских порядков способствовало распространению социальной легенды о «далекой земле справедливости и свободы». В глубине наиболее неприступных горных долин Алтая начинают создаваться тайные убежища беглецов — так называемых каменщиков. Происхождение этого названия объясняется историей первоначального появления этого населения в верховьях р. Бухтармы. Об этом писали Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова в 1930 г.: «Предки современного бухтарминского населения, состоя по преимуществу из лиц, бежавших с горных заводов Алтая и из других мест, вследствие религиозных преследований, «забежали», как там говорят, в наиболее недоступные места, в ущелья и горы, или «камни», по местной терминологии. От этого названия гор — «камни», — и происходит название данной группы старообрядцев-каменщиков» [Бломквист, Гринкова, 1930: 2]. Г. Спасский и А. Принтц писали о «каменщиках»: «Жилища, ими построенные среди дикой природы, соединявшей некоторые удобства для домашнего скота и земледелия, были со всех сторон окружены высочайшими горами и быстрыми многоводными реками. Они жили мирно, соблюдая строго старообрядческие правила веры; земля, никогда не возделанная, щедро вознаграждала труды земледельцев, звероловство давало несметные богатства, одним словом, они могли пользоваться полной независимостью привольною жизнью» [Покровский, 1974: 330].

В бухтарминской долине русское население появилось не позднее середины XVIII в. и пришло как раз в места, которые до этого были районом кочевков казахов [Бломквист, Гринкова, 1930:1] Впервые каменщики стали «гласными правительству» в 1791 г., после чего население Бухтарминского края официально вошло в состав России. «Каменщики», поселившиеся в верховьях Бухтармы и Уймоны (Катуни), не просто основали ряд поселений и положили начало старообрядческим населенным пунктам в Горном Алтае. Начав первыми осуществлять культурное и хозяйственное освоение региона, беглецы в первую очередь закладывали основу для будущей прочной колонизации этого богатого края русскими людьми, выполняли пригранично-охранительные функции. [Ильин, 2016: 95]. Известный историк Алтая Ю. С. Булыгин пишет: «В 80-х годах XVIII века отношение царской администрации к каменщикам меняется. Их начали рассматривать не только как беглых, а, следовательно, в глазах властей — преступников, но и как первопоселенцев, обживающих новую территорию и тем облегчающих ее окончательное закрепление за Россией. ... Летом 1792 года на Бухтарму были посланы землемер для описания и определения мест для земледелия и унтер-шихтмейстер для описания новой территории и переписи каменщиков. Было установлено, что всего у каменщиков было 30 населенных пунктов и в них принятых в подданство 250 душ мужского и 68 женского пола. ... Вскоре для военной охраны нового района был построен Бухтарминский редут. Присоединение Верхнего Приобья к России закончилось» [Булыгин, 1974: 24–25].

При Петре I были разорены поселения староверов на левом берегу Волги близ устья реки Керженец Нижегородской губернии. Староверы, бежавшие на Алтай, получили название «кержаков». В Сибири это название распространилось на всех староверов.

1 февраля 1762 г. Сенатом был издан указ по предотвращению самоубийств. Предписывалось в срочном порядке прекратить все следственные дела о староверах, а находившихся под караулом — отпустить. Уже 4 декабря 1762 г. был издан манифест о позволении бежавшим из России селиться в стране. 14 декабря того же года этот манифест был конкретизирован, что старообрядцев, вернувшихся из-за рубежа, не преследуют, записывают в двойной подушный оклад наравне с другими староверами, однако им предоставляется льгота в уплате других налогов на шесть лет. Для поселения им отводилась территория на Алтае, по рекам Убе, Ульбе, Березовке.

В Польше, на Ветке, в тот момент сложился крупный старообрядческий центр. Старообрядцы, будучи теснимыми правительством, бежали сначала в Стародубье, потом в Гомельский уезд за польский рубеж. Правительство неоднократно обращалось к ветковцам с приглашением вернуться на родину. После неоднократных отказов в 1735 г. был послан военный отряд, который разорил Ветку, а население было возвращено в пределы России. Но через некоторое время Ветка вновь возродилась. По утверждению Н. Н. Покровского, добровольного переселения по манифесту 1762 года (в масштабах, ожидаемых правительством) не последовало. В итоге «польские» старообрядцы были переселены в Сибирь насильно после захвата русскими войсками Ветки. Всего было переселено до 20 тысяч староверов [Курилов, Мамсик, 1998: 23]. На Алтай переселенцы прибыли в 1766 г. Часть из них поселилась в уже существовавших деревнях (Шемонаихе, Екатерининской), большинство переселенцев образовало новые деревни: Секисовскую, Бобровскую, Верх-Убинскую. Крупнейшим центром «поляков» ста-

ла деревня Староалейская. По подсчетам Н. Н. Покровского, «полторы тысячи переселенцев составили яркое и заметное пятно на этнографической карте Алтая» [Беликов, 1905: 23; Покровский, 1974: 330].

По мнению исследователей, политика насильственного заселения староверов на территории Алтая имела важное экономическое (колониальное) значение. Рост горнозаводской промышленности на Алтае, наличие здесь регулярных войск требовали развитие хлебопашества в этом регионе. Вблизи заводов необходимо было поселить достаточное количество крестьян — землепашцев, которые могли бы производить достаточное количество хлеба для нужд горнозаводского и военного населения. Правительство Екатерины II усмотрело в староверах колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватает, они исконные земледельцы, предприимчивы, трудолюбивы, трезвы, отличные общинники. Поэтому возложить на них задачу развития земледелия на Алтае было просто необходимо. На это указывают В. Н. Курилов и Т. С. Мамсик [1998: 24].

Таким образом, в результате насильственной и самовольной колонизации Алтай превратился в один из старообрядческих (в региональном и духовном смысле) центров, а вместе с тем и арену ожесточенной борьбы светских и церковных властей Российской империи с ненавистным им «расколом». «Алтайский край почти сплошь раскольнический — писал дореволюционный историк сибирского староверия Д. Н. Беликов об Алтае середины XIX в. — Православные или, по раскольническому выражению, «мирские» составляют здесь редкость, но и они, если принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой «закваской» [Должиков, 2018: 54]. Но несмотря на жесткую антистарообрядческую имперскую политику, местами имевшую откровенно репрессивный характер, именно благодаря староверам происходило культурно-хозяйственное освоение необжитого и дикого Алтая в составе Российской империи (особенно в его приграничной зоне). Ю. С. Булыгин писал: «Старообрядцы внесли значительный вклад в заселение и освоение бассейнов рек Чарыш и Алей, окрестностей Колывано-Воскресенского завода. Приверженцы старой веры приходили на эту территорию самостоятельно, а также присылались А. Н. Демидовым, укрывавшим нужных ему людей от развернувшихся на Урале преследований. Среди раскольников, осевших на Колывано-Воскресенских заводах или в окрестных деревнях, были талантливые организаторы, знатоки горнорудного дела. Они внесли солидный вклад в организацию работы демидовских предприятий в Верхнем Приобье» [Булыгин, 1999а: 24–25].

Доктор исторических наук, профессор В. А. Должиков дает высокую оценку самовольному освоению Алтая староверами и утверждает: «Это обстоятельство упорно замалчивалось не одним поколением «историков-марксистов», унаследовавших от своих предшественников казенно-бюрократическую концепцию заселения региона русскими крестьянами. Вольнонаемный характер колонизации Верхнего Приобья традиционно отрицался, зато преувеличивалась и раздувалась роль агентов царского правительства в «освоении» природных ресурсов края» [Должиков, 1992: 58].

По убеждению служителей официального православия, «поляки» и «каменщики» являлись «более упорными фанатиками» в деле отстаивания своих духовных основ

[Ильин, 2012: 85], благодаря чему смогли сохранить свою культуру, быт и духовность русских староверов. Староверы не просто способствовали хозяйственному освоению алтайской территории и закреплению ее в составе Российской империи, они вдохнули в Алтай «русский дух». В. А. Должиков утверждает: «...каменщикам удалось решить проблему самоуправления, создав продуманную организацию выборной общественной власти, которая формировалась «снизу» из наиболее авторитетных членов соседского коллектива. ... В хозяйственной деятельности они добровольно руководствовались принципами реального, а не мнимого коллективизма. Тот же Гуляев отмечает, что «каменщики-горцы» сохранили многие хорошие качества русского народа» [Должиков, 1992: 60–61]. Здесь (и не только), на алтайской земле, старообрядцы смогли сохранить и реализовать свои идейные основы общественного устройства, основанного на русском православном традиционализме [Ильин, 2015: 128–132]. Выражение «Алтайская Русь» В. А. Должиков применяет в отношении дореволюционного Алтая [1992: 57–62].

Таким образом, в результате как насильственной, так и самовольной колонизации Алтай превратился в один из старообрядческих центров. Несмотря на жесткую «противораскольническую» имперскую политику, местами имевшую откровенно репрессивный характер, именно староверы внесли существенный вклад в культурно-хозяйственное освоение необжитого и дикого Алтая в составе Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. 69 с.
- Беликов Д. Н. Томский раскол // Известия Томского университета. Т. 16. 1900.
- Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. 460 с.
- Булыгин Ю. С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освоении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество. Барнаул, 1999. С. 6–24.
- Булыгин Ю. С. Официальное православие и старообрядчество на Алтае в XVIII в. // Старообрядчество. Барнаул, 1999. С. 24–43.
- Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.
- Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае XVII–XX вв. Барнаул, 1997. 407 с.
- Должиков В. А. Алтайская Русь // Русская идея. Барнаул, 1992. С. 57–63.
- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 52–64.
- Ильин В. Н. «Старообрядческий вопрос» в Российской империи 1666–1905 гг. // Ученые записки Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Вып. 12–13. Барнаул, 2016. С. 89–110.
- Ильин В. Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4/2 С. 85–91.
- Ильин В. Н. Церковный раскол и русский православный традиционализм // Известия Алтайского гос. ун-та. 2015. № 4/1. С. 128–132. DOI 10.14258/izvasu (2015) 4.1–19.

Кривоносов Я. Е. Документы Государственного архива Алтайского края о побегах крестьян и работных людей в «Алтайские урочища». В поисках Беловодья. Духовные уроки // Гуляевские чтения. Барнаул, 1988. С. 50–53.

Курилов В. Н., Мамсик Т. С. Поляки рудного Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 23–28.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 392 с.

Розанов В. В. Купол храма // Собрание сочинений. М., 1994. 476 с.

REFERENCES

Belikov D. N. *Starinnyi raskol v predelakh Tomskogo kraia* [An ancient schism within the Tomsk Territory]. Tomsk, 1905. 69 s. (in Russian).

Belikov D. N. *Tomskii raskol. Izvestiia tomского universiteta* [Tomsk split. News of Tomsk University]. 1900. Т. 16. 58 s. (in Russian).

Blomkvist E. E., Grinkova N. P. *Bukhtarminskie staroobriadtsy* [Bukhtarma Old Believers]. Leningrad, 1930. 460 s. (in Russian).

Bulygin Iu. S. *O roli raskol'nikov-staroobriadtsev v pervonachal'nom zaselenii i osvoenii russkimi liud'mi Verkhnego Priob'ia v pervoi polovine XVIII v.* [About the role of schismatics-Old Believers in the initial settlement and development by the Russian people of the Upper Ob region in the first half of the XVIII century]. *Staroobriadchestvo* [Old Believers]. Barnaul, 1999. S. 6–24 (in Russian).

Bulygin Iu. S. *Ofitsial'noe pravoslavie i staroobriadchestvo na Altae v XVIII v.* [Official Orthodoxy and Old Believers in Altai in the 18th Century]. *Staroobriadchestvo* [Old Believers]. Barnaul, 1999. S. 24–43 (in Russian).

Bulygin Iu. S. *Pervye krest'iane na Altae* [The first peasants in Altai]. Barnaul. 1974. 144 s. (in Russian).

Dokumenty po istorii tserkvei i veroispovedanii v Altaiskom krae XVII–XX vv [Documents on the history of churches and religions in the Altai Territory of the XVII–XX centuries]. Barnaul, 1997. 407 s. (in Russian).

Dolzhikov V. A. *Altaiskaia Rus'* [Altai Russia]. *Russkaia ideia* [Russian idea]. Barnaul, 1992. S. 57–63 (in Russian).

Dolzhikov V. A. N. M. *Iadrintsev ob etnokul'turnom vzaimodeistvii krest'ian-staroobriadtsev Russkogo Altaia s aborigennym naseleniem* [Yadrintsev about the ethnocultural interaction of the peasants of the Old Believers of the Russian Altai with the indigenous population]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. Barnaul, 2018. № 2 (15). S. 52–64 (in Russian).

Il'in V. N. "Staroobriadcheskii vopros" v Rossiiskoi imperii 1666–1905 gg. ["Old Believer Question" in the Russian Empire 1666–1905]. *Uchenie zapiski Altaiskogo filiala Rossiiskoi Akademii narodnogo Khoziaistva i Gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii* [Learning notes of the Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation]. Barnaul, 2016. Vyp. 12–13. S. 89–110 (in Russian).

Il'in V.N. *Edinoverie v XIX v. na territorii Tomskoi gubernii* [Unity in the 19th century in the territory of Tomsk province]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. №4/2. S. 85–91 (in Russian).

Il'in V.N. *Tserkovnyi raskol i russkii pravoslavnyi traditsionalizm* [Church schism and Russian Orthodox traditionalism]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. 2015. №4/1. S. 128–132 (in Russian).

Krivososov Ia. E. *Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Altaiskogo kraia o pobegakh krest'ian i rabotnykh liudei v "Altaiskie urochishcha". V poiskakh Belovod'ia. Dukhovnye uroki* [Documents of the State Archive of Altai Territory on the escapes of peasants and working people to the "Altai tracts." In search of Belovodye. Spiritual lessons]. *Guliaevskie chteniia* [Gulyaev readings]. Barnaul, 1988. S. 50–53 (in Russian).

Kurilov V.N., Mamsik T.S. *Poliaki rudnogo Altaia: istoriograficheskii mifi demograficheskaia real'nost'* [Poles of Ore Altai: a historiographic myth and demographic reality]. *Etnografiia Altaia i sopredel'nykh territorii* [Ethnography of Altai and adjacent territories]. Barnaul, 1998. S. 23–28 (in Russian).

Pokrovskii N.N. *Antifeodal'nyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-starobriadtsev v XVIIIv. References* [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century]. Novosibirsk, 1974. 392 s. (in Russian).

Rozanov V.V. *Kupol khrama. Sobranie sochinenii* [The dome of the temple. Collected works]. M., 1994. 476 s. (in Russian).

Цитирование статьи:

Ильин В. Н. Старообрядчество Алтая в контексте репрессивной политики имперских властей // Народы и религии Евразии. 2019. №4 (21). С. 105–114.

Citation:

Ilyin V.N. Old Believers of Altai in the context of repressive policy of the Imperial authorities. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. №4 (21). P. 105–114.

УДК 094

DOI: 10.14258/nreur(2019)4-09

К. С. Матыцин*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ЛЕГЕНДЫ О БЕЛОВОДЬЕ У СТАРООБРЯДЦЕВ АЛТАЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Автор выделяет и рассматривает исторические этапы легенды о Беловодье, бытовавшей преимущественно в среде старообрядцев. На протяжении конца XVIII — начала XX в. в сознании старообрядцев Беловодье располагалась на различных территориях — от Бухтармы и до Китая и Японии. Таким образом, каждый этап был выделен на основе смены представлений о территориальном расположении Беловодья. Уделяется внимание религиозным аспектам легенды, благодаря которым было определено, что в XVIII в. взятая на вооружение сибирскими старообрядцами легенда о Беловодье сначала легла в основу идеологии этнографической группы алтайских «каменщиков», а затем распространилась среди старообрядцев Урала и европейской части России. Отмечено и то, что на распространение и трансформацию легенды о Беловодье значительно повлияли политические события в Российской империи, такие как переход Колывано-Воскресенских заводов под управление Кабинета и репрессивные действия, проводимые по отношению к старообрядцам при Николае I. Из-за динамических, многосторонних и нелинейных изменений внутри старообрядчества XIX — начала XX в. легенда о Беловодье становится разнообразной.

Ключевые слова: Беловодье, «Путешественник», старообрядчество, Алтай, Беловодская иерархия, Белокриницкое согласие, Рерих.

K. S. Matytsin*Altai State University, Barnaul (Russia)*

THE HISTORICAL STAGES OF THE LEGENDS ABOUT BELOVODYE OF OLD BELIEVERS OF ALTAI: A HISTORIOGRAPHICAL ASPECT OF RESEARCH

In the article, the author identifies and considers the historical stages of the legend of Belovodye, which existed mainly among the Old Believers. Throughout the late XVIII — early

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

XX centuries. In the minds of the Old Believers Belovodye was located in various territories — from Bukhtarma to China and Japan. Thus, each stage was distinguished based on changes in ideas about the territorial location of Belovodye. The article also focuses on the religious aspects of the legend, thanks to which it was determined that in the XVIII century the legend about Belovodye, adopted by the Siberian Old Believers, first formed the basis of the ideology of the ethnographic group of the Altai “kamenschiks”, and then spread among the Old Believers of the Urals and the European part of Russia. It was also noted that the distribution and transformation of the legend of Belovodye was significantly influenced by political events in the Russian Empire, such as the transfer of the Kolyvano-Voskresensky factories to the Cabinet and the repressive actions carried out in relation to the Old Believers under Nicholas I. Thus, thanks to the dynamic, multilateral and non-linear changes inside the old believers XIX — beg. XX centuries the legend of Belovodye does not appear as a general picture.

Key words: Belovodye, “Puteshestvennik”, Old Believers, Altai, Belovodskaya hierarchy, Belokrinitsky soglasiye, Roerich.

Матыцин Кирилл Сергеевич, аспирант, лаборант-исследователь лаборатории этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: cyril.matytsin@gmail.com.

Представления о вольной земле под названием Беловодье лежат в основе причины побега приписных к Колыванно-Воскресенским заводам и идеологии этнографической группы — алтайских «каменщиков». Важно отметить, что в данной статье мы не будем придерживаться трактовки Беловодья как социальной утопии. В частности, историк В. Н. Ильин задает вопросом: «Можно ли назвать утопистом человека, который бежал в Беловодье, нашел его, прожил там 30 лет, воспитал детей?» [Ильин, 2014: 37]. С философско-религиозной стороны, по мнению Е. Е. Дутчак, концепцию поиска Беловодья можно охарактеризовать формулой «исход — путь — обретение», где «исход» является начальной точкой движения старообрядцев. Беловодье имеет библейскую основу и ассоциируется с библейским повествованием об освобождении сынов Израилевых от египетского плена. В рамках этой легенды «исход» воспринимается как бегство из мира, символизирующего Вавилон, царство антихриста. «Путь» ассоциируется с движением ко «спасению» [Дутчак, 2007: 25–27]. В рамках этой концепции поиск старообрядцем Беловодья также не рассматривается стремлением к утопии. Беловодье прочно вписывается в рамки старообрядческой сотериологии (учении о спасении). Поэтому предания о существовании Беловодья захватили умы крестьян, проживающих не только на территории Алтая, но и за его пределами.

Первый этап легенды о Беловодье является наименее изученным. Он характеризуется тем, что представление о Беловодье возникло раньше, чем образовалась этнографическая группа бухтарминских «каменщиков», в основе идеологии которых лежала идея поиска Беловодья. По мнению этнографа имперского периода С. И. Гуляева, первоначально большая часть Алтая, находившаяся за границами Российской империи, до создания Колывано-Кузнецкой линии, именовалась Беловодьем среди мигрировав-

ших сюда людей (старообрядцев; скрывавшихся от государственных повинностей; занимавшихся зверопромыслом; укрывавшихся от наказания, налогов; и тех, кто стремился свободно торговать с инородцами из северо-восточных областей России [Гуляев, 1845. № 20. С. 85–86; № 21. С. 89–90; № 22. С. 94–96; № 27. С. 117–118; № 28. С. 120–122; № 29. С. 125–126; № 30. С. 129–130].

Второй этап легенды о Беловодье был отмечен тем, что после того, как была возведена Кольвано-Кузнецкая линия, а рудодобывающие заводы с приписанным к ним населением перешло под управление Кабинета, под Беловодьем стали понимать горную, непроходимую территорию Бухтармы, располагающуюся за пределами оборонительной линии. Первыми, кто стремился бежать в «новое Беловодье», были старообрядцы [Принтц, 1863: 545–546]. Основной мотив поиска Беловодья среди старообрядцев заключался в сотериологическом представлении, сформировавшемся у заводских крестьян и приписных рабочих: «Долина таинственной Бухтармы являлась для них той «пустыней», где они надеялись обрести спасение. Горы Алтая скрывали их от взоров господствовавшего в мире антихриста. Фантастическое «Беловодье» рисовало им картину полного благополучия, того земного рая, «где Господь Бог щедрой рукой рассыпал всякого добра на поживу человека»» [Герасимов, 1911: 5].

После народной колонизации началась государственная, шедшая вслед народной. В итоге самовольные поселения после их обнаружения превращались в официальные. Но уступки власти после обложения ясаком разрешавшей жить на прежних местах, не меняли отношения к ней. Власть в глазах старообрядца оставалась «антихристовой», что провоцировало его к дальнейшим странствиям и поискам Беловодья. Так начался третий этап существования легенды.

Третий этап представления о Беловодье характеризуется массовыми побегами крестьян, проживающих на территории Алтая, которые отражены в материалах судебных разбирательств о побегах 1826–1828 гг., неосуществленного побега в 1839 и 1840 гг. По мнению Т. С. Мамсик, крестьяне, предпринимавшие побеги, мечтали поселиться за границей Российской империи, на свободной территории, не платить подушной подати и не нести прочих повинностей, а когда будут обнаружены, то испросить прощения и поступить на выгодных для них условиях на ясажное положение [Мамсик, 1987: 180]. Не все крестьяне, которые осуществляли побег, проживали в поселениях бухтарминских или уймонских «каменщиков». Например, лица, участвовавшие в побегах в указанный период, являлись жителями сел и деревень Малый Башцелак, Большой Башцелак, Чечулиха, Бутачиха, Солонешное, Солоновка, Сибирячиха и др. Конфессиональный состав «беловодских экспедиций» также не был однородным: в побегах участвовали представители стариковского, поморского, софонтиевского и других согласий. При этом поиски Беловодья проходили через Уймон и при участии уймонских старообрядцев [ГААК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14]. Таким образом, движение алтайских «каменщиков» уже представлялось не в узких территориальных рамках Бухтармы и Уймоны, а в пределах Алтая.

Безуспешные попытки добраться до Беловодья были совершены «каменщиками» и во второй половине XIX в. У беглецов не было определенного представления о местоположении Беловодья, оно могло располагаться за Енисеем, на озере Лоб-Нор, в пре-

делах Китая [Потанин, 1864: 150–151]. Так, в 1861 г. на поиски отправился отряд беглецов-«каменщиков» из Бухтармы под предводительством крестьянина Боброва. Побывав в Китае, старообрядцы были принуждены вернуться назад в деревню Сенную [Ядринцев, 1886: 42]. Также старообрядцы Бухтармы часто выезжали на новое место жительства к озеру Маркакулю и реке Кабы, а в 1897 г. старообрядцы деревни Коробихи совершили неудачную попытку в поисках Беловодья в верховьях Енисея [Герасимов, 1911: 9].

Четвертый этап легенды связан с хождением среди старообрядцев письменных путеводителей или «Путешественников». В них сообщалось о Беловодье, располагающемся на японских островах. По мнению Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой, на формирование легенды о Беловодье как территории в Японском государстве, возможно, повлияли предания о распространении христианства (манихейства и несторианства) в III–V в. в Средней Азии, Китае, Индии, Цейлоне и Монголии [Бухтарминские старообрядцы, 1930: 36]. Кризис старообрядчества в XIX в. из-за проводимой Николаем I политики вызвал прием беглых священников, осуществляемый беглопоповцами. В результате это послужило стремлению найти «сохранившееся» духовенство на Востоке.

Первый список «Путешественника» был опубликован в 1862 г. А. П. Щаповым. Историк предварил его следующим комментарием: «Бегствующие странники, или бегуны-бродяги, имели сведения о всех этих пристанях и пристанодержателях. У них есть свои маршруты, или путники. Приведем для образца один маршрут по Сибири в какую-то азиатскую, неведомую страну, и при маршруте пригласительное письмо» [Щапов, 1862: 277–278]. Таким образом, А. П. Щапов связал «Путешественник» со странническим согласием. Позднее мнение А. П. Щапова о создании «Путешественника» в среде бегунов повторил ярославский историк-краевед Л. Н. Трефолев [1866: 211]. Исследователь П. И. Мельников также комментирует текст «Путешественника», приводя сведения о задержании старообрядцев, которые утверждали, что на японских островах живет много русских людей старообрядческого вероисповедания, а один из задержанных, «неизвестный «бродяга» из керженских скитов», называл себя подданным Японского государства» [Мельников, 1864: 40–42].

Этнограф А. Н. Белослюдов заметил, что «руководствуясь подобными маршрутами в поисках Беловодья, пробираются они (старообрядцы. — К. М.) через леса и степи в северные предгорья Алтая, верховья реки Бухтармы, трудными горными тропами переваливают выси гор, проходят пустыни, забираются вглубь Китая на берега Лоб-Нора, идут дальше, гибнут, оставляя после себя легенды» [Белослюдов, 1916: 32–33]. Свое высказывание А. Н. Белослюдов подтвердил примером путешествия в поисках Беловодья главы старообрядцев Бухтармы Ассона Зырянова, который в 1861 г. из деревни Белой с отцом и группой старообрядцев отправились на поиски Беловодья. По пути группа разделилась на две части. Одна часть пошла до Турфана, другая — до китайского озера Улюнгур. Ассон Зырянов был во второй группе, не найдя Беловодья, старообрядцы приняли решение вернуться обратно в деревню Белую. Из первой группы никто не вернулся [Белослюдов, 1916: 33–34].

Также подобно А. П. Щапову и П. И. Мельникову Д. Н. Беликов опубликовал текст «Путешественника», отобранного у приписных крестьян Уфимского уезда Оренбург-

ской губернии, бежавших в Алтайский край [Беликов, 1900: 140–144]. Наряду с этими текстами в публикациях XIX — начала XX в. встречаются пересказы «Путешественника», предположительно основанные на текстах других списков. Например, пересказы можно обнаружить также в трудах Д. Н. Беликова и уральского казака Г. Т. Хохлова [Хохлов, 1903: 13].

В 30-е гг. XX в. М. Н. Сперанским был выявлен список «Путешественника», входящий в сборник Исторического музея № 1561 [Сперанский, 1930: 438]. В опубликованной статье упоминаемый «Путешественник» не рассматривается М. Н. Сперанским в связи с «каменщиками» — сибирскими старообрядцами. Целью исследования является сравнение «Путешественника» с другим памятником древнерусской мысли — «Сказанием об Индийском царстве».

Полноценное изучение и анализ списков «Путешественника» началось в 60-х гг. XX в. В 1960 г., благодаря археографической информации о усть-цилемских сборниках XIX–XX вв., опубликованной В. И. Малышевым, в научный оборот были введены два новых списка «Путешественника». В. И. Малышев при этом указал, что тексты этих списков имеют некоторое сходство с текстом, изданным П. И. Мельниковым [Малышев, 1960: 121–122]. Значительный вклад в исследование «Путешественников» внес К. В. Чистов. Он писал, что четвертый этап легенды о Беловодье мог «возникнуть только после присоединения первоначального Беловодья — Бухтармы и Уймоны — к России (то есть после 1791 г.)» [Чистов, 2003: 300]. Он связал его с первыми известиями о беловодской легенде, поступившими в начале XIX в. в Министерство внутренних дел. Ссылаясь на работу Н. Варадинова, К. В. Чистов писал, что «в 1807 г. приехал из Томской губернии помещик Бобылев и донес Министерству, что он проведал о живущих на море в Беловодье старообрядцах, российских подданных, которые бежали туда по причине раздоров, происходивших за веру при царе Алексее Михайловиче, во время Соловецкого возмущения» [Чистов, 1962: 119]. Согласно Бобылеву, Беловодье располагалось в 500 тысячах верст и более от Бухтарминской волости. Четвертый этап легенды о Беловодье К. В. Чистов вслед за А. П. Щаповым (или опираясь на него?) связал с бегунским (странническим) согласием, которое историк обозначил в качестве «крестьянской анархистской религиозно-общественной организации», благодаря которой переписывали и распространяли среди старообрядцев текст «Путешественника». На момент своей публикации «Легенда о Беловодье» в 1962 г., К. В. Чистову было известно всего семь списков «Путешественника», включая дореволюционные находки. Рассматривая списки, К. В. Чистов выделил три редакции «Путешественника»: северорусская, сибирская и щаповская. По замечанию К. В. Чистова, три редакции имеют ряд различий. В северорусской редакции в качестве автора «Путешественника» мы встречаем инок Марка Топозерского, тогда как в двух других редакциях вместо Марка выступает Михаил [Чистов, 1962: 120–140].

Благодаря классификации «Путешественника» появилась возможность определить регионы, из которых происходила миграция старообрядцев на Алтай. Здесь стоит отметить вклад археографических поездок в определение территорий, с которых происходила миграция старообрядцев. Так, в период с 1960 по 1980 г. были обнаружены новые списки «Путешественника» — в селе Медвежье (Печерский район Коми), Д. М. Ба-

лашевым и Ю. К. Бегуновым, а в деревне Верхней Язьве Красновишерского района Пермской области Е. М. Сморгуновой [Балашов, Бегунов, 1962: 420–425; Сморгунова, 1999: 216–218].

К. В. Чистов считал, что «для правильного понимания легенды важно отметить, что маршрут «Путешественника» до Бийска совпадает с одним из традиционных в XIX веке направлений переселенческого движения из северной и средней части европейской России в Сибирь: Казань — Екатеринбург — Тюмень — Бийск» [Чистов, 1962: 151].

Исследователь связал текст «Путешественника» с алтайскими «каменщиками», указывая, что «анализ маршрута, зафиксированного в списках «Путешественника», и изложение истории многочисленных попыток поисков Беловодья систематически приводили нас на Алтай, точнее, в Бухтарминскую и Уймонскую долины юго-восточного Алтая» [Чистов, 1962: 160]. Поиск Беловодья К. В. Чистов видел в попытках «каменщиков» отстаивать свое особое положение, с которым чиновничество Томской губернии все менее считалось. Так по мнению историка с 1791 по 1878 гг. (до ликвидации всех льгот) бухтарминцам приходилось открыто оказывать сопротивление властям или совершать побег в горы в поисках легендарной страны. В итоге Бухтарма и Уймон превратились в сборные пункты для всех, кто стремился попасть в Беловодье. Хотя при этом К. В. Чистов и придерживался мнения о том, что легенда о Беловодье изначально возникла в кругу беспоповцев страннического согласия, в своей работе отметил, что она была подхвачена старообрядцами других согласий и крестьянами с «размытыми» профессиональными представлениями, принадлежащими к так называемому народному христианству [Чистов, 1962: 163–177].

В 1974 г. при описании собрания Барсова [РГБ. Ф. 17], И. М. Кудрявцевым обнаружен список в сборнике № 184. Описав сборник, Кудрявцев, аналогично Н. М. Сперанскому, не провел параллели текста с алтайскими «каменщиками» [Кудрявцев, 1974: 100–101]. Текст позже проанализировал А. И. Клибанов. Историк изучил состав сборника, в который входил «Путешественник». Он заметил, что список маршрутника существовал совместно с легендой о Китеже. Также в сборнике был другой текст «Дорога за границу», в котором описываются маршруты в Турцию, Молдавию и в Австрию, где существовало старообрядческое священство. При этом А. И. Клибанов замечает, что «Путешественник» «есть та же «Дорога за границу». Беловодье нашло место среди других стран, населенных такими же «беловодцами», но в Турции, Молдавии, Австрии» [Клибанов, 1977: 221–222]. Как и К. В. Чистов, А. И. Клибанов соотносил существование легенды о Беловодье со странническим согласием и с алтайскими «каменщиками». В контексте исследования списка «Путешественника» историк также рассмотрел донесение Дементия Матвеевича Бобылева, но уже по архивному источнику [ЦГИА. Ф. 1284. Оп. 195. Ед. хр. 1]. В своей работе А. И. Клибанов добавил, что своим посланием крестьянин стремился донести до представителей власти желание старообрядцев вернуться на родину на условии обеспечения свободы вероисповедания и права селиться в избранных ими населенных пунктах. И в случае гарантий со стороны власти Бобылев предлагал себя в качестве организатора возвращения беглецов [Клибанов, 1977: 221–222].

Дополнительно приводится еще одно известие о Беловодье, поступившее в 1807 г.: «томский купец Мефодий Шумилов обратился к министру внутренних дел с донесением, в котором сообщал о старообрядцах, живущих на границе Индии и Китая, на расстоянии 15 дней пути от Бухтарминской крепости. Количество проживающих там старообрядцев, по его свидетельству, было не менее 200 тыс. человек» [Клибанов, 1977: 223].

В 1980 г. В. Ф. Лобановым был обнаружен новый список «Путешественника», хранящийся в фонде РГИА. Проанализировав его, исследователь пришел к выводу, что в тексте упоминаются реальные лица, жившие в алтайских деревнях Устюба, Ая, Уймонская. Это Петр Кириллов (Машаров) и инок Иосиф, помогавшие тем, кто искал легендарное Беловодье. Факт, что инок Иосиф (Гудков) появился на Алтае около 1810–1815 гг. В. Ф. Лобанов смог утверждать, что список «Путешественника» и, соответственно, четвертый этап легенды о Беловодье не мог появиться ранее XIX в. Тем самым принятая в научных кругах датировка «Путешественника» благодаря К. В. Чистову и А. И. Клибанову подверглась сомнению [Лобанов, 1980: 208–211].

Интересным будет замечание Н. Н. Покровского по поводу старообрядческого согласия, благодаря которому начали распространяться списки «Путешественника» в XIX в. С одной стороны, Н. Н. Покровский считал справедливым тщательный анализ, проведенный К. В. Чистовым, результатами которого послужил вывод, что распространяющиеся слухи о вольной жизни старообрядцев на Алтае соединились с легендой о Беловодье и агитацией представителей страннического согласия. С другой стороны, Н. Н. Покровский считал, что поиски Беловодья имели свою предысторию, которую следует искать в XVIII в. Согласно мнению этого ученого, возникший в Тюмени «девятинский» толк — радикальное направление в софонтиевщине (часовенное согласие) мог иметь отношение к «Путешественнику», так как основатель данного толка Михаил Васильевич Девятин, не раз проделывавший путь от Урала до Алтая, во время задержания имел при себе рукописи с описанием маршрута и крестьян, укрывающих беглецов-старообрядцев [Покровский, 1974: 331].

Проблему возникновения текста «Путешественник» рассматривала и Т. С. Мамсик. Согласно ее взглядам, пришедшие на Уймон, могли стоять у истоков образования текста, так как они стремились создать «истинную церковь» в Азии, за пределами Российской империи: «источники позволяют предполагать, что с уходом на Беловодье Орлов связывал возможность отыскания (или создания?) бывшими беспоповцами-поморцами нового для них типа социально-религиозной организации, в рамках которой иерархия получила бы наконец прочное место» [Мамсик, 1987: 196–197].

В начале XXI в. попытку описать географию бытования текстов «Путешественника» предпринял А. А. Чувьуров. Из известных ему 14 списков «Путешественника» шесть рукописей он относит по бытованию к европейской части России (из них три списка — к Архангельской губернии, один — Пермской губернии), две рукописи имеют западносибирское происхождение, место бытования остальных неизвестно [Чувьуров, 2011: 225]. Также в постсоветский период был обнаружен ряд списков «Путешественника». В 2004 г. в статье К. В. Чистова и А. А. Чувьурова был опубликован список «Путешественника» из Рязанской области (Елатьевский район, село Сабурово) [Чистов,

Чувьюров, 2004: 251–256]. В 2007 г. В. А. Трусов обнаружил список «Путешественника» в составе дела по бегству крестьян из Ревдинского завода в Беловодье. В списке начало данного маршрута начинается с Екатеринбурга [Трусов, 2007: 234–241]. В 2015 г. Ю. Д. Рыковым был опубликован ярославский список «Путешественника» [2015: 11–57]. Последний список путешественника был обнаружен в 2018 г. в Солонешенском краеведческом музее, его проанализировал автор данной статьи [Матыцин, 2019: 91–103].

Убежденность существования Беловодья на Японских островах послужила возникновению Беловодской иерархии в последней четверти XIX в. Ее основателем выступал лже-епископ Аркадий, который, как он заверял, был в «Опоньском государстве» и рукоположен в сан славянобеловодским патриархом Мелетием. Активность Аркадия на Урале подтолкнула местных казаков-старообрядцев к новым поискам Беловодья. Несмотря на то, что Беловодье не было обнаружено ими ни в Индии, ни в Китае, ни на Дальнем Востоке, ни в Сибири, Аркадий продолжал пользоваться популярностью и организовывать «беловодские» приходы. Беловодская иерархия просуществовала до начала XX в. и трансформировалась затем в одну из ветвей катакомбного единения [Данилко, 2014: 22].

Помимо описанных выше этапов легенды, существовали и *другие представления о Беловодье*. С возникновением и распространением Белокриницкого согласия под Беловодьем некоторые старообрядцы Алтая стали понимать Белую Криницу [Бухтарминские старообрядцы, 1930: 36]. Другое представление о Беловодье было отмечено этнографом С. С. Савоскулом. Согласно его исследованию, у уймонских старообрядцев в начале XX в. появились новые представления о Беловодье. Они возникли благодаря Центральноазиатской экспедиции Рерихов. В рамках экспедиции Н. К. Рерих посетил Алтай. Сообщения русских путешественников XIX в., изучавших беловодскую легенду, не прошли мимо внимания Н. К. Рериха. Он отождествил Беловодье с легендарной тибетской страной Шамбалой. Считая, что маршрут до Беловодья был специально запутан старообрядцами, Н. К. Рерих помещает его среди Гималайских гор. Впоследствии жители-старообрядцы Уймонской долины стали уверять, что Беловодье располагается не на островах Японского моря, а между Индией и Китаем. По заверению старожилов Уймона А. В. Атамановой и Ф. С. Бочкаревой, сам Н. К. Рерих был в Беловодье, где остановился на три дня [Савоскул, 1983: 99]. На современном этапе легенда о Беловодье продолжает привлекать внимание в основном сторонников новых религиозных движений.

В заключение стоит отметить, что легенда о Беловодье затрагивалась исследователями имперского, советского и российского периодов истории России. В имперский период легенда о Беловодье была рассмотрена представителями двух противоположных идеологических лагерей — консерваторами и народниками. Консерваторы в старообрядцах, отправлявшихся на поиск Беловодья, видели антигосударственное движение, не признававшее монархию. Народники же отмечали желание крестьян обрести независимость из-за гнета со стороны имперской власти. Тем не менее обе стороны в своих трудах отразили четыре этапа существования легенды о Беловодье. В советский период исследования складывались под влиянием марксистско-ленинской идеологии, а поиск Беловодья рассматривался как антифеодальный протест. Советскими учеными де-

тально был рассмотрен четвертый этап легенды о Беловодье. В итоге в академических кругах была принята точка зрения о влиянии страннического согласия на возникновение четвертого этапа легенды. В российский период произошел пересмотр концепций советского периода. Научные споры возникли и остаются вокруг концепции Беловодья как утопии и влияния на легенду страннического согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балашов Д. М. Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1962. Т. 18. С. 420–425.

Беликов Д. Н. Томский раскол (Исторический очерк от 1834 по 1880 годы) // Известия Императорского Томского ун-та. Томск, 1900. Вып. 16. С. 1–247.

Белослюдов А. Н. К истории «Беловодья» // Записки ЗСО ИРГО. 1916. Т. XXXVIII. С. 32–35.

Бухтарминские старообрядцы. Вып. 17. Л. : АН СССР, 1930. 464 с.

Герасимов Б. Г. В долине Бухтармы (Краткий историко-географический очерк с 3 таблицами цифр) // Записки Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО. 1911. Вып. V. С. 1–125.

Государственный архив Алтайского края. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. 1845.

Данилко Е. С. Патриарх из Беловодья: новые исследования старообрядческой утопии // Религия в истории народов России и Центральной Азии : материалы II Международной научной конференции. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 21–23.

Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2007. 414 с.

Ильин В. Н. Политика государственной власти и официальной церкви в отношении старообрядцев на территории Томской губернии в 1832–1905 гг. Барнаул : Азбука, 2014. 167 с.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М. : Наука, 1977. 335 с.

Кудрявцев И. М. Описание собрания Е. В. Барсова (ф. 17). М., 1974.

Лобанов В. Ф. Новый список «Путешественника» инока Михаила // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 208–211.

Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XVII вв. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1960. 214 с.

Мамсик Т. С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск : Наука, 1987. 270 с.

Матыцин К. С. Старообрядческий список «Путешественника» из коллекции Солонешенского музея (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2019. № 1 (18). С. 91–103.

Мельников П. И. Исторические очерки по истории поповщины. СПб., 1864. Ч. 1.

Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 397 с.

Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1864. С. 150–151.

Принтц А. А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминский волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки ИРГО по общей географии. 1867. Т. 1. С. 543–582.

Рыков Ю. Д. Ярославский список «Путешественника» Марка Топозерского // Книжная культура Ярославского края — 2014. Ярославль, 2015. С. 11–57.

Савоскул С. С. Н. К. Рерих и легенда о Беловодье // Советская этнография. 1983. № 6. С. 88–101.

Сморгунова Е. М. Исход староверов вчера и сегодня: уход от мира и поиски земли обетованной // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С. 211–219.

Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве // Известия АН СССР по русскому языку и словесности. М. : АН СССР, 1930. Т. 3, кн. 2. С. 282–283.

Трефолев Л. Н. Странники. Эпизод из истории раскола. Ярославль, 1866. 114 с.

Трусов В. А. Три списка с рукописи «Путешественника» Марко Топозерского // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Т. 2. С. 234–241.

Хохлов Г. Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб.: Герольд, 1903. 112 с.

Чистов К. В. Легенда о Беловодье // Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 35. Петрозаводск, 1962. С. 116–181.

Чистов К. В. Русская народная утопия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.

Чистов К. В., Чувьуров А. А. Список «Путешественника» из Рязанской губернии // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. 3. М. : ГИМ, 2004. С. 251–256.

Чувьуров А. А. «Путешественник Марка Топозерского»: география бытования рукописных сборников // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова. СПб. : МАЭ РАН, 2011. С. 218–232.

Щапов А. П. Земство и раскол. Вып. 1. СПб.: Общественная Польза, 1862. 161 с.

Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец — дипломат и воин // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному Обозрению». СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1886. Кн. 1. С. 21–47.

REFERENCES

Balashov D. M. *Poezdka za rukopisiami v Pechorskii raion Komi ASSR v 1960 g.* [Manuscript expedition to the Pechora region of the Komi ASSR in 1960]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. M.; L., 1962. T. 18. S. 420–425 (in Russian).

Belikov D. N. *Tomskii raskol: Istoricheskii ocherk ot 1834 po 1880 g.* [Tomsk Schism: The Historical Sketch from 1834 to 1880]. Tomsk, 1901. Vyp. 16. 247 s. (in Russian).

Belosludov A. N. K istorii “Belovod’ia” [To the history of “Belovodye”]. *Zapiski ZSO IRGO* [Notes of ZSO IRGO]. 1916. T. XXXVIII. S. 32–35 (in Russian).

Bukhtarminskie staroobriadtsy [Bukhtarma Old Believers]. L.: AN SSSR, 1930. Vyp. 17. 464 s. (in Russian).

Gerasimov B. G. V doline Bukhtarmy: Kratkii istoriko-etnograficheskii ocherk [In the Bukhtarma Valley: The Brief Historical and Ethnographic Essays]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela ZSORGO* [Notes of Semipalatinsk Section of ZSORGO]. Semipalatinsk, 1911. Vyp. 5. S. 1–125 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [State Archive of the Altai territory]. Fund. 2. Inventory. 2. File 14 (in Russian).

Guliaev S. I. Altaiskie kamenshchiki [Altai Old Believers-kamenshchiki]. *Sankt-Peterburgskie gub. Vedomosti* [St. Petersburg Province Statements]. 1845.

Danilko E. S. *Patriarkh iz Belovod'ia: novye issledovaniia staroobriadcheskoi utopii* [Patriarch of Belovodye: new studies of Old Believer utopia]. *Religiia v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Religion in the history of the peoples of Russia and Central Asia. Materials of the II International Scientific Conference]. Barnaul: ASU, 2014. S. 21–23 (in Russian).

Dutchak E. E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI v.)* [From "Babylon" in "Belovodye": The Adaptive Capabilities of the Taiga Communities of Old Believers-Stranniki (Second Half of the 19th — Early 21st Centuries)]. Tomsk: TGU, 2007. 414 s. (in Russian).

Il'in V. N. *Politika gosudarstvennoi vlasti i ofitsial'noi tserkvi v otnoshenii staroobriadtsev na territorii Tomskoi gubernii v 1832–1905 gg.* [The policy of the government and the official church in relation to the Old Believers in the territory of the Tomsk province in 1832–1905]. Barnaul: AZBUKA, 2014. 167 s. (in Russian).

Klibanov A. I. *Narodnaia sotsial'naiia utopiia v Rossii: Period feodalizma* [People's Social Utopia in Russia: The Period of Feudalism.]. M.: Nauka, 1977. 335 s. (in Russian).

Kudriavtsev I. M. *Opisanie sobraniia E. V. Barsova (F. 17)* [Description of the Collection of E. V. Barsov (F.17)]. M., 1974 (in Russian).

Lobanov V. F. Novyi spisok "Puteshestvennika" inoka Mikhaila [The New List of "Puteshestvennik" by Monk Michael]. *Sibirskoe istochnikovedenie i arkhografiia: sb. st. otv. red. N. N. Pokrovskii, E. K. Romodanovskaia* [Siberian Source Study and Archeography]. Novosibirsk, 1980. S. 208–211 (in Russian).

Malyshev V. I. *Ust' — tsilemskie rukopisnye sborniki XVI–XVII vv.* [Ust-Tsilem Manuscripts of XVI–XVII Centuries]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1960. 214 s. (in Russian).

Mamsik T. S. *Krest'ianskoe dvizhenie v Sibiri. Vtoraia chetvert' XIX v.* [Peasant movement in Siberia. The second quarter of the XIX century]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 270 s. (in Russian).

Matytsin K. S. *Staroobriadcheskii spisok "Puteshestvennika" iz kolleksii Soloneshenskogo muzeia (Altai)* [The old believers' manuscript "Puteshestvennik" from the museum of Soloneshnoe village (Altai)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul: ASU, 2019. № 1 (18). S. 91–103 (in Russian).

Mel'nikov P. I. *Istoricheskie ocherki po istorii popovshchiny* [Historical Essays on the History of Popvshchina]. SPb., 1864. Part 1 (in Russian).

Pokrovskii N. N. *Antifeodalnyi protest uralo-sibirskikh krest'ian-staroobriadtsev v XVIII v.* [Antifeudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the XVIII century]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 397 s. (in Russian).

Potanin G. N. Iugo-zapadnaia chast' Tomskoi gubernii v etnograficheskom otnoshenii [The Southwestern part of Tomsk province in ethnographic terms] *Etnograficheskii sbornik* [Ethnographic collection]. SPb., 1864. S. 150–151 (in Russian).

Printts A. *Kamenshchiki, iasachnye krest'iane Bukhtarminskoi volosti Tomskoi gubernii i poezdka v ikh seleniia i v Bukhtarminskii krai v 1863 g.* [Kamenshchiki, Iasachnye of the Bukhtarma Volost of the Tomsk Province and an Expedition to Villages and to the Bukhtarma Region in 1863]. *Zapiski RGO po obshch. Geografii* [Notes of the Russian Geographical Society on General Geography]. SPb., 1867. T. 1. S. 548–552 (in Russian).

Rykov Iu. D. *Iaroslavskii spisok "Puteshestvennika" Marka Topozerskogo* [Yaroslavl list "Puteshestvennik" Mark Topozersky]. *Knizhnaia kul'tura Iaroslavskogo kraia — 2014 sbornik statei i materialov* [Book Culture of Yaroslavl Region — 2014 Collection of Articles and Materials]. Iaroslavl', 2015. S. 11–57 (in Russian).

Savoskul S. S. N. K. Rerikh i legenda o Belovod'e [N. K. Roerich and the legend of Belovodye]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. M., 1983. № 6. S. 88–101 (in Russian).

Smorgunova E. M. *Iskhod staroverov vchera i segodnia: ukhod ot mira i poiski zemli obetovannoi* [Exodus of the Old Believers Yesterday and Today: The Departure from the World and the Search for the Promised Land]. *Istoriia tserkvi: izuchenie i prepodavanie: materialy nauch. konf., posviashch. 2000-letiiu khristianstva (22–25 noiabria 1999 g.)* [Church History: Study and Teaching]. Ekaterinburg, 1999. S. 211–219 (in Russian).

Speranskii M. N. *Skazanie ob Indiiskom tsarstve* [The Legend of the Indian Kingdom]. *Izvestiia AN SSSR po russkomu iazyku i slovesnosti* [Works of the Academy of Sciences of the USSR in the Russian Language and Literature]. M., 1930. T. 3, kn. 2 (in Russian).

Trefolev L. N. *Stranniki. Epizod iz istorii raskola* [Stranniki. Episode from the history of the split]. Iaroslavl', 1866. 114 s. (in Russian).

Trusov V. A. *Tri spiska s rukopisi Puteshestvennika Marko Topozerskogo. Staroobriadchestvo: istoriia, kul'tura, sovremennost': materialy VIII mezhdunar. nauch. — prakt. konf., 13–15 noiabria* [Three Lists with the Manuscript of the Puteshestvennik Marco Topozersky. Old Believers: History, Culture, Modernity]. M., 2007. T. 2. S. 234–241 (in Russian).

Khokhlov G. T. *Puteshestvie ural'skikh kazakov v "Belovodskoe tsarstvo"* [The journey of the Ural Cossacks to the "Belovodsky kingdom"]. SPb.: Gerold, 1903. 112 s. (in Russian).

Chistov K. V. *Legenda o Belovod'e* [The Legend of Belovodye]. *Trudy Karelskogo filiala AN SSSR* [Works of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences]. Petrozavodsk, 1962. № 35. S. 116–181 (in Russian).

Chistov K. V. *Russkaia narodnaia utopiia* [Russian folk utopia]. SPb: Dmitrii Bulanin, 2003. 539 s. (in Russian).

Chistov K. V., Chuv'iurov A. A. *Spisok "Puteshestvennika" iz Riazanskoii gubernii* ["Puteshestvennik" from the Ryazan province]. *Staroobriadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* [Old Believers in Russia (XVII–XX centuries)]. M.: GIM, 2004. Vyp. 3. S. 251–256 (in Russian).

Chuv'iurov A. A. *"Puteshestvennik Marka Topozerskogo": geografiia bytovaniia rukopisnykh sbornikov. Fol'klor i etnografiia. K devianostoletiiu so dnia rozhdeniia K. V. Chistova: sb. nauch. st.* ["Puteshestvennik Marka Topozerskogo": The Geography of the Manuscripts. Folklore and Ethnography]. SPb.: MAE RAN, 2011. S. 218–232 (in Russian).

Shchapov A. P. *Zemstvo i raskol* [Zemstvo and schism]. SPb: Obshchestvennaia Pol'za, 1862. Vyp. 1. 161 s. (in Russian).

Iadrintsev N. M. *Raskol'nic'i obshchiny na granitse Kitaia. Zemledelets — diplomat i voin* [Schismatic communities on the border of China. Farmer — Diplomat and Warrior]. *Sibirskii sbornik. Prilozhenie k "Vostochnomu Obozreniiu"* [Siberian collection. Appendix to the "Eastern Outlook"]. SPb.: Tip. I. N. Skorokhodova, 1886. Kn. 1. S. 21–47 (in Russian).

Цитирование статьи:

Матыцин К. С. Исторические этапы легенды о Беловодье у старообрядцев Алтая: историографический аспект исследования // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 115–127.

Citation:

Matytsin K. S. The historical stages of the legends about Belovodye of Old Believers of Altai: a historiographical aspect of research. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 115–127.

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–10

Т. Г. Недзельюк

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)

СМЕНА ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ¹

Исследование посвящено изучению государственно-конфессиональной политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. в сфере регламентации «вероисповедных переходов». Целью статьи является выявление как магистральных тенденций на уровне страны и региона, так и особенностей реализации вероисповедной политики в отношении основных вероисповеданий, представленных в Сибири. Хронологические рамки работы включают XIX столетие, период массовых миграций представителей разных конфессий с запада на восток в пределах империи, а также начало XX в., исключая революционные события и связанные с ними изменения в государственно-конфессиональной политике.

Источниковую базу исследования составили материалы архивного хранения из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Томской области, Государственного архива Красноярского края. Смена вероисповедной принадлежности в границах империи регламентировалась последовательно целой серией нормативных актов: соответствующими статьями в Своде законов Российской империи разных лет издания, Уложением о наказаниях исправительных и уголовных, законами и подзаконными актами местных органов власти.

Методика исследования включает историко-генетический подход в совокупности с методами контент-анализа, синтеза, обобщения.

Ключевые слова: вероисповедание, конфессия, государственная вероисповедная политика, национальная политика, христианство, инославные исповедания, Российская империя, Сибирь, православизация, отпадение от православия, вероотступничество, разновременные браки, Уложение о наказаниях, Свод законов Российской империи.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

T. G. Nedzelyuk

*Altai State University, Barnaul (Russia)**Siberian Institute of Management — Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia)*

CHANGE OF RELIGIOUS AFFILIATION IN THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EXAMPLE OF WESTERN SIBERIA: POTENTIAL, REGULATION, PRACTICE

The research is devoted to the study of the state and confessional policy of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries in the sphere of regulation of “religious transitions”. The purpose of the article is to identify both the main trends at the level of the country and the region, and the features of the implementation of religious policy in relation to the main religions represented in Siberia. The chronological framework of the work includes the nineteenth century, the period of mass migrations of representatives of different faiths from West to East within the Empire, as well as the beginning of the twentieth, excluding revolutionary events and related changes in state and religious policy.

The source base of the research consists of archival materials from the funds of the Russian state historical archive, the state archive of the Tomsk region, the state archive of the Krasnoyarsk territory. The change of religious affiliation within the borders of the Empire was regulated consistently by a whole series of regulations: the relevant articles in the Code of laws of the Russian Empire of different years of publication, the Statute on correctional and criminal penalties, laws and by-laws of local authorities.

Research methodology includes historical and genetic approach in conjunction with the methods of content analysis, synthesis, generalization.

Key words: religion, confession, state religious policy, national policy, Christianity, non-Orthodox confessions, the Russian Empire, Siberia, Orthodoxy, apostasy, different faith marriages, the Code of punishments, the Code of laws of the Russian Empire

Недзельюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: tatned@mail.ru

Изменение конфессиональной принадлежности, или «вероисповедный переход» в государстве, где на уровне официальной идеологии провозглашена единственная, одобряемая и поддерживаемая правительством, религиозная теория, представляет целый ряд практических затруднений. Переход из одного вероисповедания в другое может быть индивидуальным, связанным с индивидуальными предпочте-

ниями конкретной личности. Может быть коллективным и иметь массовый характер в тех случаях, когда к вероисповеданию причисляется население региона или его части. Смена вероисповедной принадлежности может быть связана с заключением брака с представителем (представительницей) иной религиозной традиции. Одним из направлений государственно-конфессиональной политики является регулирование семейно-брачных отношений. Внутренне религиозное (в христианстве — каноническое) право неизменно содержит раздел «семейное право». Конфессии не знают государственных границ, объединяют, как правило, граждан разных стран. Соответственно, вероисповедное (конфессиональное) семейное право может не совпадать (и часто не совпадает) с правилами семейного права того или иного государства.

Впервые в России православные христиане получили возможность вступать в браки с инославными христианами в 1721 г.: это было обусловлено стремлением Петра I привлечь пленных шведов к освоению Сибири, дав им русское гражданство и разрешив жениться на русских женщинах. Было установлено правило, единое и для монарших особ, и для простолюдинов: перед вступлением в брак с православным (ой) будущий супруг (а) должен был принять прежде православную веру [Терюкова, 2013: 164]. Данное правило сохраняется в каноническом праве православной церкви и до сих пор с оговоркой, что христианин другой конфессии вправе вступить в брак с православным, дав подписку о том, что не будет совращать православного супруга в свою веру и обязуется воспитывать детей в православии [Антокольская, 2002: 53].

Исследовательница О. А. Лиценбергер вводит в научный оборот термин «православизация». «Одной из наиболее важных составляющих процесса интеграции лютеран и католиков в российское общество, их ассимиляции, обрусения, сближения с русским народом являлось принятие ими православия. Спектр явлений, по отношению к которым можно употребить термин «православизация», является достаточно многообразным» [Лиценбергер, 2005: 29]. Автор вкладывает в данное понятие как насильственную ассимиляторскую политику русской православной церкви, направленную на принудительное обращение в православие, так и добровольное принятие православия отдельными представителями инославных конфессий. Ольга Андреевна Лиценбергер не разделяет точку зрения, согласно которой процесс православизации рассматривается только как принудительный и насильственный, когда перекрещиваемый выступал в качестве пассивного объекта; однако считает, что неправомерным было бы и рассмотрение его с точки зрения второй крайности — как полностью добровольный и осознанный разрыв с прежним вероисповеданием. Объективно, наряду с давлением, проводники православизации пытались создавать позитивную мотивацию, а «добровольно» переходившие в православие были вынуждены сделать это под давлением ряда обстоятельств: им были обещаны выгоды как политического (прекращение преследований), административного (легкий путь сделать карьеру), так и экономического плана [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 80]. Более того, высшее руководство православной церкви идентифицировало процесс православизации с государственными интересами, требовавшими обращения иноверцев в православие. Роли и месту Министерства внутренних дел дореволюционной России в механизме регулирования вероисповедных переходов в 1802–1917 гг. уделил значительное внимание в своей диссертации С. А. Лукья-

нов [2000: 24]. Автор еще одного диссертационного исследования, Л. Е. Горизонтов, отметил, что «специального освещения заслуживает складывание и применение законодательства о «разноверных» браках — использование в качестве инструмента национальной политики вмешательства в дела семьи. Важна реакция на правительственный курс со стороны двух обществ и церковей, его региональное видоизменение» [Горизонтов, 1999: 11]. Последнему из вышеперечисленных аспектов — региональным видоизменениям — мы уделим особенное внимание.

В государстве, где провозглашена государственная религия, быть полноценным гражданином — значит исповедовать эту религию. Кто же входил в категорию православных (что фактически означало «истинных») граждан? «Итак, причисляются к православию все, унаследовавшие эту религию от своих предков, состоявших в православии, и все присоединившиеся к господствующей вере добровольно, а также все воссоединенные с православием в силу особых законодательных актов. Состояние этой принадлежности наследственное и неизменяемое. Отпасть от православия и перейти в другое терпимое вероисповедание по общему правилу юридически нельзя. Только одно исключение общему правилу делает закон, и это — для отпадших от православия в нетерпимые секты, признанные «особо вредными»; эти сектанты ... решительно отчисляются от православной церкви; они, ценою лишения всех прав состояния и ссылки в отдаленные места Сибири и Закавказья, покупают свое право религиозной свободы. После водворения своего в местах ссылки они получают право считаться с тем, чем они есть на самом деле, т. е. лицами, не принадлежащими к господствующей вере,» — писал в 1900 г. профессор М. А. Рейснер [1900: 12–13]. В данном контексте М. А. Рейснер рассуждал о невозможности перейти в иное исповедание «по общему правилу»; однако существовал экстраординарный механизм смены веры с православной на инославную. Для наглядности сравним процедуру «православизации» с обратной ей.

«Что касается «обратившихся к православной вере», то таковыми считаются не только лица в одиночку или семьями, перешедшие в православие по собственной их воле, но и лица, массовое присоединение которых санкционировано верховной властью без какого бы то ни было отдельного личного опроса верующих, или выражения согласия со стороны отдельных лиц. Так произошло например в 1875 году с присоединением тех же холмских греко-униатов к православию» [Рейснер, 1900: 11]. И наоборот, «отпадшие представляют собою ... разряд грешников православной церкви впредь до возвращения их в православие. Над отпадшими продолжает простирается власть того духовного начальства, к вере которого они были первоначально приписаны, и это начальство подвергает их то надзору, то вразумлениям, то увещаниям, то церковным взысканиям» [Рейснер, 1900: 12]. Свод законов Российской империи (изд. 1832 г.) в томе XV «О преступлениях против веры» перечисляет следующие составы преступлений: отвлечение от православия в иную христианскую веру (ст. 186), отвлечение от православия в нехристианскую веру (ст. 189), отвлечение от христианства в нехристианскую веру (ст. 190), отвлечение подданного иноверца в какое-либо христианское исповедание (ст. 188) [СЗРИ, 1832. Т. XV. Ст. 186–190, 278]. Сам факт «отвлечения» квалифицировался как «ересь» (ст. 279 этого же свода законов именовала ересью «случай индивидуального уклонения от догматов православия», массовое же уклонение именовалось рас-

колом) [СЗРИ, 1832. Т. XV. Ст. 279]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделяет пять типов религиозных преступлений, поименованных «О преступлениях против веры и о нарушениях ограждающих оную постановлений». Страшное клеймо «ереси» изменяет свой смысл: оно закрепляется теперь только за теми составами преступлений, предметом которых является «повреждение веры» (ст. 206), соединенное «с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других или же с противонаравственными гнусными действиями» (ст. 212). Появляются в Уложении о наказаниях и черты квалификации: «отвлечение» и «отступление» от веры. Под «отвлечением» понимается «совращение одного человека другим или другими людьми в иную веру путем принуждения и насилия, угроз, обольщения, подговоров, вступления в брак, воспитания детей, использования в услужении, проповедей, сочинений или их распространением, воспрепятствования добровольного присоединения к православию, невоспрепятствования отступлению от веры, допущения священнослужителями других вероисповеданий к исповеди, причащению или елеосвящению, а детей к крещению или миропомазанию». «Отступлением от веры» именовался сам факт перехода в другую веру, осуществляемый человеком самостоятельно, «без какого-либо постороннего влияния или под воздействием других людей либо священнослужителей» [Уложение, 1845. Ст. 206–212].

По имеющимся у нас архивным данным, переход из православия в иные исповедания, за редким исключением, совершался всей семьей в полном составе. Объяснение этому обстоятельству минимального количества индивидуальных переходов найдем в ст. 187 «Уложения о наказаниях»: те, кто, зная о намерениях жены, детей или других лиц, за которыми им предоставлено наблюдение и попечение, отступить от православного исповедания в иное христианское, не старались отклонить их от этого и не принимали мер, чтобы этому воспрепятствовать, подвергались административному аресту на срок до трех месяцев. Эта же статья предписывала ещё более сурово наказывать лиц, «виновных в совращении» православного в иное христианское исповедание, подвергая его ссылке в Сибирь или сдаче в арестантское отделение на срок до полутора лет с лишением всех особенных прав и преимуществ [Уложение, 1845. Ст. 187].

Переходы из одного вероисповедания в другое, неправославное, уже на территории Сибири, т. е. непосредственно в месте поселения или ссылки, тоже не приветствовались властью, но имели место. О своем желании перейти в инославное христианское исповедание следовало подать прошение к местным властям, которые посылали православного священника с увещанием не делать такого шага. Обычно православный священник призывал родственников обращающегося оказать на последнего моральное давление. Здесь в специальную категорию выделим наиболее многочисленный массив ходатайств о переходе в католическое исповедание. Связано это было с тем обстоятельством, что сосланные в Сибирь униаты, приписанные в Привисленском крае и Холмской губернии к православной церкви, просили в 1915 г. о возвращении к вере своих предков, т. е. католичеству. Таковы просьбы Юлианы Сергеевны Байгуловой [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 52], Екатерины Григорьевны Беднарчук [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 62], Марфы Георгиевны Дроздовской [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 76], Августы Георгиевны Кушнаревой [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 101], Олимпиа-

ды Константиновны Масловской [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 50] и ряда других. Все они получили положительное разрешение своего дела, так как являлись совершеннолетними и правоспособными.

Иное решение было принято Томским полицмейстером по просьбе братьев Лаврентьевых-Гура, беженцев, уроженцев имения Рушов, гмины Павловской, Холмского уезда и губернии, проживавших в Томске, по ул. Духовской, № 5. «Предлагаю поставить в известность одного из просителей, а именно Лаврентия Гура, достигшего совершеннолетия, т. е. имеющему от роду 22 года, что ему представляется подать заявление о желании его перейти из православия и римско-католическое исповедание... причем заявление это должно быть оплачено двумя гербовыми рублевого достоинства, марками, с засвидетельствованной местными властями подписью его на таковом, а остальным просителям Александру — 19 лет, Яну — 16 лет и Андрею — 15 лет Лаврентьевым Гура объявить, что они как не достигшие совершеннолетия, т. е. 21 года, на основании Высочайшего указа 17 апреля 1905 г., не могут быть исключены из списков православной церкви» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 37].

Обобщая сложившуюся практику, светская губернская власть создала инструкцию для желающих перейти из православия в католицизм. Итак, претенденты: а) пишут прошение на имя «Его Превосходительства Господина Томского Губернатора», сопровождая его необходимым гербовым сбором и удостоверяя свою подпись нотариально; б) прошение передается в Первое отделение Томского губернского управления МВД, затем в) Томскому полицмейстеру, который наводит справки «по документальным данным, сведения о возрасте заявителя, а также сведения о роде занятий его»; г) и только потом «Епископу Томскому и Алтайскому» для увещеваний и организации ... [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 18–22].

Жесткие санкции действовали относительно перехода в иные исповедания лиц еврейской национальности: в соответствии с пунктом 4 ст. 71 Устава ДДД ИИ издания 1896 г., разрешения о присоединении к католичеству евреев должны были выдаваться исключительно Духовной Коллегией. Полагая, что «Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденные положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. отменили все предшествующие им законодательные акты, омский настоятель Сонгайло окрестил в апреле 1912 г. евреев Кучинского и Гузовскую, а новониколаевский священник Юркун в январе того же года совершил обряд крещения над Давидом Немзером, за что оба священнослужителя были привлечены к ответственности «за самовольное крещение евреев» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 964. Л. 1–2].

Интересно сравнить процесс смены вероисповедания из нехристианского в христианское, а именно православное, представителями народов, традиционно населявших Сибирь. «Для казахов-кочевников принятие крещения ставило бывшего соплеменника в роль человека, порвавшего с родным народом. ... В 1887 г. миссионер священник Филарет Синьковский писал о том, что как только казах принимал крещение, у него появлялось сознание того, что он человек не только крещеный, но и человек уже русский» [Андриенко, 2007: 64]. Данное свидетельство позволяет ещё раз на практике подтвердить постулат о том, что конфессиональность являлась одним из основных признаков этничности. Чтобы закрепить возникшее изменение в сознании человека и продемон-

стрировать преимущества перехода в православие, «до 1861 г. всех крещеных киргиз (казахов) записывали в мещане и казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней среды и тем самым дать им возможность укрепиться в лоне новой веры» [Андриенко, 2007: 64]. Позитивное изменение социального статуса, «повышение по службе» могли выступить как причиной возникновения конфликта с бывшими единоверцами, так и мотивом смирения. Описан случай крещения Акына Джанталасова, молодого казаха из станицы Убинской на Иртыше (1893 г.). Мать отреагировала на поступок сына словами: «Ну, ты теперь стал русским, смотри же соблюдай русскую веру, ходи в церковь, молись Богу» [Записки, 1984: 13].

Другим мотивом перехода в поддерживаемую государством религиозную конфессию мог стать уже имевший место конфликт с единоверцами. Смысл перемены вероисповедания в данном случае — в поисках новой социальной ниши. «В основном крестились те, кто в силу обстоятельств порвал с тувинской общиной и проживал в русской среде» [Дацышен, 2007: 71]. Показателен пример Сумы Бижи-Кожун Калгадчика из племени урянхайцев, оставившего прошение следующего содержания. «С самого малолетства проживая между Российскими подданными... я познал правила истинной Христовой Православной веры и потому в 1888 году просвещен Св. Крещением Священником Усинской миссионерской Церкви о. Платоном Тыжновым. Оставляя обычаи и Ламайскую веру предков своих и вступая в лоно Апостольской Греко-Российской Церкви, я вполне надеялся, что я Законом русского Царя и поставленными от него властями, буду огражден от всяких притеснений со стороны своих единоплеменников за отступление от прежней Ламайской веры. Возвратиться на родину в Урянхайский край я не могу, потому, что меня не только подвергнут разным пыткам, для оставления принятых мною Св. Имени и веры, но могут даже лишить жизни...» [ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3343. Л. 2].

Чтобы защитить новообращенных в православную веру от бывших единоверцев, на местном уровне сибирской администрацией был предпринят ряд специальных мер. «Например, семьи молокан, принявшие православие, получали пособие, жены могли развестись и выйти замуж за православного и уйти с детьми в новую семью» [Асочакова, 2007: 74].

Широкая инициатива местных сибирских властей была обусловлена, во-первых, изменениями в общегосударственном векторе религиозной политики; во-вторых, комплексом «белых пятен», не решенных на уровне главы государства и правительства, а потому переданных на усмотрение местным администрациям.

Первые шаги по пути становления политики веротерпимости и свободы совести были предприняты в царских манифестах. Манифест 26 февраля 1903 г. первым же своим пунктом подтвердил намерение «укрепить неуклонное соблюдение заветов веротерпимости, начертанных в основных законах», согласно которым православная церковь является «первенствующей и господствующей», но подданным инославных и иноверных исповеданий «предоставляется свободное отправление их веры и богослужений по обрядам оной». Об истории авторства данного манифеста известно, что предварительный его вариант был составлен князем Мещерским, дан на просмотр министрам Плеве и Витте. Встретивший, однако, протесты со стороны сановной бюрократии, Николай II предоставил исполнение данного манифеста на усмотрение местным админи-

страциям [Рожков, 2004: 40]. Примеры «инициативы на местах» были нами уже рассмотрены, однако многочисленные вопросы касательно иноверцев и инославных так и не получили должного разрешения. Нерешенные вопросы не теряли со временем своей актуальности, их разрешению был посвящен второй царский манифест — от 12 декабря 1904 г., опубликованный в Правительственном Вестнике [Правительственный вестник, 1904]. «... для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания сохранять освященную Основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого прямо в законе не установленного стеснения», — гласила ст. 6 «Указа от 12 декабря 1904 г.». Однако и этот манифест, хотя и сделавший указания относительно административного порядка надзора, не предложил конкретного пути решения проблемы, а практика в реализации указа не сложилась. Причина отсутствия реальной силы действия — в следовании «Основным законам», «освятившим» проводимую доселе политику.

Таким образом, несмотря на попытки нормотворчества со стороны высшей законодательной власти, проблема продолжала оставаться неразрешенной. Реализации указа 12 декабря было посвящено заседание Комитета Министров 25 января 1905 г. На заседании были выделены четыре наиболее значительные вероисповедные группы «отпавшие от Православия, в их числе:

А) латыши, преимущественно в Лифляндской губернии, отпавшие в протестантство, числом около 30 000 человек;

Б) бывшие униаты, упорствующие в католицизме, около 100 000 человек;

В) в приволжских губерниях большое количество крещеных татар, отпавших в магометанство;

Г) самая большая группа — раскольники и сектанты, отпавшие от православия, но официально числящиеся православными» [Рожков, 2004: 41].

Сама формулировка «отпавшие в протестанство», «упорствующие в католицизме», «отпавшие в магометанство» парадоксальным образом свидетельствует о традиционности конфессиональной принадлежности «упорствующих». После продолжительной дискуссии, в которой принимали участие как светские министры, так и духовные лица, в том числе митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, Комитет Министров вынес следующее решение: «Считая актуальным и необходимым внесения изменений в существующее законодательство, подтвердить установленное основными Законами первенствующее и господствующее положение православной церкви. Надлежит сохранить и на будущее время преимущества, придающие православной церкви статус господствующей, а именно: принадлежность к ней императора, свобода религиозной проповеди, миссионерство, государственное финансирование» [Рожков, 2004: 41–42].

Последующие заседания Комитета Министров от 23 февраля и 1 марта 1905 г. были посвящены более детальному рассмотрению вопросов об иноверии и инославии в Российской империи, в том числе и о применении к ним п. 6 царского манифеста. Результаты этих заседаний стали достоянием общественности после опубликования их в жур-

нале «Русское богатство». Относительно римско-католического духовенства было решено прекратить практику заточения провинившихся в «совращении в католицизм» священнослужителей в монастыри, ссылки в Сибирь, лишения должности, наложения денежных штрафов. Насколько многочисленными были такие случаи, мы можем судить по их следственным делам, отложившимся в Российском государственном историческом архиве [РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 821, 822, 839, 846, 857, 870, 883, 884, 896, 920, 928, 929].

Теоретически окончательное разрешение проблемы произошло в 1905 г., когда 17 апреля «Правительственный вестник» опубликовал третий по хронологии царский манифест, содержащий следующие положения:

«1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианской исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Установить в дополнение к сим правилам, что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту христианскую веру, в которой до присоединения к православию принадлежали сами или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных» [Правительственный вестник, 1915]. Манифест монаршей власти был дополнен и разъяснен указом Правительствующего Сената и циркуляром Министерства внутренних дел губернаторам.

На этом реформаторская деятельность монаршей власти в области вероисповедного законодательства оказалась исчерпанной, законотворческая эстафета перешла к Государственной Думе, составившей многочисленные проекты, как радикального, так и консервативного характера [Недзельюк, 2008: 168–171], предоставив широкое поле деятельности «инициативе на местах». Совсем скоро Россия вступит в революционный период, начнутся антирелигиозные кампании, в которых православная церковь пострадает раньше других. На волне атеистической пропаганды тема перемены вероисповедной принадлежности перестанет быть предметом государственного регулирования и перейдет исключительно в сферу ведения канонического права тех конфессий и деноминаций, чьи последователи изъявляют намерение перейти из одного вероисповедания в другое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андриенко С. Е. История Преображенского стана Киргизской Духовной миссии // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 58–67.

Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юрист, 2002. 336 с.

Асочакова В. Н. Особенности религиозно-конфессиональной ситуации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. — 1861 г. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 72–79.

Горизонтов Л. Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 — начало XX в.: ключевые проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 40 с.

Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 67.

Дацышен В. Г. Проблемы православной миссионерской деятельности в Туве во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 67–71.

Записки Шульбинского миссионера иеромонаха Сергия за 1893 г. // Томские епархиальные ведомости. 1984. № 12. С. 12–15.

Лиценбергер О. А. Римско-Католическая и Евангелическо-Лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 36 с.

Лукьянов С. А. Роль и место Министерства внутренних дел дореволюционной России в механизме регулирования религиозных отношений (1802–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 30 с.

Недзелюк Т. Г. Дискуссия о направлениях реформирования религиозного законодательства в Государственной Думе начала XX в.: опыт законотворчества // «Числюсь по России...» / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2008. С. 168–171.

Правительственный вестник. 1904. 12 дек.

Правительственный вестник. 1915. 17 апр.

Рейснер М. А. Мораль, право и религия по действующему российскому закону. (Юридико-догматические очерки): Религиозная полиция и вероисповедное прикрепление личности // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1900. № 8. Октябрь. С. 1–34.

Рожков В. С. Церковные вопросы в Государственной думе. М. : Крутицкое подворье, 2004. 560 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 3.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 128.

Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XV. Ст. 186–190, 278.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845 г. Ст. 206–212 // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М. : Юрид. лит., 1988.

Терюкова, Е. А. Российское законодательство начала XX в. о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–176.

REFERENCES

Andriyenko S. Y. *Istoriya Preobrazhenskogo stana Kirgizskoy Dukhovnoy missii* [The Story of the Transfiguration of the camp of the Kirghiz Spiritual mission]. *Makar'yevskiy chteniya* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2007. S. 58–67 (in Russian).

Antokol'skaya M. V. *Semeynoye pravo* [Family Law]. Moscow: Yurist, 2002. 336 s. (in Russian).

Asochakova V. N. *Osobennosti religiozno-konfessional'noi situatsii v Khakassko-Minusinskom krae v XVIII v. — 1861 g.* [Features of the religious and confessional situation in the Khakass-Minusinsk Territory in the 18th century — 1861]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2007. S. 72–79 (in Russian).

Gorizontov L. E. *Poliaki i pol'skii vopros vo vnutrennei politike Rossiiskoi imperii 1831 — nachalo XX v.: kliuchevye problemy: avtoref. dis. ... d. i. n.* [The Poles and the Polish Question

in the Domestic Politics of the Russian Empire in 1831- the Beginning of the 20th Century: Key Problems: Autor. Dis. Doctor of History]. Moskva, 1999. 40 s. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. Fund. 674. Inventory 1 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region]. Fund. 3. Inventory 67 (in Russian).

Datsyshen V. G. *Problemy pravoslavnoi missionerskoi deiatel'nosti v Tuve vo vtoroi polovine XIX v.* [Problems of Orthodox missionary in Tuva in the second half of the XIX century]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2007. S. 67–71 (in Russian).

Zapiski Shul'binskogo missionera ieromonakha Sergiia za 1893 g. [Notes of the Shulba missionary hieromonk Sergius for 1893]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1984 g. № 12. S. 12–15 (in Russian).

Litsenberger O. A. *Rimsko-Katolicheskaia i Evangelicheskoi-Liuteranskaia tserkvi v Rossii: sravnitel'nyi analiz vzaimootnoshenii s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII — nachalo XX vv.)*. *Avtoref. dis. ... d. i.n.* [The Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches in Russia: a comparative analysis of relations with the state and society (XVIII — early XX centuries). Author. Dis. Doctor of History]. Saratov, 2005. 36 s. (in Russian).

Luk'ianov, S. A. *Rol' i mesto Ministerstva vnutrennikh del dorevoliutsionnoi Rossii v mekhanizme regulirovaniia religioznykh otnoshenii (1802–1917 gg.): Autor. dis ... k.i.u.n.* [The role and place of the Ministry of the interior of pre-revolutionary Russia in the mechanism of regulation of religious relations (1802–1917). Author. Dis. Candidate of Law]. Moskva, 2000. 30 s. (in Russian).

Nedzeliuk T. G. *Diskussii o napravleniakh reformirovaniia religioznogo zakonodatel'stva v Gosudarstvennoi Dume nachala XX v.: opyt zakonotvorchestva* [Discussion on the directions of reforming religious legislation in the State Duma at the beginning of the twentieth century: experience in lawmaking]. "Chislii' po Rossii..." [I am counting in Russia ...]. Novosibirsk: NGPU, 2008. S. 168–171 (in Russian).

Pravitel'stvennyi vestnik. 1904. 12 dekabria [Government Gazette. 1904. December 12] (in Russian).

Pravitel'stvennyi vestnik. 1915. 17 apreliia [Government Gazette. 1915. April 17] (in Russian).

Reisner M. A. *Moral', pravo i religiia po deistvuiushchemu rossiiskomu zakonu. (Iuridiko-dogmaticheskie ocherki): Religioznaia politsiia i veroispovednoe prikreplenie lichnosti* [Morality, law and religion under applicable Russian law (Legal and Dogmatic Essays): Religious Police and Religious Identification]. *Vestnik Prava: Zhurnal Iuridicheskogo Obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom Universitete* [Bulletin of Law: Journal of the Law Society at the Imperial University of St. Petersburg]. SPb.: Senatskaia Tipografiia. 1900. № 8. Oktiabr'. S. 1–34 (in Russian).

Rozhkov V. S. *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoi dume* [Church issues in the State Duma]. M.: Krutitskoe podvor'e, 2004. 560 s. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 3 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 128 (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of laws of the Russian Empire]. SPb, 1832. T. XV. S. 186–278 (in Russian).

Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh. 1845 g. St. 206–212 [Criminal and Correctional Code. 1845. Art. 206–212]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6: Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka* [Russian legislation of the twentieth centuries. T. 6: Legislation of the first half of the XIX century]. M.: Iurid. lit., 1988 (in Russian).

Teriukova, E. A. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo nachala XX v. o veroispovednykh perekhodakh* [Russian law in the early twentieth century about religious transitions]. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2013. № 3. S. 163–176 (in Russian).

Цитирование статьи:

Недзельюк Т. Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 128–139.
Citation:

Nedzelyuk T. G. Change of religious affiliation in the Russian Empire on the example of Western Siberia: potential, regulation, practice. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 128–139.

УДК 726.95

DOI: 10.14258/nreur(2019)4-11

Р. Ю. Волоснов

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ПРАВОСЛАВНЫМ СВЯТЫНЯМ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛА XX В. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Целью статьи является изучение феномена паломничества к святым местам сельской местности Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. Хронологические рамки темы исследования обусловлены прежде всего наличием основных источников (дореволюционные светские и духовные периодические издания). За основу рассмотрения взята элементарная типология паломнических объектов с делением их на рукотворные (искусственные) и природные). Изучение рукотворных паломнических центров показывает на преимущественную популяризацию посещений знаковых мест, связанных с постоянными хранением или обретением особо чтимых икон, их масштабность и массовость, привязку к престольным праздникам. При этом факт исторической древности иконы не являлся основным критерием для внесения ее в категорию святыни. Рассмотрение многообразия паломничества к природным православным святыням (ключи, горы, пещеры и т. д.) в Западной Сибири данного периода показывает их меньшую массовость, масштабность официальность (по сравнению с предыдущим временем), а также тяготение к устройству и патронажу иноческих обителей. Процедуры официального признания церковной властью вновь появившихся святынь, в первую очередь природных, носила сложный и скрупулезный характер.

Ключевые слова: паломничество, святыни, Западная Сибирь, сельская местность, конец XIX — начало XX в.

R. U. Volosnov

Altai State University, Barnaul (Russia)

PILGRIMAGE TO ORTHODOX HOLY SITES IN RURAL AREAS OF WESTERN SIBERIA OF THE END OF XIX — THE BEGINNINGS OF THE XXTH CENTURIES AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON

The purpose of the article is to study the phenomenon of pilgrimage to the holy places of rural areas of Western Siberia at the turn of the XIX–XX centuries. The chronological scope

of the topic of the study is due primarily to the availability of major sources (pre-revolutionary secular and spiritual periodicals). The review is based on an elementary typology of pilgrimage objects divided into man-made (artificial) and natural). The study of man-made pilgrimage centers shows the priority popularization of visits to landmark places related to the constant storage or acquisition of particularly clean icons, their scale and mass content, and connection to the throne holidays. The fact of historical antiquity of the icon was not the main criterion for its inclusion in the category of the shrine. Consideration of the variety of pilgrims to natural Orthodox holy sites (keys, mountains, caves) in Western Siberia of this period shows their less mass, scale official (compared to previous ones), as well as gravity to the arrangement and patronage of foreign houses. The procedures for the official recognition by the church authorities of newly emerged shrines, primarily natural ones, were complex and meticulous.

Key words: pilgrimage, shrines, Western Siberia, the rural areas, the end of XIX — the beginning of the XX centuries.

Волоснов Роман Юрьевич, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: volosnov-barnaul@mail.ru

Паломнический туризм как частная разновидность более широкого понятия «религиозный туризм» (разница состоит в степени субъективного отношения туриста к объекту посещения: паломник — человек верующий, воцерковленный) представляет собой востребованное и перспективное, но не развитое направление современной деятельности. В связи с этим не маловажным будет опыт дореволюционной практики описания, постановки и реализации данного социокультурного феномена.

К двум основным объектам сельского православного паломничества в Сибири можно отнести: рукотворные (искусственные) объекты паломничества: иконы, архитектурные объекты, мемориальные захоронения; и природные объекты паломничества: горы, пещеры, водные источники и др.

Исторически наиболее популярной формой паломнической традицией являлось посещение местонахождения особо чтимых икон (храмы) или географических мест их обретения. Значимым отличием рукотворных объектов паломничества от природных являлось их официальное признание со стороны церкви, а также факты чудотворных событий в этих местах. Среди многообразия наиболее популярных паломнических центров, связанных с местонахождением или обретением икон на равнинной части Западной Сибири в конце XIX — начала XX в., можно выделить следующие объекты:

- 1) часовня и икона св. пророка Илии в деревне Дресвянка Чингизского прихода Барнаульского уезда (ныне Каменский район Алтайского края);
- 2) икона Николая Чудотворца в деревне Верх-Алеус Спириного прихода Барнаульского уезда (ныне Ордынский район Новосибирской области);
- 3) икона Николая Чудотворца в деревне Нижнекаменка Ордынского прихода Барнаульского уезда (ныне Ордынский район Новосибирской области);

- 4) икона преподобного Серафима Саровского Зоркальцевского прихода Томского уезда (ныне Томский район Томской области);
- 5) икона Спас Нерукотворный в селе Спасское Томского уезда (ныне Томский район Томской области);
- 6) икона святого Пантелеймона в селе Курья Змеиногорского уезда (ныне район Алтайского края).

Изучение феномена паломничеств к святым иконам применительно к Западной Сибири показывает необязательный факт исторической древности святого образа. К примеру, датировка иконы святого пророка Илии в деревне Дресвянка Барнаульского уезда неизвестна, к концу XIX в. образ почитался как очень древний [Никольский, 1894: 14]. Превращение религиозного объекта в паломническую святыню могло осуществляться не только из-за статуса древней реликвии, но и быть связанным с мемориальным и сакральным событием относительно недавнего прошлого. В 1893 г. жителями Курьинского прихода в память избавления от свирепствующей эпидемии холеры была приобретена «со святой горы Афонской икона св. великомученика и целителя Пантелеймона». На оборотной стороне иконы оставлена надпись, что она «дана в благословение жителям богоспасаемой веси Курьинской». Впоследствии данная икона стала региональной святыней, центром сбора множества паломников, а также местом ежегодных крестных ходов [Волоснов, 2016: 200]. Также, к примеру, в 1904 г. стараниями причта села Зоркальцево были собраны средства на выписку иконы преподобного Серафима Саровского Чудотворца. «Таковая икона, освященная при мощах Угодника Божия, была приобретена причтом (вышина ее 1 ½ аршина) и, с разрешения Его Преосвященства, из города Томска перенесена крестным ходом. В настоящее время икона эта особенно чтима местным населением; для поклонения ее прибывают и из соседних приходов, и из города Томска...» [Летнее..., 1905: 13].

Многие означенные паломнические объекты напрямую связывались и ассоциировались с сакрализованными и мифологизированными преданиями о чудесных спасениях и исцелениях. Некоторые описания этих чудес официально запротоколированы в церковно-приходских книгах и богослужебных журналах. В селе Спасском местным священником зафиксировано: «...14 февраля 1895 г. записано следующее событие. Иркутский мещанин Антон Иванов Терентьев, причисляющийся в г. Томске, приезжал в с. Спасское служить молебен пред чудотворной иконой об исцелении его от разслабления, которым он страдал 5 лет и от которого освободился, как только дал обет, по совету некоторых своих знакомых, отслужить молебен пред иконою спасителя, находящегося в церкви с. Спаскаго. В том же году крестьянин дер. Кисловой Леонтий Симачков сам заявлялся в храм служить молебен за избавление от шестинедельного недуга огневицы, о чем сам заявил публично в храме...» [Новиков, 1905: 17–18].

Посещение верующими сельских святынь имело межрегиональный характер, также по-разному варьировалось ежегодное количество участников в пиковое время престольных праздников, приуроченных к иконографии почитаемых священных образов. Контрастное количество паломников при посещении разных паломнических объектов характеризовалось множеством следующих факторов: географическое положение, время года праздника, наличие определенной инфраструктуры и др. В деревне Ниж-

некаменка, по сведениям Томских епархиальных ведомостей, ежегодно 9 мая, в день праздника Николая Чудотворца, на поклонение иконе собиралось около 1500 человек, а в деревне Верх-Алеуской на тот же праздник до 6–7 тысяч богомольцев [Обозрение..., 1904: 18].

Относительно близкое географическое месторасположение святынь, наличие идентичных в иконографическом плане икон и, соответственно, одновременное празднование их почитания способствовали, по сообщениям светской печати, наличию конкурентных взаимоотношений между паломническими объектами. В светской газете «Жизнь Алтая» повествуется о том, что при выделении деревни Нижнекаменки в самостоятельный приход (из Ордынского прихода, где в храме также наличествовала древняя икона) «... между причтами — Ординским и Каменским создалась конкуренция. Так по крайней мере можно заключить, прислушавшись к разговорам богомольцев — паломников о том, что священник с. Ордынского... отговаривал их ехать на ту сторону Оби, в Каменку, объясняя, что у них в Ординске, также есть икона св. Николая чудотворца, нисколько не хуже Каменской...» [Село Ординское..., 1913: 2].

Проблематика коммерциализации и состояние туристической инфраструктуры для паломников в означенных объектах также поднималась на страницах светской дореволюционной прессы. Ежегодное праздничное сосредоточение тысяч богомольцев требовало как минимум элементарных бытовых форм расселения. Даже в весенне-летний сезон ограниченная сельская причтовая инфраструктура не справлялась с наплывом паломников, несмотря на получение финансовой прибыли. Показателен пример описания корреспондентом газеты «Жизнь Алтая» Т. И. Пановым состояния пункта расселения паломников в совокупности с получаемым ежегодным доходом в деревне Верх-Алеус: «Около ста лет находится здесь чтимая икона Николая чудотворца, и сюда к 9 мая стекается много богомольцев. Все это дает ежегодно почти 10.000-й доход, а между тем, деревня Алеус — самая бедная из всех соседних сел. Об удобствах богомольцев никто не заботится: бараки для ночлега находятся в самом плачевном виде, да и плохих не всем хватает, и многим богомольцам в холодные весенние ночи приходится дрожать и стучать зубами под открытым небом. Неужели из получаемых громадных доходов причт не может уделить часть на то, чтобы создать хотя некоторое удобство для людей?...» [Панов, 1911: 3].

Культурные программы мероприятий в престольный праздник икон (время наибольшего сосредоточения паломников) сопровождалась в первую очередь различного рода культовыми церемониями, ключевыми из которых являлись крестные ходы и молебны. В частности, торжественная праздничная церемония чествования святой иконы в день памяти святого великомученика Пантелеймона в 1901 г. в селе Курья происходила следующим образом: «...26 числа июля, накануне праздника, вечером при многочисленном стечении народа св. икона из Курьинского храма при крестном ходе, с колокольным звоном поднимается и уносится в часовню в степь, от села на в 8 верст по тракту к г. Змеиногорску; во все шествие массой богомольцев громогласно поется тропарь... целителю Пантелеймону. В часовне св. икона поставляется на уготованном столе, перед ней возжигается лампада и совершается общий для всех молебен с коленопреклонением. После молебна богомольцы, в особенности из других деревень, остаются на всю

ночь при иконе; грамотные читают по поручению причта о жизни, страданиях и чудесах св. в.-м. [святого великомученика] Пантелеймона. Назавтра рано утром при иконе совершается утренняя с акафистом и помазанием молящихся елеем от лампы образа. В обычное время на св. антиминос, данном собственно для сего торжества, в часовне совершается Божественная литургия, на которой удостоиваются Св. Приращения все принесенные дети и взрослые больные. После литургии совершаются молебны пред св. иконой, по просьбе приходящих, о даровании небесной помощи и заступничества св. угодника Божия в разных недугах и болезнях. По окончании богослужения, все богомольцы во главе с причтом, расположившись неподалеку от часовни на траве, вкушают скромную незатейливую пищу, предложенную добродушными жителями Курьи. Подкрепившись пищею, богомольцы св. икону с прочими иконами и хоругвями уносят обратно в храм...» [Икона..., 1902: 26–27].

К тому же в дни и почитания сельских святынь Западной Сибири многие приходские священники организовывали школьные паломнические экскурсии, программа которых в силу возрастных и физиологических особенностей отличалась от взрослой, но также в первую очередь была ориентирована на культовые действия. На страницах Томских епархиальных ведомостей есть поэтапное, детальное описание такого рода детского паломничества. В частности, в 1893 г. ко дню св. пророка Божия Илии наблюдателем за церковно-приходскими школами благочиния № 19, священником Н. Никольским была устроена познавательная поездка учеников местной церковно-приходской школы в дресвянскую святыню. «Священник Н. Никольский, весьма ответственно отнеся к организации данного мероприятия и заблаговременно просил старост села Чингизского, деревни Миловановой, Соколовой и Дресвянки, входящих в состав Чингизского прихода и находящихся на пути в деревню Дресвянку, уведомить об этом жителей означенных деревень. Получив согласие родителей учеников на поездку в Дресвянку для поклонения иконе св. Пророка Илии, священник Н. Никольский с диаконом и псаломщиком, в присутствии учеников и некоторых жителей села Чингизского утром перед отправлением отслужил напутственный молебен, после которого ученики приложились к Св. Кресту и были окроплены святой водою. После молебна все присутствовавшие на нем, при пении тропаря Св. Пророку Илии, отправились пешком по селу Чингизскому, на конце которого причт и ученики школы пересели на подводки и отправились в дальнейший путь. Родители провожали детей своих, а также некоторые из жителей села Чингизского. На пути в Дресвянку ученики во главе с священником шли пешком и вместе с народом, с утра дожидавшимся их, пели тропарь Св. Пророка Илии. Далее шествие продолжалось далеко за деревню, где был отслужен молебен Св. Пророку Илии, а после молебна народ подходил прикладываться к Св. Кресту. В деревне Соколовой для учеников была приготовлена трапеза, перед началом и после которой один из учеников читал положенные молитвы. Прибыв в деревню Дресвянку, ученики направлялись пешком в молитвенный дом, где также был отслужен молебен Св. Пророку Божию Илии. Вечером священником Никольским совместно с диаконом и псаломщиком было отслужено всенощное бдение. Ученики также принимали участие в чтении и пении, а один из них, имеющий с благословения архиерейского стихарь, прислуживал при богослужении. На другой день были отслужены часы и обедница,

во время которой, после молитвы священник сказал поучение о том, что следует детей учить грамоте. В два часа пополудни состоялась внебогослужбная беседа, на которой отец Николай учил народ молитвам. По окончании беседы ученики, приняв благословение от священника, получили по одному экземпляру жития Св. Пророка Илии, а народу были розданы «Троицкие листы». Вечером того же дня были показаны, в особом помещении, «туманные картины» из Ново-Заветной истории. На следующий день после утренней молитвы и завтрака, ученики с свящ. Н. Никольским отправились в молитвенный дом, где помогали петь при служении молебнов Св. Пророку Илии... После молебна ученикам были розданы небольшие иконы Св. Пророка Илии. В день Св. Пророка Божия Илии утром ученики отправились в молитвенный дом, где слушали часы, обедницу, водосвятный молебен с акафистом Св. Пророку Илии, после молебна диаконом А. Федоровым было сказано многолетие Царствующему Дому, Святейшему Правительствующему Синоду, Преосвященнейшему Макарию, Епископу Томскому и Семипалатинскому с богохранимой его паствою и всем православным христианам, а ученики пропели «многия лета». По окончании Богослужения, ученики подходили к Св. Кресту и получали на память по кресту, а о. диакон кропил их святою водою. После службы ученикам на квартире была предложена трапеза, а свящ. Н. Н-ским на свои средства были розданы ученикам гостинцы. По возвращении в село Чингизское был отслужен в храме благодарственный молебен Господу Богу, удостоившему благополучно спутешествовать ученикам в Дресвянку на поклонение иконе Св. Пророка Илии. После молебна ученики приложились к Св. Кресту и, получив от священника благословение, с радостными лицами отправились по домам» [Никольский, 1894: 13–17]. Приобщение учащихся церковно-приходских школ во время каникул к паломнической деятельности рассматривалось в контексте ознакомительной учебно-производственной практики.

Таким образом, паломничества к особо почитаемым православным иконам в сельской местности Западной Сибири конца XIX — начала XX в. имели массовый, межрегиональный характер и были неразрывно связаны с церковно-праздничными мероприятиями.

Менее масштабные паломничества в количественном плане (относительно посещения мест постоянного хранения почитаемых икон) в селах Западной Сибири дореволюционного периода совершались в места захоронений церковных сподвижников. Данного рода святыни относились к категории сугубо мемориальных памятников и в культовом плане имели главным образом панихидальное значение. К примеру, в селе Легостаево (современный Искитимский район Новосибирской области) ежегодно 29 июня, в день памяти апостолов Петра и Павла, собиралось множество народа для совершения крестного хода и панихиды у могилы служившего здесь во второй половине XIX в. о. Петра Мухина, немало сделавшего для своего прихода и окрестных территорий [Обозрение..., 1910: 174].

Также наряду с посещением рукотворных или искусственных святынь (икон и храмовых объектов) центрами дореволюционных сельских паломничеств являлись многообразные природные или природно-рукотворные объекты. Паломничества к таким объектам носили не масштабно-массового характера (в отличие от паломничеств, со-

вершаемых в праздники к иконам), а индивидуальный, точечный или мелкогрупповой характер. В отличие от искусственно созданных святынь их официальное церковное признание являлось более сложным и проблематичным явлением. Еще одной отличительной чертой природных паломнических объектов являлось их преимущественное патронирование черным духовенством и разного рода монашествующими, которые часто устраивали вблизи этих святынь обители и тем самым создавали бытовую инфраструктуру для принятия богомольцев и странствующих.

Традиционно в русской культуре особый сакральный смысл имели горы. В православной паломнической традиции часто было принято водружать поклонные кресты на природных вершинах. Среди многообразия такого рода паломнических мест можно выделить в Рудном Алтае гору Синюху, у подножия которой располагалось село Колывань, где в 1912 г. официально была учреждена женская монашеская община. В том же году насельницы общины «с охотой принимали верующих посетителей и по возможности давали приют и пищу», а с постройкой в будущем новых монастырских зданий монахини планировали увеличить сферу и качество обслуживания паломников [Белоуско, 1913: 398].

Также популярными объектами паломничества в сельской местности Западной Сибири на рубеже веков являлись пещерные обители. Однако к посещению паломниками пещерных святынь (как рукотворных, так и естественно-природных) духовные власти в исследуемый период часто относились с определенной долей настороженности и скептицизма, так как в целом процедура официального признания вновь появившихся священных мест носила сложный характер. Показателен пример появления такого рода святыни близ села Усть Каменный Исток благочиния № 31 Барнаульского уезда в первые годы XX в. (современное село Коробейниково Усть-Пристанского района Алтайского края). По заверениям местных священников некий монах Серафим, представлявшийся выходцем с Афона, недалеко от села самовольно выкопал себе пещеры, обставив их иконами с горящими лампадками, и стал читать акафист, тем самым привлекая к себе массу богомольцев, приезжавших сюда за 50 и более верст. Монах Серафим настолько бурно развил свою религиозную деятельность и приобрел авторитет у местных жителей, что планировал организовать полноценную монашескую обитель. Официальные власти, духовные и светские, после определенных процедур проверки и дознания вскоре закрыли данную несанкционированную обитель, чем вызвали бурную реакцию негодования у населения. После закрытия пещерной святыни данное место еще долго оставалось мемориальным объектом сосредоточения паломников [Поездка..., 1907: 20–21].

Даже официально признанные пещерные обители, являвшиеся центрами сосредоточения странствующих богомольцев, не могли быть абсолютно уверенны в долгосрочности своего статуса. Александро-Невская монашеская пустынь (ныне территория села Жуланиха современного Заринского района Алтайского края) с наличием пещерных келий, хозяйственных построек и святого ключа в течение всего своего существования имела сложные взаимоотношения в земельных вопросах с жуланихинским приходом, а также из-за проблем административного статуса. В связи с этим неоднократно была на грани официального закрытия или сокращения [Журналы ..., 1914: 556].

К особым видам популярных природных паломнических объектов в сельской местности рубежа XIX–XX вв. также относятся святые ключи и родники. Их почитание тоже не имело масштабного характера, а информация о них и их описание в официальных источниках носили поверхностный характер, в большей степени основываясь на устных преданиях и народной традиции. Паломнические святыни в виде водных источников, согласно народным воззрениям, являлись символами женского плодородия и исцеляющего начала. Такого рода символика поддерживалась устными преданиями о «явленных» (всплывающих время от времени из воды) иконах или божественных ликах, большинство которых относятся к богородичному типу [Любимова, 2013: 28].

Таким образом, паломничество к православным святыням (как рукотворным, так и природным) в сельской местности Западной Сибири конца XIX — начала XX в. имело важное социокультурное значение, несмотря на свой региональный характер, выступало духовным интегрирующим звеном территории, элементом единения и соборности, а также аспектом этноконфессиональной идентификации. История и опыт данного социокультурного феномена являются крайне актуальными и востребованными для современных процессов возрождения и развития паломнического и религиозного туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белоуско А. Новая женская община на Алтае // Томские епархиальные ведомости. 1913. № 7. С. 398–399.

Волоснов Р. Ю. Мемориальные иконы в сельской местности Западной Сибири конца XIX — начала XX в. // Вестник славянских культур. 2016. № 4 (42). С. 198207.

Журналы съезда духовенства и церковных старост Томской епархии. Журнал № 66 // Томские епархиальные ведомости. 1914. № 22. С. 556.

Икона святого великомученика и целителя Пантелеимона в храме села курьинского, Змеиногорского уезда, Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. 1902. № 9. С. 26–27

Летнее обозрение епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Томским и Барнаульским // Томские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 9–13.

Любимова Г. В. Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // Studia mythologica Slavica. 2013. Т. 16. С. 27–45

Никольский Н. Поездка учеников церковно-приходской школы села Чингизского, барнаульского округа, в деревню Дресвянку для поклонения икон Св. Пророка Божия Илии // Томские епархиальные ведомости. 1894. № 3. С. 13–17.

Новиков И. Обозрение епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Томским и Барнаульским в летние месяцы 1903 г. // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 5. С. 11–27.

Обозрение епархии Высокопреосвященнейшим Макарием Архиепископом Томским, в 1907 году (вторая летняя поездка) // Томские епархиальные ведомости. 1910. № 4. С. 173–181.

Обозрение епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Томским и Барнаульским в летние месяцы 1903 г. // Томские епархиальные ведомости. 1904. № 1. С. 15–31.

Панов Т. И. Дер. Алеус, Барн [аульского] у [езда] // Жизнь Алтая. 1911. № 152 (13 июля). С. 3.

Поездка Преосвященного Иннокентия, епископа Бийского, викария Томской епархии, для обозрения церкви благочиния № 26 и др. // Томские епархиальные ведомости. 1907. № 20. С. 16–22.

Село Ординское, Барнаульского уезда // Жизнь Алтая. 1912. № 119 (31 мая). С. 2.

REFERENCES

Belousko A. *Novaia zhenskaia obshchina na Altae* [New female community in Altai]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1913. № 7. S. 398–399 (in Russian).

Volosnov R. Iu. *Memorial'nye ikony v sel'skoi mestnosti Zapadnoi Sibiri kontsa XIX — nachala XX vv* [Memorial icons in rural areas of Western Siberia late XIX — early XX cc]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Messenger of Slavic cultures]. 2016. № 4 (42) S. 198–207 (in Russian).

Zhurnaly s'ezda dukhovenstva i tserkovnykh starost Tomskoi eparkhii. Zhurnal № 66 [Journals of the Congress of Clergy and Church Chiefs of the Tome Diocese. Magazine No. 66]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1914. № 22. S. 556 (in Russian).

Ikona sviatogo velikomuchenika i tselitelia Panteleimona v khrame sela kur'inskogo, Zmeinogorskogo uезда, Tomskoi eparkhii [Icon of the Holy Great Martyr and Healer Panteleimon in the temple of the village of Kuryinsky, Zminogorsk County, Tomsk Diocese] *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1902. № 9. S. 26–27 (in Russian).

Letnee obozrenie eparkhii Ego Preosviashchenstvom, Preosviashchenneishim Makariem, Episkopom Tomskim i Barnaul'skim [Summer review of the diocese His Eminence, Preosvyashchenneyshy Makari, Bishop Tomsk and Barnaul] *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1905. № 15. S. 9–13 (in Russian).

Liubimova G. V. *Sibirskaiia traditsiia pochitaniia sviatykh mest v kontekste narodnoi istoricheskoi pamiati* [Siberian tradition of honoring holy places in context of folk historical memory]. *Studia mythologica Slavica*. 2013. V. 16. S. 27–45 (in Russian).

Nikol'skii N. *Poezdka uchenikov tserkovno-prikhodskoi shkoly sela Chingizskogo, barnaul'skogo okruga, v derevniu Dresvianku dlia pokloneniia ikon Sv. Proroka Bozhiiia Ilii* [Trip of pupils of church and parish school of the village of Chingizsky, Barnaul district, to the village of Dresvyanku for worship of icons of St. Prophet of God Elijah]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1894. № 3. S. 13–17 (in Russian).

Novikov I. *Obozrenie eparkhii Ego Preosviashchenstvom, Preosviashchenneishim Makariem, Episkopom Tomskim i Barnaul'skim v letnie mesiatsy 1903 g.* [Diocese review His Eminence, Preosvyashchenneyshy Makari, the Bishop Tomsk and Barnaul in summer months 1903 y.]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1904. № 5. S. 11–27 (in Russian).

Obozrenie eparkhii Vysokopreosviashchenneishim Makariem Arkhiepiskopom Tomskim, v 1907 godu (vtoraia letniaia poezdka) [Review of the Diocese by His Eminence Macaria

Archbishop Tomsky, 1907 (second summer trip)]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1910. № 4. S. 173–181 (in Russian).

Obozrenie eparkhii Ego Preosviashchenstvom, Preosviashchenneishim Makariem, Episkopom Tomskim i Barnaul'skim v letnie mesiatsy 1903 g. [Diocese review His Eminence, Preosvyashchennyshy Makari, the Bishop Tomsk and Barnaul in summer months 1903 y.]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1904. № 1. S. 15–31 (in Russian).

Panov T. I. Der. Aleus, Barn. u. [Village of Aleus, Barnaul County] *Zhizn' Altaia* [Life of Altai]. 1911. № 152 (13 iulia). S. 3 (in Russian).

Poezdka Preosviashchennogo Innokentiiia, episkopa Biiskogo, vikarii Tomskoi eparkhii, dlia obozreniia tserkvei blagochiniia № 26 i dr. [Trip of the Holy Innocent, Bishop of Biya, Vicar of the Diocese of Tomsk, to see the Churches of Pieteness No. 26 and others]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1907. № 20. S. 16–22 (in Russian).

Selo Ordinskoe, Barnaul'skogo uezda [Village Ordinsky, Barnaul County]. *Zhizn' Altaia* [Life of Altai]. 1912. № 119 (31 maia). S. 2 (in Russian).

Цитирование статьи:

Волоснов Р. Ю. Паломничество к православным святыням в сельской местности Западной Сибири в конце XIX — начала XX в. как социокультурный феномен // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 140–149.

Citation:

Volosnov R. U. Pilgrimage to orthodox holy sites in rural areas of Western Siberia of the end of XIX — the beginnings of the XXth centuries as sociocultural phenomenon. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 140–149.

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

УДК 993

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–12

Е. И. Коростиченко

Институт философии РАН, Москва (Россия)

ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОНФЕССИЙ И АТЕИЗМА: РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «СВОБОДОМЫСЛИЕ И АТЕИЗМ: ИДЕИ И ЛИЦА»

Представлена рецензия на вышедший в 2018 г. сборник статей «Свободомыслие и атеизм: идеи и лица» под авторством С. В. Иванеева и профессора З. А. Тажуризиной. Эта книга — сборник разноплановых материалов, в которых рассматриваются различные аспекты свободомыслия в отношении религии. Публикации сборника включают в себя и научные статьи, и публицистические тексты, материалы исторического и мемуарного характера.

В теоретических статьях авторы раскрывают теорию и идеологию свободомыслия. В частности, приведена типология вариантов свободомыслия в отношении религии. Исторические материалы содержат рассмотрение различных проявлений свободомыслия: отношение к атеизму в христианских источниках, антирелигиозное движение в СССР в послереволюционные годы, феномен ересей и т. д. Мемуарные материалы содержат воспоминания о работе и жизни выдающихся идеологов и исследователей свободомыслия, многих из которых авторы знали лично.

Книга интересна тем, что рассматриваемое явление — свободомыслие в отношении религии — в последние годы крайне редко становится предметом рассмотрения в научной литературе и за её пределами. При этом, как справедливо указывают авторы, само по себе это явление имеет широчайшее распространение и неоднократно играло важнейшую роль в развитии религий, верований и человеческого общества в целом. Многие материалы сборника можно назвать уникальными. Несмотря на ряд недочётов, описанных в рецензии, можно сделать вывод о существенной научной и научно-популярной ценности сборника.

Ключевые слова: свободомыслие, атеизм, гуманизм, религиоведение, сборник, мемуары, феноменология религии

E. I. Korostichenko

RAS Institute of Philosophy, Moscow (Russia)

BEYOND DENOMINATIONS AND ATHEISM: A REVIEW OF A COLLECTIVE BOOK “FREETHOUGHT AND ATHEISM: CONCEPTS AND PERSONAS”

This paper presents a review on a collective book “Freethought and atheism: concepts and personas” by Prof. Z. A. Tazhurizina and S. V. Ivaneev, published in 2018. The book is a collection of diverse papers considering various aspects of religious freethought. Collection includes scientific articles, op-ed essays and memorial papers.

In theoretical papers the authors consider the theory and ideology of religious freethought. Of particular interest is the proposed typology of different flavours of freethought. Historical materials present review and analysis of different manifestations of freethought: anti-religious movement in USSR in the decades before WWII, consideration of atheism in Christian writings, the phenomenon of heresies, etc. Memorial materials picture the life and works of prominent ideologists and researchers of freethought, many of whom were personal acquaintances of the authors.

The book stands out even from the fact that religious freethought has been incredibly scarcely considered by scholars in the recent years. At the same time, as authors reasonably argue, this phenomenon is very widespread, and more than once in history it has played significant role in the evolution of beliefs, religions and human society in general. Despite a number of shortcomings described in the review, it can be stated that the book presents significant value as a scientific work and non-fiction.

Key words: freethought, atheism, humanism, religion studies, collective works, memoirs, phenomenology of religion

Коростиченко Екатерина Игоревна, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: ek.korostichenko@gmail.com

Вышедший в 2018 г. в издательстве «Академический проект» сборник статей «Свободомыслие и атеизм: идеи и лица» под авторством С. В. Иванеева и З. А. Тажуризиной содержит статьи разного жанра: научные, публицистические, мемуарные. Они условно сгруппированы в трех разделах — «Идеи», «Лица», «Приложение». Все они объединены темой свободомыслия в отношении религии. Авторы рассматривают как персоналии (западные вольнодумцы П. Куртц, Ж. М. Гюйо, отечественные атеисты-религиоведы И. Д. Панцхава, Н. А. Пашков, Ю. Г. Петраш, Е. К. Дулуман, К. И. Никонов, З. П. Трофимова), так и исследовательские работы по свободомыслию общего характера.

Готовя сборник, авторы «ставили целью напомнить [читателю] о существовании той сферы культуры, которая сейчас [...] начинает уже забываться под натиском широкой религиозной пропаганды, — о свободомыслии в отношении религии (и, в частности, об атеизме) и его истории» (с. 5. Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания). Профессор З. А. Тажуризина справедливо отмечает, что свободомыслие в теоретической форме, опиравшееся на научное знание и свободное от религиозных пристрастий, содействовало объективному постижению религии, развитию религиоведения как науки. Однако автор с сожалением констатирует, что научный интерес к свободомыслию ослабел в настоящее время до такой степени, что оно даже перестало рассматриваться как раздел религиоведения. Действительно, за последние два десятилетия изучение свободомыслия было полностью или частично выведено из образовательных программ по религиоведению. В последние годы крайне редко появляются работы (статьи и книги) по проблемам свободомыслия, а если и появляются, то небольшим тиражом, как правило, это переводы сочинений западных вольнодумцев — атеистов и антиклерикалов¹. Издание призвано восполнить описываемый пробел в отечественной науке.

Раскрывая сущность, проявление и роль свободомыслия, авторы книги опираются на принципы марксистского исследования духовной культуры: историю свободомыслия, как и культуры в целом, авторы основывают на исследовании социально-экономических и политических обстоятельств жизни общества. Последовательная и методологически тщательная реализация этого подхода, не приводящая к вульгаризации и упрощению исследуемых явлений, четко прослеживается в теоретических статьях сборника.

Сборник открывает статья З. А. Тажуризиной, посвящённая типологии свободомыслия (богоборчество, антирелигиозный скептицизм, религиозный нигилизм, индифферентизм в отношении, пантеизм, атеизм). В рамках подхода рассматривается интегрирующая функция светской культуры, которая сплавливает общество, будучи свободной от религиозного воздействия. Значительное место Тажуризина уделяет специфике вольнодумной культуры в России, которая чаще всего проявляется в светской форме: в фольклоре, летописях, социально-политических и философских сочинениях, в художественной литературе, поэзии, изобразительном искусстве. Автор выявляет культурные основания российского свободомыслия, охватывая период с Древней Руси по настоящее время.

Особое внимание З. А. Тажуризина уделяет антирелигиозному движению в СССР в 20–30-х гг. XX в. Отвечая на критику богословами «безбожной эпохи», автор внимательно разбирает, как развёртывалось антирелигиозное движение, каковы его достоинства и недостатки, какова роль большевиков в этом процессе. З. А. Тажуризина выделяет два подхода к религии в те годы: экстремистский, авантюрный подход (оскорбление чувств верующих, разрушение храмов) и государственно-партийная линия (против методов насильственного характера в атеистической работе, за терпимое отношение к верующим) (с.152). Автор ярко иллюстрирует разницу подходов: «Если для экс-

¹ Больше прочих в этом отношении повезло Р. Докинзу; изданы также сочинения К. Хитченса, К. Дешнера, Б. Эрмана, С. Хокинга и др.

тремистского направления в атеизме было характерно постоянное употребление слов «разрушение», «уничтожение», то для второго, научного, было характерно использование [таких слов], как «кропотливая просветительская работа», «выработка научных представлений о мире и обществе» (с. 153). Статья представляет собой редкий пример подробного анализа этого сложнейшего исторического вопроса, приближающегося, по нашему мнению, к объективности.

В других материалах З. А. Тажуризина рассматривает, как формировалась традиция неприязненного отношения религиозных идеологов к свободомыслию, а также к атеизму. Автор приходит к выводу, что «всё связанное с критикой религии, прежде всего православия [...] получает отрицательную оценку» у православных мыслителей. Последние, по словам автора, «грешат» тем, что сводят разнообразие форм свободомыслия к религиозному нигилизму, а атеизм определяют как «суррогат религии». Анализируя религиозный нигилизм, сама З. А. Тажуризина подчёркивает, что он — «самая неплодотворная форма критики религии, отнюдь не способствующая утверждению гуманистических ценностей» (с. 127). Таким образом, автор последовательно разводит религиозный нигилизм со множеством более конструктивных воззрений.

Затрагивает З. А. Тажуризина и проблемы ересей — сложного феномена, который может быть разным по форме и степени отхода от религиозного мировоззрения. Общей чертой всех ересей автор считает их антиклерикализм, борьбу против претензий церкви, критику «алчности и распущенности духовенства». Автор суммирует в этом разделе многочисленные причины ересей, высказанные богословами и учёными, предлагает классификацию ересей.

Значительное место в сборнике отведено рассмотрению персоналий — западных теоретиков свободомыслия, отечественных религиоведов-атеистов. На примере творчества Ж. М. Гюйо и П. Куртца проанализированы разные аспекты воспитания и образования с позиций гуманистического атеизма (Гюйо), секулярного гуманизма как альтернативы религиозному мировоззрению (Куртц). Одна из своеобразных черт сборника состоит в том, что, помимо значимых зарубежных фигур, в разделе «Лица» С. В. Иванеев и З. А. Тажуризина вводят в него своих современников — религиоведов, с которыми они общались, обсуждая те или иные проблемы религии и атеизма. Среди них создатель первой кафедры религиоведения СССР И. Д. Панцхава, историки свободомыслия Н. А. Пашков, З. П. Трофимова, Е. К. Дулуман, исламовед Ю. Г. Петраш, специалист по религиозной антропологии К. И. Никонов. Большую ценность представляют воспоминания об ушедших из жизни, близких авторам современниках — атеистах, которые внесли вклад в развитие как свободомыслия, так и религиоведения в целом. Такой метод изложения даёт возможность более широко охватить историю возникновения и пребывания идей свободомыслия в рамках одной личности и в ее общении с единомышленниками.

В приложении к сборнику представлен любопытный прогноз о возможном росте религиозности в СССР, данный З. А. Тажуризиной в 1985 г., а также опубликовано недавнее интервью с ней, в котором она анализирует справедливость этого прогноза. Прогноз был основан на принципах марксистского общественнознания. Интерес к религии, по мнению профессора Тажуризиной, должен был возрастать в значительной степени

из-за наличия в обществе «плотной прослойки стяжателей», которая «создаёт неблагоприятную атмосферу в обществе» (с. 211–212). Страдая от неё, писала З. А. Тажуризина, социум утрачивает веру в социальную справедливость, в результате чего ищет выход в религии. Помимо наличия прослойки «стяжателей», среди причин называются «утрата доверия к самой идее социализма-коммунизма», резкое ухудшение жизни в период правления С. Г. Горбачёва, поощрение им деятельности религиозных организаций (например, Церковь объединения Муна, ныне официально причисленная в РФ и ряде европейских стран к тоталитарным и деструктивным сектам).

Большой раздел З. А. Тажуризина посвящает описанию своего опыта преподавания истории атеизма и свободомыслия студентам-физикам в постперестроечное время. Она обосновывает предположение о том, что преподаваемая дисциплина имеет нравственный посыл. «Своим культурным, гуманистическим потенциалом, направленностью на расширение социальной и духовной свободы она должна благотворно повлиять и на неверующего, и на верующего студента» (с. 244). Авторы постулируют, что необходимо защищать свободомыслие от дискредитации «церковной иерархией, поддерживаемой властями» [Тажуризина, 2015]. Это предположение лежит в рамках теории десекуляризации, активно развивающейся в последние десятилетия после того, как очевидно истощился потенциал теории секуляризации [Карпов, 2012]. Оно также явно следует из марксистского подхода к изучению религии, которого авторы последовательно придерживаются. Предположение это, несомненно, более здоровое, чем, скажем, подход ряда церковных богословов, огульно связывающих свободомыслие и атеизм, в частности, с аморальностью и низким уровнем культуры [Антонов, 2019].

Ценность книги С. В. Иванеева и З. А. Тажуризиной состоит прежде всего в том, что авторы в рамках небольшого объёма (на двух с лишним сотнях страниц) сумели раскрыть многообразие всемирного общественного и культурного явления свободомыслия в отношении религии в разных его проявлениях, отразив и идеи, и лица мирового движения свободомыслящих. Следует отметить, что хотя работа и носит совместный характер, вклад З. А. Тажуризиной преобладает и по объёму, и по значению. Из 24 статей сборника С. В. Иванеев написал четыре, и ещё один раздел («Интегрирующая функция светской гуманистической культуры») был создан совместно с З. А. Тажуризиной. Упомянутые четыре раздела включают в себя две мемуарных статьи о Ю. Г. Петраше и Е. К. Дулумане, одну исследовательскую статью о правах человека в отношении религии, а также переработанный, неоригинальный материал о П. Куртце. С. В. Иванеев, стремясь раскрыть глаза читателям на несовершенство российского конституционализма в статье «Права человека и интересы общества в их отношении к религии», допускает эмоциональный, обличительный тон, не свойственный научным работам, например: «нация разъедается непримиримыми классовыми противоречиями вследствие разрушительной политики финансовой олигархии». Признавая за автором право следовать принципам марксистского обществознания, мы сомневаемся в уместности целого ряда выражений подобного стиля, использованных автором.

Хочется не без оснований отметить присущую З. А. Тажуризиной основательность, обширность и глубину философских и религиоведческих знаний, тонкую осведомлённость в истории и теории свободомыслия. Во время подготовки сборника к изданию

были привлечены не только опубликованные материалы, но и ранее не изданные. Классификация свободомыслия, предложенная З. А. Тажуризиной, на наш взгляд, не имеет аналогов в отечественной науке и крайне мало — в мировой. Встречающиеся у западных авторов классификации [Gray, 2018; Hashemi, 2016], как правило, охватывают атеизм и другие формы «неверия», соответственно, имеют несколько меньший охват. Рассмотрение свободомыслия (freethought) зачастую имеет лишь историческую, обращённую в прошлое перспективу [Miller, 1993]. Обширная, логически построенная З. А. Тажуризиной категоризация явлений, связанных со свободомыслием в отношении религии, нам видится научным результатом несомненной ценности.

Важным и совершенно новым явлением в отечественной науке также является анализ гуманистического атеизма Гюйо, выполненный З. А. Тажуризиной. Этому же нельзя сказать о материалах, посвящённых П. Куртцу, поскольку более подробное исследование его работ, а также ряд переводов ранее выполнил В. А. Кувакин, в том числе в рамках разработок Российского гуманистического общества [Кувакин, 1998, 2005].

Отметим следующие недочёты сборника: описанию атеизма, его разновидностям, их роли в системе свободомыслия, на наш взгляд, можно было бы уделить больше места. Также в разделе «Идеи» недостает характеристики такой распространённой за рубежом формы свободомыслия, как агностицизм. Вероятно, также было бы хорошо подробнее ознакомить читателя с антиклерикализмом, который несведущий человек иногда принимает за атеизм.

Несмотря на некоторый разброс в характере и направленности статей, объединённых в сборнике, книга представляется нам весьма ценной публикацией. Большинство приведённых в ней материалов имеют несомненную научную ценность, а часть можно смело назвать уникальными. Сборник мы рекомендуем к внимательному ознакомлению всем интересующимся современной наукой о религии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонов К. М. Психология религии в России XIX — начала XXI века. М. : ПСТГУ, 2019. 536 с.

Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 2. С. 112–164.

Кувакин В. А. Гуманизм: бремя просвещения и мужества // Здравый смысл. 2005. Т. 37. № 4. С. 3–4.

Кувакин В. А. Твой рай и ад. Человечность и бесчеловечность человека: Философия, психология и стиль мышления гуманизма. М. ; СПб. : Логос: Алетейя, 1998. 360 с.

Тажуризина З. А. «Атеофобия» в истории христианства и свободомыслия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2015. № 1. С. 81–95.

Gray J. Seven types of atheism. First American edition. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 170 с.

Hashemi M. A new typology of modern atheisms: pilgrim atheism versus tourist atheism // Culture and Religion. 2016. Vol. 17. A new typology of modern atheisms. № 1. Pp. 56–72.

Miller P. N. “Freethinking” and “Freedom of Thought” in eighteenth-century Britain // The Historical Journal. 1993. Vol. 36. № 3. Pp. 599–617.

REFERENCES

Antonov K. M. *Psikhologiiia religii v Rossii XIX — nachala XXI veka* [Religion psychology in Russia in XIX-early XX century]. Moskva: PSTGU, 2019. 536 s. (in Russian).

Karpov V. *Kontseptual'nye osnovy teorii desekuliarizatsii* [Conceptual basis of the desecularization theory]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2012. T. 30. № 2. S. 112–164 (in Russian).

Kuvakin V. A. *Gumanizm: bremia prosveshcheniia i muzhestva* [Humanism: a burden of enlightenment and valour]. *Zdravyi smysl* [Common Sense]. 2005. T. 37, № 4. S. 3–4 (in Russian).

Kuvakin V. A. *Tvoi rai i ad. Chelovechnost' i beschelovechnost' cheloveka: Filosofiiia, psikhologiiia i stil' myshleniia gumanizma* [Humanity and inhumanity of a human: philosophy, psychology and manner of thought of humanism]. M. \$ SPb: Logos: Aleteia, 1998. 360 s. (in Russian).

Tazhurizina Z. A. *“Ateofobiiia” v istorii khristianstva i svobodomyshliia* [“Atheophobia” in the history of Christianity and Freethought]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [MSU Vestnik]. Seriiia 7: Filosofiiia. 2015. № 1. S. 81–95 (in Russian).

Gray J. *Seven types of atheism. First American edition*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 170 p.

Hashemi M. *A new typology of modern atheisms: pilgrim atheism versus tourist atheism*. *Culture and Religion*. 2016. Vol. 17. A new typology of modern atheisms. № 1, pp. 56–72.

Miller P. N. *“Freethinking” and “Freedom of Thought” in eighteenth-century Britain*. *The Historical Journal*. 1993. Vol. 36. № 3, pp. 599–617.

Цитирование статьи:

Коростиченко Е. И. За пределами конфессий и атеизма: рецензия на сборник «Свободомыслие и атеизм: идеи и лица» // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 150–156.

Citation:

Korostichenko E. I. *Beyond Denominations and Atheism: a review of a collective book “Freethought and atheism: concepts and personas”*. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 150–156.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г. ISSN 2307–4671

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WorldCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии;

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. Л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, г. Москва (Россия)

**ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹**

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источ-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

никами выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of sciences, Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). contact address: i. i.ivanov@mail.ru

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i. i.ivanov@mail.ru

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. После библиографического списка размещается References.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М., 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат или диссертация:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html) / (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz» Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoj traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013). (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. *Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]*. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисовочные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2019 №4 (21)

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 12.11.2019.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 13.2. Тираж 300 экз. Заказ ???.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66